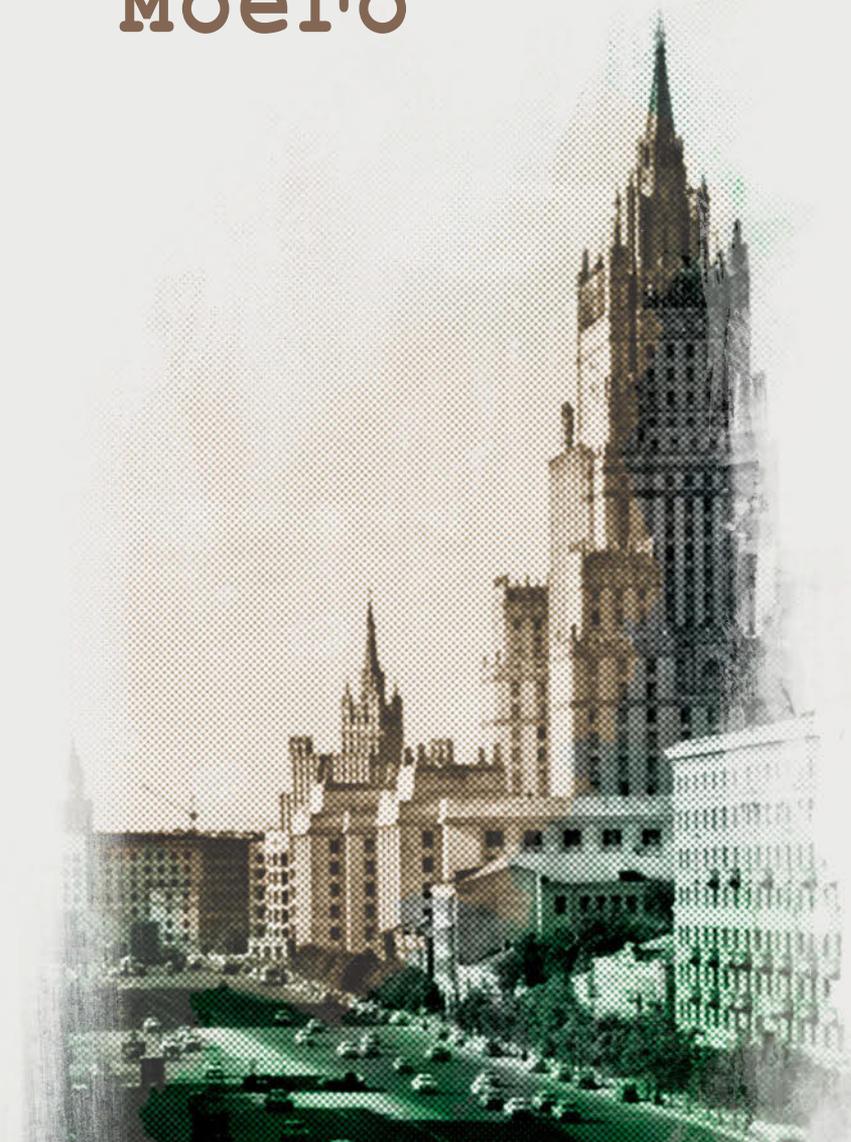

А л и к Т о л ч и н с к и й

История моего

С
О
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
И
К
А

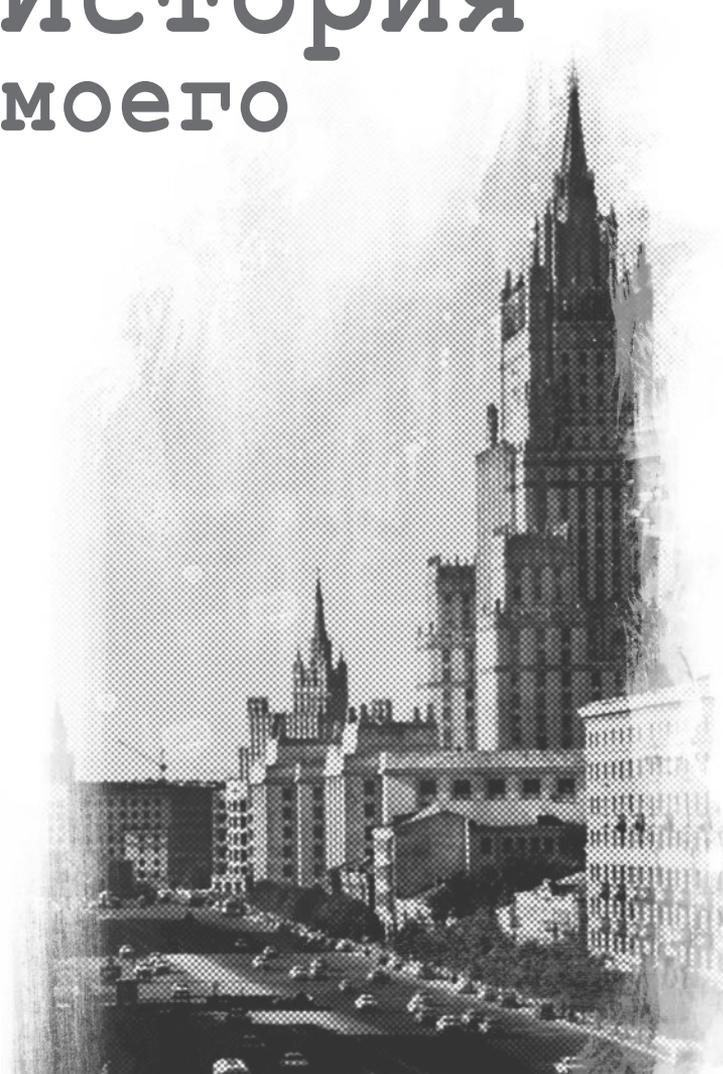

А л и к Т о л ч и н с к и й

История моего

С
О
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
И
К
А

БОСТОН • 2022 • BOSTON

Алик Толчинский

История моего современника. *Повесть и рассказы*

Alik Tolchinsky

My Contemporary's Story. *Novel and Short Stories*

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2022 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319787

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Иллюстрации и фотографии в тексте: А. Толчинский

Дизайн обложки: Лариса Студинская © 2022

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Отпечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ. *Эффект Расёмона* 7

ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА (*повесть*)

Я, Зинде Михаил Максович 11

Мишкин юбилей 59

Лёвка. 70

Отец Алексей 101

РАССКАЗЫ

Признанному гению от непризнанного 123

Лаборатория номер 316 171

Странная квартира. 191

Как я стал не членом Пушкинского общества. . . 211

ПОСЛЕСЛОВИЕ 219

李

ЭФФЕКТ РАСЁМОНА*

*Настоящая литература существует
на нейтральной полосе между холодным
смыслом и неукротимым безумием.*

Писательство должно совмещать страсть и прагматизм. Хорошая книга подобна швейцарским часам: снаружи сияет циферблат и резво стрелки тикают, а внутри скрыта адская машинерия из колёсиков и маятников, шестерёнок и пружинок.

Хорошая книга подобна добротному фокусу: читатель должен закрывать её в состоянии изумления. Как после циркового представления, когда, распиленная пополам красавица, оказывается цела и невредима. Литература — искусство, а искусство всегда содержит элемент чуда. В противном случае это не искусство.

Книга Алика Толчинского напоминает зеркальный лабиринт: через какое-то время ты уже не уверен, куда ведёт

* Расёмон (букв. «зámковые ворота») — ворота, стоявшие в южных концах основных городских проспектов в древних японских столицах Наре и Киото. К XII веку ворота пришли в запустение и стали небезопасным местом, имевшим дурную славу пристанища воров и разбойников. Именно эти разрушенные ворота послужили основной сценой действия рассказа «Ворота Расёмон» Рюносэ Акутагавы и одноименного фильма Акиры Куросавы. Для Акутагавы Расёмон являлись символом морального и физического разложения японского общества времён заката эпохи Хэйан. В фильме Куросавы герои вспоминают, что «по преданию, в воротах Расёмон жил дьявол, но и он сбежал, рассмотревшись на человеческую подлость». (*Википедия*)

тебя повествование, что ты видишь — автопортрет рассказчика, портрет героя, своё отражение или ещё чьё-то. Или это просто отражение другого зеркала? Или отражение отражения?

По привычке мы ждём в мемуарах так называемого истинного отражения событий. Но что есть истина? И чем она отличается от правды? Наши отношения с правдой весьма запутанны — вроде отношений между супругами, которые несколько лет жили вместе, потом развелись, а после сошлись снова. И не просто сошлись, а поженились ещё раз. Наверняка у вас тоже есть в знакомых такие.

С правдой нужно обращаться осторожно. Как с опасной бритвой — сравнение банально, к тому же такими бритвами никто уже давно не пользуется, но от этого бритвенная сталь не становится менее острой. Может, именно острота стали и пугает нынешних мужчин; они ведь такие нежные, такие ласковые — ну просто лапочки.

Ради правды талантливый автор готов пожертвовать многим — даже правдой. Она, его правда, похожа на разбитое зеркало, где отражение мира истинно, но расчленено на фрагменты, вроде осыпавшейся на пол мозаики: вот ультрамариновый кусок неизвестного моря, вот чей-то глаз — карий и, скорее всего, девичий. А вот чёрный, как сажа, осколок безлунной ночи. Весьма вероятно, это — тайный грех и, вполне возможно, что именно его. Или твой. А, может, и мой.

Половина евреев, эмигрировавших из России, уже написала свои мемуары. Вторая половина пишет сейчас и вы сможете их прочитать в скором времени.

Обычно подобная книга состоит из стандартного ностальгического комплекта — в советские времена такая штука называлась «праздничный заказ»: банка шпрот, бутылка шампанского, кетовая икра, палка «салями», пачка гречки.

Ингредиенты книжки мемуаров тоже незатейливы: коммунальный коридор, неизбежный общественный клозет, соседский друг Петька — сын водопроводчика, дух кислых щей, поход в баню, драка до кровавых соплей во дворе. С неотвратимостью рока из книги в книгу кочует порочная соседка Зинка (или Зойка) — разбитная разведёнка, совокупляющаяся со всей округой, включая шоферню и залётных жиганов. Впрочем, эротический мотив мемуаров пресен и однообразен: ночное подслушивание и дневное подглядывание, трофейные карты с баварскими красотками, тайное чтение Мопассана и медицинской энциклопедии — апофеозом становится пьяное фиаско соития с колхозной поварихой на «картошке» после первого курса. Следом вереницей пойдут линиялые жёны, нервные любовницы, неблагодарные дети. Пара лучших друзей, которые в конце концов предадут героя и уныло скончаются в бедности.

В книге Толчинского присутствует узнаваемый набор. Но — и вот что самое главное — весь этот, набивший оскомины советский гербарий, автор использует лишь как фон. Его не так интересуют сами события, сколько анатомия поступков. Он не просто описывает персонаж — автор препарирует его, вскрывает череп, лезет в душу, копается в потрохах. Подход автора — смесь психоанализа с аутопсией. Толчинский блестяще совмещает почти немецкий прагматизм стороннего наблюдателя с неожиданной страстью любовника, мужа, отца и друга.

Именно тут ему удаётся вывести книгу на новый уровень. Автор из мемуариста превращается в исследователя бытия. Фрагментарность книги обретает высший смысл: так в фильме Куросавы несколько человек рассказывают о том, что видели, но в силу разных обстоятельств рассказы получаются, как если бы они видели разные события. Такое в жизни повседневно случается и не потому, что кто-то что-то пытается скрыть правду, просто мы по-разному понимаем мотивацию событий.

Толчинский разыгрывает для нас несколько спектаклей, автор предстаёт в разных масках, читатель видит одну и ту же правду с разных сторон. Он спрашивает: как мы видим окружающих нас людей, как мы судим их поступки и их самих, каковы мы сами? Каков я? Неужели вокруг нас множество миров, в которых мы отличаемся от самих себя. В чём тогда истина?

Данте говорил: «Главная цель любого, кто совершает поступки, — раскрытие собственного «я» через эти поступки».

Наша планета — корабль дураков. Земля летит сквозь холодную пустоту космоса без капитана и без шкипера. Раньше штурвал был в руках Бога, но человек уволил Его, возомнив себя равным. Технологические игрушки — смартфоны, компьютеры, межконтинентальные ракеты и прочая дребедень — лишили человека не только остатков здравого смысла, мы переместились в параллельную реальность — примитивную, пёструю, оглушительную и абсолютно аморальную. Последнее — самое страшное.

Каким образом мы оказались на обречённом корабле? Откуда пролегла трещина? Где она, та точка невозврата?

Мы все — часть эпохи: каждый человек, нация, страна, человечество. Именно в таком контексте автор и анализирует часть нашей истории. Его не интересует политика или экономика, его задача заключается в одном: разобраться и понять, что происходит с душой человека. Катастрофа мира — это взгляд из души человека.

***Валерий Бочков**, писатель, художник-график,
член американского ПЕН-Клуба,
создатель проекта «Новые Деньги Мира»,
лауреат премии «ADDY Award».*

ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА

I

Я, Зинде Михаил Максович

(попытка автобиографии)

... **Р**одился в 1938 году. Сейчас мне 56 лет, и я потихоньку начинаю разваливаться.

Небольшая история вместо эпиграфа. Как-то «на картошке» меня обокрали. Когда я мылся в душе после работы, деревенские мальчишки забрались в мой незапертый сарайчик и утащили транзисторный приемник и фонарик. Не успел я вернуться в Москву и завести себе новый приемник и фонарик, как грабанули квартиру на улице Кирова. Свернули хилый замок и, как ни странно, унесли именно приемник и фонарик.

Я пожаловался племяннице Алине:

— Какая-то мистика, — говорю. — Оба раза взяли только приемник и фонарик.

— Никакой мистики, — ответила моя мудрая племянница. — Просто у тебя больше нечего брать.

А в каком году это было? Помню, что в ту зиму я ходил в румынском пальто с подстежкой из овчины. А московского грабителя потом, между прочим, поймали. Его вычислил гостевавший у меня мой тогдашний коллега Лёня Сержан, и меня даже вызывали в суд. Парень оказался психом, и его насильственно упекли в сумасшедший дом. В общем, грустная история, с какой стороны ни возьми.

Теперь цикл повеселее:

В юности у меня была очень густая и непослушная шевелюра. Правда и лысеть я начал довольно рано. Как-то раз мать сливала мне ковшиком на голову и заметила, что волосы сыплются. Жили мы тогда вчетвером в шестиметровой комнатке недалеко от Белорусского вокзала — после ареста отца нашу квартиру в центре Москвы зацапал кагэбэшный полковник, и семью приютил дядя Иосиф, брат отца, сапожник. Никаких ванн в одноэтажном бараке, само собой, не было. Мылись на коммунальной кухне, где и обнаружилось, что я лысею.

Сестра Фира сказала, что надо заваривать кипятком черный хлеб и мазать этой кашей голову вместо мыла. Затем подскочила тетя Маня Макридова, русская жена дяди Иосифа, и посоветовала яичные желтки. Мать же вспомнила старый еврейский способ для укрепления волос — втирать в голову сырой лук.

«Чего мелочиться», — думаю.

Заварил половину буханки черняшки, вбил туда два желтка, обливаясь слезами, натер на терке огромную луковицу и... замер с чувством какой-то незавершенности. Наконец, в волнении, на сильном душевном подъеме я круто посолил получившуюся похлебку и попросил у мамы на четвертинку. Она хихикнула и выдала. (Впрочем, не уверен. Из 4-го Лесного рядом с Белорусским вокзалом мы уехали, когда я кончал школу. Я тогда уже курил, но водку еще не пил. Да и на четвертинку мать мне никогда бы в те бедные времена не дала. Но что-то ведь было?).

Еще пара «плешивых» историй. Ехал я электричкой в свой Орехово-Зуевский пединститут на занятия. Народу в вагоне было мало. Напротив меня сидели симпатичная мама с пятилетней дочкой и играли в слова — поочередно выдумывали существительные на какую-нибудь букву, к примеру: барабан — бутылка — булка — бык — береза и т.д. Девочка всё время застревала, и я стал ей тихонько подсказывать, жестами... Ложка — линейка — липа — лупа... Мать говорит:

«Лень». Дочка смотрит на меня, Я прикладываю палец ко лбу. «Лоб», — говорит девочка. Мать произносит: «Ложь». Дочка смотрит на меня. Я провожу пальцем по макушке и задерживаю дыхание — вдруг она не поймет, не заметит... Но эта мелкая негодница встает на цыпочки, пару секунд разглядывает мою голову и на весь вагон радостно верещит: «Лысына!» Было мне тогда приблизительно тридцать.

Я уже учился в университете и мне повезло постриться в салоне на улице Горького. Я сразу стал, вроде бы, мужественным, почти красивым и чуть ли не целую неделю берег прическу, готов был спать с ведром на голове. Второй раз такая красота уже не получилась, хотя я и высидел многочасовую очередь. Ходить по салонам или искать хорошего личного парикмахера — на это у меня никогда не было ни времени, ни денег. Но кокетство в душе остается, хоть и стареешь. Поэтому, чтобы добиться расположения парикмахерш, я одно время, садясь в кресло, бросал им на стол рублевую бумажку вместо положенных тогда сорока копеек и просил постричь меня «на рубль». И вот, когда в очередной раз я щедрым фертом повторил эту операцию и, откинув голову на спинку, посмотрел в зеркало на свою молоденькую мастерицу, та в задумчивости оглядела мою плешь и, наконец, сказала: «Вы знаете, я бы и рада, но на рубль тут никак не будет». Мерзавка!

Впервые я рассказал эту милую историю своей будущей жене Люде. Мы с ней ехали в пустом колхозном автобусе за продуктами для картофельного отряда. Она в ответ негромко, но звонко рассмеялась, и я решил, что у неё есть чувство юмора.

И наконец, чтобы закрыть тему. Опоздали мы как-то с Сенькой Фридрихом на электричку в Москву — ехали домой с занятий из любимого пединститута. Ждать следующую было около часа, и мы пошли в магазин номер 20, который недалеко от станции. На первом этаже там продовольственный, на втором — универмаг. Поднимаемся на

второй этаж и глазам своим не верим — в галантерейном отделе стоит на витрине очень дефицитный «Биокрин», такая чешская жидкость для поливания плешу.

Мой сосед по улице Кирова, Аркадий Яковлевич, целый год дважды в день ваткой втирал «Биокрин» в свою голую, как бильярдный шар, голову, и на ней реально появился пушок — тоненький, нежный, как у цыпленка.

Но дело даже не в лысине. В конечном итоге, плевать на лысину. У Сеньки, кстати, её вообще нет. Дело в том, что зимой, когда долго ходишь в меховой ушанке, часто зудит голова. И «Биокрин» здорово помогает, особенно, если поливаться им после душа. В общем, порылись мы в карманах и наскребли — я на пять флаконов, Сенька на три. Флакон стоил шестьдесят копеек. Продавщица посмотрела на нас с большим уважением, мол, какие умные люди эти преподаватели, и говорит, махнув рукой на соседнюю очередь, где толпились ханыги: «А эти м...даки жрут лосьон за рубль пятнадцать!»

Не знаю про себя, но Сенька со своим синим еврейским носом, видимо, и вправду похож на алкаша, хотя именно я — таки-да, а он (по скупости) — нет. Однажды на «картошке» подходит ко мне в поле тракторист и говорит:

— Пошли, выпьем.

— Не пью, — отвечаю. (Больно нужно мазаться. Тем более, что на работе я действительно не пью, разве что после отбоя).

— Не пи...дишь? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю.

— Только не ...би мне мозги, что твой Ароньч (Семен Аронович Фридрих) тоже не принимает. Кого-кого, а этого сразу видать.

Или еще... Во, блин! Истории в голове так и вертятся. Явно заболела графоманией. Пора переходить к вещам посерьезнее. После смерти сестры я нашел в бумагах её старые метрики: Зинде Эсфирь Мордуховна родилась 6 января

1920 года. Наши родители значатся там так: Отец — Зинде Мордух Мовшевич, Мать — Зинде Гинда Шимоновна. Я и не знал их настоящие имена, привык к Максиму Моисеевичу и Гинде Семеновне.

Вышли они из захолустного Слуцка в Белоруссии. О предках со стороны матери мне практически ничего не известно. Её отец исчез в 1904 году — кажется, уехал в Америку и пропал. Мать заживо сгорела в Москве в 20-е годы, когда училась управляться с керосинкой. Даже фотографий не осталось, хотя Мордух и любил снимать. То ли он тещу не жаловал, то ли она погибла раньше, чем в доме завелся фотоаппарат. О родителях отца я знаю больше. Деда, правда, не помню. Говорят, это был тихий, чуть пришибленный еврей, который любил выпить рюмочку и раздавать детям во дворе леденцы. Бабка — властная, костистая, крепкая нарожала ему одиннадцать детей по принципу «Ну еще одного заведу, ну еще одна кружка воды в суп». Жила она стиркой белья, а перед смертью — ей тогда стукнуло уже девяносто — чуть не вышла замуж: познакомилась на бульваре с царским генералом. Но когда тот надумал подарить ей телевизор, его пожилая дочка взбунтовалась и каким-то образом разлучила влюбленных. При бабке многочисленная семья по торжественным датам еще собиралась, потом распалась. У меня в Москве, видимо, куча двоюродных братьев и сестер.

Итак, местечковый Слуцк. Отец — неграмотный маляр, перебивается случайными заработками. Ему около семнадцати. Мать — ученица в портняжной мастерской. Кончила экстерном четыре класса гимназии, пухленькая, хорошенькая, на год моложе. Он делает ей предложение. Она фыркает: «Еще чего! Босьяк!» Но тут на страну обрушивается Великая Октябрьская. Отец — первый и единственный в местечке коммунист, вступил в партию еще весной 1917, когда в городке стояли на постое солдаты. Маузер, кожанка. Мать устоять уже не может. Он разбойничает около года в железнодорожной ЧК, получает ранение, и его отправляют в сто-

лицу на рабфак. В Москве им дают двухкомнатную квартиру в доме «Нерензее» на площади Пушкина и ордера на склад с отнятыми у буржуев вещами. Они берут там постельное белье с дворянскими монограммами, ломберный столик с секретным ящичком, шкаф в стиле «модерн» и Бог знает, что еще. С тех времен у меня осталась дурацкая фаянсовая ваза для фруктов, с ангелочком. В общем, отец начинает учиться. Мать с трудом объясняет ему, что такое дробь. Он потихоньку заканчивает рабфак, поступает в институт и... когда его в 1938 забирают, он уже главный технолог артиллерийской промышленности Советского Союза, профессор и, самое удивительное, автор книги «Протяжки», переведенной (в те-то темные наши времена) на английский, немецкий и французский. А еще он был изобретателем и ускорил перед войной проходку пушечных стволов чуть ли не в тысячу раз. Макс оказался на редкость талантливым.

АНЕКДОТ

Уже во времена «перестройки» ехали мы с племянницей Алиной домой на частнике и разболтались: как бы мы, мол, жили, не арестуй эти сволочи нашего Макса. И тут водитель внезапно сказал: «У моего деда до революции было в России три публичных дома. А как бы жил сейчас я, если бы не ваш Макс?» И не отдал, подлец, сдачу с десятки — экспроприировал. И был, видимо, прав. У меня до сих пор чувство вины перед русским народом, даже антисемитизм я в какой-то мере понимаю. И голосовать не хожу. Это дело коренного населения.

Засадили отца, само собой, по доносу, из зависти, но по сути за то, что несколько лет он проработал за границей. Был каким-то начальником по закупке станков в США, Англии и Германии, а заодно, я уверен, советским техническим шпионом. Однако официально первый срок ему вlepили за троцкизм. Через пару лет после смерти Сталина

к нам домой появился маленький лысый человек и спросил, жив ли Макс. Мать ответила, что жив, но еще не приехал. Лысый спросил, за что Макса посадили, и когда узнал, смеялся до слез от души. Оказалось, что отец, ярый большевик, как-то раз крепко набил ему морду — человечек действительно был троцкистом. Но как он хохотал!

Я познакомился с отцом в семнадцать лет. От меня раньше скрывали, где он. Говорили, что военный и где-то служит. Меня это мало волновало — тогда редко, у кого были отцы. В начале 50-х его реабилитировали, восстановили в партии и тут же назначили по партийной линии главным технологом Норильского комбината. Правда, всю отсидку засчитали за северный стаж, и приехал он в отпуск в 1955 году с уймой денег. Сбежались родственники. Человек он был широкий.

Старший в семье, до лагеря — самый успешный, он вытаскивал из Слуцка всех своих братьев и помог им встать на ноги. Галстуки или что иное покупал дюжинами и подарки делать любил. Когда дошла очередь до меня, я попросил у него кисточку для бритвы. Он, ясное дело, обиделся. Не сошлись мы, спорили из-за политики, дулись друг на друга. Я во время «оттепели» был диссидентом, бунтовал. Он же колебался вместе с линией партии. А вот, сестру отец любил. В семью Макс после Севера возвращаться не стал, завел себе на Севере костлявую, дремучую мымру. Мать переживала — хотя в лагерь за ним не поехала, но изменять — никогда не изменяла. Перед его возвращением она вставила себе зубы и однажды, когда я вернулся из школы, оскалилась мне навстречу. У меня от неожиданности сердце зашло.

Потом он получил квартиру в Черемушках, работал. Мы изредка встречались, поругивались. Мымра, правду говоря, ухаживала за ним хорошо, а потом надула сестру и меня с наследством. Умер он в 1975 году, за два месяца до матери.

На похоронах в крематории говорили всякие революционные речи (меня от них тошнило, но мудрая Алина сказа-

ла, что именно такого прощания дед бы и хотел). Где урна, мыбра нам не сообщила, а потом завела себе следующего старичка. Когда я сейчас вспоминаю отца, в душе у меня пусто. Всплывают всякие глупые мелочи — помню, как пошли мы вместе в баню и первым делом посмотрели, что у кого болтается между ног. Помню еще, как он, прикрыв глаза, пел за столом революционные песни...

Грёбаная страна!

МОИ ПОДАРКИ

Жизнь можно делить на отрезки и запоминать по-разному. Привычно — по годам. Но если в голове у тебя от них одна каша? Удобно по тому, где в то или иное время работал. А если отпахал около тридцати лет в одном и том же провинциальном институте? У меня такое ощущение, что мою жизнь проще всего рассортировать по тем шмоткам (почти по Довлатову), которые я с трудом доставал и носил в определенный период. Я всегда покупал себе всё сам. Пойди, достань хоть чего-нибудь в наших магазинах, а таскаться по ним в смерть ненавидишь, да и денег всегда мало.

Первый костюм мне справили в десятом классе. До этого мать шила всё из старых юбок. Было у меня время драпового советского пальто с широким поясом. Сколько же я за ним побегал! Было время темно синего чешского пальто, которое мне очень шло. Я носил его больше десяти лет, а потом укоротил и возил с собой на «картошку» вместо телогрейки. Было время...

А однажды подарила мне сестра Фира на день рождения японский дипломат. Да какой! Черный, блестящий, с номерными замочками. Они, дипломаты, тогда только входили в моду. Я его окрестил акушерским чемоданчиком, но в душе был доволен. И вот, собираюсь я на работу в своё Орехово-Зуево, а за мной зашел в это время Сенька Фридрих — видимо, мы хотели ехать вместе. Похвастался я по-

дарком, надеваю пальто, беру чемоданчик... и вдруг, совершенно неожиданно Сенька орет:

— Поставь на хрен чемоданчик назад!

— Ты что, озверел?

— Посмотри на себя в зеркало, м...дак!

И вправду, стою я в буклешном пальтеце с зеленоватым отливом, с коричневым искусственным воротником (я это пальто купил лет пять до того за 47 рублей в магазине уцененных товаров, когда летом гостил у тещи в Озерах, и страшно им гордился) ...итак стою я в задрипанном букле, в разлохмаченной кроликовой шапке... и этот поблескивающий, как концертный рояль, хренов чемоданчик.

В конце концов, я поехал в Орехово со старым портфелем, а через пару дней, после получки мы отправились с Фридрихом покупать мне новое зимнее пальто. Под чемоданчик подошло только черное драповое, с каракулевым воротником за 217 рублей. В целом вполне элегантное, хоть и старомодное. Но тут начались проблемы — нужна новая шапка, не говоря уж о сапогах. С сапогами устроилось быстро, а вот за шапкой пришлось погоняться. Наконец, я достал высокий каракулевый кивер с козырьком за 80 рублей. Он, правда, был мне малость тесноват, но я решил, что разносится. Хотел было отнести его в растяжку в шляпную мастерскую, но потом увидел, что внутри, по тулье он проложен картонной полосой, толстой, как авиационная фанера. Тогда я набил кивер скомканными газетами, с силой их напихал, и положил на шкаф. Через три дня достал, вынул газеты, надел и... охнул!

Если бы он не застрял на носу, то, наверное, до яиц бы провалился. Пришлось накладывать на плешь маленькую подушку-думку и так ехать на работу.

Но съездил я в Орехово с дипломатом всего один раз. Дело в том, что в электричке я сплю, причем всегда у окна, с правой стороны, положив локоть на портфель. А с дипломата локоть соскальзывал, и я бился лбом о стекло. Ну и на

чёрта мне такой дипломат? Кому-то подарил. А новенькое драповое пальто и снова ужавшийся кивер до сих пор хранятся у меня в шкафу. Выкинуть — рука не поднимается.

Сейчас у меня пора синих совковых курток. Из патриотизма купил целых четыре штуки. «Опять синяя!» — хрюкнула моя бывшая жена Людочка.

НЕМНОГО О СЕБЕ

А за границей я бы действительно жить не хотел. Скушно. Да и как сказала одна старая еврейка, когда в очереди за колбасой ей посоветовали убраться в Израиль: «Если мы все уедем, вы еще быстрее нашу Родину пропьете и разворуете».

Нет, не уважаю я великий русский народ и даже пью по-еврейски: всего 125 граммов, но каждый день.

А с другой стороны, какой я, к черту, еврей! Памяти на прошлое, как я уже сказал, у меня нет. В голове туманные, несвязанные с конкретными годами, обрывки. Белые стены, какие-то ужасно толстые трубы. Меня несут вниз в голубеньких носочках. Видимо, это воздушная тревога — Москву бомбят. Кошмар. Я иду за ручку с мамой, а за нами едет легковая машина. Мы бежим, она не отстает. Мы на лестницу, она на лестницу, мы в узенький проход, она туда же... Чердаки, тупики. Не отстает...

Я с болью, с кровью какаю на берегу пересохшего арыка. В мелкой луже плавают рыбы мальки. Встать с корточек нет сил — у меня сильная дизентерия. Узбекистан. Голод, видно, меня здорово напугал — до сих пор, собираясь в Орехово, кладу в портфель кусочек хлеба и что-нибудь еще: а вдруг начнется война...

На вокзальной платформе стоит молодой узбек с веткой абрикоса. Он подносит её ко рту, снимает губами абрикос и через несколько секунд выплевывает одни скорлупки от косточки. Потрясающе.

По небу летят птицы с какими-то странными, тупыми, короткими хвостами. Я падаю со второй полки в поезде

прямо в ведро с посудой. Мать навзрыд плачет в кабинете директорши детского сада. Меня не хотят принимать на пятитдневку. Я нахожу на прогулке огромного, высохшего глиста и с гордой тревогой несу воспитательнице.

Под елочкой стоит крепенький коричневый гриб. У меня екает в груди. Спрашиваю мать, кого она больше любит — меня или Сталина. Отвечает, что обоих.

«Первый раз в первый класс». Портфелем мне разбивают голову за то, что жид.

Во дворе валяется белый надувной шарик, только спущенный и измазанный липкой белой жидкостью. Я пытаюсь его надуть. Мать смеется, вытирает мне губы, моет шарик с мылом и отдает назад. Совершенно непонятная вывеска на улице Горького: «Кафетерий Форель».

Люська Макридова, годами тремя старше, обучает меня сексу. Я вкладываю свой чирышек вдоль её еще не волосатых губ.

В нашем дворе драка. К семье Парамоновых — отец и два сына — из заключения приехали мстить уголовники. На Парамонове-старшем лежит какой-то парень и грызет ему горло.

Учился я плохо. В седьмом классе чуть было не остался на второй год из-за немецкого. Правда, немка меня не любила и поблажек не давала — я нечаянно зафигачил ей жеваной промокашкой в лоб. Мать меня, однако, за лето натаскала, и экзамен удалось пересдать. Пару раз меня чуть не выгнали из школы за разные мелкие шкоды — всё время приходилось доказывать, что ты хоть и еврей, но ничего, свой парень, не хуже других. Но с девятого класса нас объединили с девочками и, получив подряд три пары, я застыдился и взялся, наконец, за учебу.

Вообще, детство и юность у меня были те еще. В послевоенные годы, совсем шкетом, я менял для семьи на толкучках сахар на хлеб и наоборот, потом спекулировал билетами в кино, воровал под Новый год елки с машин на Ленинградском шоссе, с азартом дулся в «петушка» и другие азартные

игры, сам собрал из металлолома велосипед, пытался гонять голубей, мучился от прыщей, матерился, дрался, интересовался порнухой, знал кучу стишков и поговорок из блатного фольклора и, как мне кажется, был довольно противным. Издевался над бедной племянницей, мотал нервы матери.

Кончив школу, я намылился на факультет журналистики, но сестра меня отговорила — мол, не мужское это занятие, и я подал документы в институт тонкой химической технологии, да еще сманил туда своего друга Алика Котова. Мы оба поступили — он честно, а я — потому что считался «сыном полярника». Отец всё ещё работал в Норильске, и у меня было право идти вне конкурса, то есть сдать экзамены хоть как, лишь бы без двоек. Я и сдал на одни тройки, кроме сочинения. Через пару лет это правительственное постановление о полярниках отменили.

Из института я в конце первого курса сбежал и уехал на целину, где влюбился и завел сына Алешку, потом работал электромонтажником в метрострое — развешивал по туннелю кабель на станции «Спортивная», был рабочим в геологической партии на Саянах — искали горный хрусталь, вкалывал токарем-сверловщиком на заводе «Калибр» — сверлил и растачивал вращающиеся центры для шпинделей, был конюхом и завхозом в Забайкальской экспедиции, наборщиком и грузчиком в типографии, а еще гонял плоты по Енисею и... В общем, жил в людях.

Затем меня начали таскать в военкомат, предложили курсы для шоферов при ДОСААФ, я согласился, но за время этой отсрочки успел выучить английский и поступить в МГУ.

Свою молодость я не люблю. Очень уж нервно и неустроенно было.

Страшное воспоминание об экспедиции. Ходили мы вшестером по Алтаю — проверяли заявки на хрусталь. Занесло нас в заброшенный поселок золотоискателей, где осталось жить всего несколько человек и было полно пустых изб

и барачков. Мы даже наняли себе на пару недель повариху — шалаву лет тридцати. Кое-кто из наших был не прочь с ней переспать, но она положила глаз на меня, самого молоденького и неиспорченного. Я интересу не проявлял — тем более, что в Москве меня ждали. Она не отступалась. Наконец ей пришло в голову пригласить меня к себе домой, соблазнив баней. На баню я клюнул и к вечеру поехал в поселок на старом мерине Майкле, которого называли так, наверное, в мою честь за толстую отвислую нижнюю губу. Ребята, провожая меня, не без зависти хихикали. От того места, где мы разбили палатки, до поселка было всего километра три таежной тропой. Отказавшись от предложения поварихи потерять мне спину, я попарился и вернулся в горницу. На столе стояла бутылка спирта и закусь. Она мне всё подливала и подливали, но моей моральной стойкости не учла. Я хоть и назююкался до соплей, но всё же, гад такой, решил отправиться домой. Было уже темно, моросил дождь. Я чудом взгромоздился на Майкла, при том еще с керосиновой лампой в руках, чтобы освещать ему путь, и мы поехали. Несмотря на дурацкую лампу, которая слепила мерину глаза, он меня всё же довёз. В лагере я слез с него задницей прямо в лужу, посидел пару минут и пошел спать.

Вот тут и начинается самое страшное — я залез в спальник головой «в ноги» и тут же отключился. Поспал я, думаю, не больше получаса... Меня душили в газовой камере, связали по рукам и душили... Теряя сознание, я начал сучить ногами и орать. Ребята меня вытащили и привели в чувство, а потом рассказали, что я не первый проделываю такой фокус — хорошо еще, что не обмочился.

Повариха скоро дала нашему стажеру Альберту, а Майкл сломал ногу, и его пристрелили. Но жаркое из своего тезки я есть не стал.

Свой первый и к тому же превосходный коньяк я закусывал в тайге селедкой. С тех пор у меня никакого уважения к традициям и никаких манер. На охоту я ходил всего

раз. Взял свою новенькую одноствольную тулку (тогда их продавали свободно) и отправился в тайгу. Гляжу, от меня удирает серая, достаточно крупная птица. Наверное, куропатка, думаю, раз летать не умеет. Я её пристрелил. Потом еще и еще. Через час у меня набрался целый рюкзак дичи.

— Сука ты, сука,— пожурил меня наш проводник, старый охотник, когда я вернулся в лагерь.— Это ты рябчих с гнезд сгонял. Они от того и не улетали, что тебя от яиц отманивали.

От стыда я тут же подарил ему ружьё.

Сибирские лошади понимают только мат. Можно сколько угодно орать на кобылу обычными словами, она не тронется с места. Однако шепни ей на ухо что-нибудь вроде: «Вот я тебе щас... б...дь сраная!», как всё будет в порядке.

Меня, еще совсем неопытного, послали с двумя лошадьми в деревню за продуктами. По дороге туда мы спокойно перебрали речку, а на обратном пути не лезут коняги в неё и всё тут. Тогда я разделся и вошел в воду сам — хотел их убедить, что вода вовсе не такая уж холодная. Ну, не идиот!?

Мой забайкальский начальник Тимофеев отправил меня в гуранский колхоз арендовать лошадей. Гуранами зовут тамошних казаков, людей настолько скупых, что даже если принесешь им пару бутылок, они выставят на стол лишь давленую с солью черемшу, которую только поднеси к носу — вмиг забудешь о вставшей колом в горле местной табуретке. Председатель колхоза сказал, что даст лошадей утром и оставил меня ночевать. На следующий день мне показали пятерку смирных коняг, и я увел их в тайгу. Через неделю они отъелись и с ними сладу не стало. Как мне потом рассказали, это были одичавшие лошади. Несколько месяцев они вольно шастали по тайге, и их никак не могли поймать. Тогда решили их выследить и пристрелить на колбасу. Но охотник, который занимался этим делом, первой же пулей попал в заводилу, и вся банда решила сдаться. А перед тем как отдать её мне, на каждого из этих анархистов навьючи-

ли по сотне килограммов и всю ночь гоняли рысью по кругу, от чего они, естественно, утомились и присмирели. Меня, своего начальника, они доводили до слез — сбрасывали, лягали, убегали и прятались, но я их любил и уважал.

Гуляя по Красноярску перед уходом в тайгу, мы с ребятами застряли перед витриной фотографа и стали обсуждать выставленных там красоток. Когда дошла очередь до меня, я сказал: «А мне по душе вон та. Это я вам не как бабник говорю, а как эстет». Меня прозвали «Эстетом» и всё «поле» то и дело от кого-нибудь слышалось: А суп пересолен! Это я вам не как бабник говорю, а как эстет. Первое время Тимофеев меня на пьянки не брал. Он просто куда-то уходил и возвращался немного странным и очень разговорчивым. Я внимал его рассказам с почтением, пока в один прекрасный момент не услышал: «Едем мы, значит, с пацанами на электричке в Томилино, а тут контролеры. Один схватил меня за уши и держит. Я рвусь, он не отпускает. Тут уши натянулись, выскользнули из его рук и как хрястнут мне по затылку — я пулей из вагона вылетел».

После хмельного застолья Тимофеев послал меня однажды на деревенскую почту отбить телеграмму начальству в Дарасун. А начальство тогда сменилось — старый босс проворовался, спился и подымать дисциплину прислали нового, строгого. Мы его еще не видели, но уже боялись. В общем, с пьяных глаз я написал на бланке:

НАЧАЛЬНИКУ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ КОШЕВЦУ Г.Г.
 ОТ НАЧАЛЬНИКА БЫЛЫРИНСКОЙ ПОИСКОВОЙ ПАРТИИ ТЧК
 СРОЧНО ВЫШЛИТЕ СОРОК КГ ДИНАМИТА
 КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ТИМОФЕЕВ ТЧК

Когда мы через месяц приехали по делам на базу в Дарасун, то, увидев Тимофеева, конторская публика сразу начала хохотать. Мы с ним ничего не могли понять. А когда всё раскрылось, мне пришлось спрятаться — не то бы

он меня убил. Его потом еще долго называли «Целую Тимофеев».

Однажды, когда я вез груз в тайгу, меня в тридцати километрах от лагеря перехватили наши и забрали лошадей — срочно понадобились. Я остался караулить шмотки на охотничьей заимке и прожил в полном одиночестве две недели. Делать было нечего и от скуки я занялся кулинарией. Вот рецепт одного из моих коронных блюд. Открываешь ящик пряников, скусываешь с нескольких штук глазурь и подсушиваешь их на солнце в тазике (с посудой у меня было хреново — лишь чайник, да пара тазиков для бани по-черному). Потом берешь консервную банку персиков в соку, сок выпиваешь, а фрукты вываливаешь во второй тазик. Затем дробишь булыжником пряники в муку, заливаешь банкой гущенки и перемешиваешь с половиной пачки какао. Наконец, втыкаешь в получившуюся массу четвертушки персиков, набиваешь эту массу в ту же консервную банку из-под персиков и слегка запекаешь на медленном костре. Вкусно.

Теперь история о счастье.

Гнали мы плот по Енисею от устья Ангары в Игарку. Плот был длиной в семьсот метров, его тащил буксирчик, а мы следили за бревнами впятером — четыре московских студента и местный парень, который считался за старшего. Этот парень хотел осенью жениться, посему очень экономил деньги и кормил нас две недели одной пшеникой. Да еще донимали комары — они налетали такими тучами, что неба не было видно. В Игарке мы на несколько дней застряли, ждали расчета. Было такое ощущение, что город этот стоит на опилках, а у всех местных дам тонкие и кривоватые ноги. Авитаминоз? Кстати, если брать Зауралье, то холеные и ногастые девки попадают лишь во Владивостоке. В общем, гуляю я по городку и вдруг вижу двухэтажный деревянный дом на отшибе с вывеской «WELCOME». Подхожу. В дверях стоит амбал и не пускает. Спрашиваю, что здесь такое. Оказалось,

это клуб для иностранных моряков — в Игарке загружаются деревом суда со всего мира. Тут на крыльцо вышел парень в бабочке — начальник заведения, выпускник МГУ, и я договорился, что меня пустят, если я малость приоденусь. Одолжил я у приятеля брюки, помылся и пошел. Внутри было нечто сказочное — бильярд, кинозальчик, уютные тупички с креслами и внутренней трансляцией, там и сям девушки в длинных вечерних платьях, чтобы не было видно кривых ног. Я спросил у директора, где они взяли столько б...дей. Тот ответил, что это не б...ди, а местный комсомольский актив... А главное, там был ресторан — тихий, уютный, с потрясающим и совсем недорогим меню. Я заказал вазочку красной икры, вазочку черной, толстый ломоть малосольной осетрины, который весь прозрачно отливал янтарем, большой салат из помидоров (из помидоров! в Игарке!) и двести граммов коньяку. Обслуживали зал мальчишки из Львова — они приезжают каждый сезон подзаработать. И всё это после двух недель пшенки. Я был счастлив.

Мне кажется, что я совсем не раскрываюсь в этих рассказах. Я за ними прячусь. Почти всю жизнь я не знал чувства дома. Что-то похожее на такое чувство возникало у меня лишь в туристской палатке где-нибудь в лесу на берегу озера или реки. Кое-что идет тут от еврейства, но главное — до тридцати лет я просто не имел своего угла. Ни в одиночестве посидеть, ни бабу привести.

МОЯ КОММУНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

После реабилитации отца нам предложили две комнатки в огромной коммуналке на улице Кирова — по принципу «авось эти дураки согласятся». Чиновники, я понял, всегда так делают. И истосковавшиеся на шести метрах дураки, не споря, согласились. Тридцатиметровый коридор, кухня с четырьмя газовыми плитами, два туалета и около сорока человек — всякой твари по паре.

К примеру, семья Агаповых: мать из деревни, грязнуля, выпивоха, но не жлоба — если чего помочь, брала умеренно. Её старший сын сидел в тюрьме за хулиганство, средний сидел за то, что отрезал голову своему родному дяде, майору КГБ, который как раз жил до нас в этих комнатах. А получил убивец за злодейство всего семь лет. Странная история.

Было у них еще две сестрички. Вера — большая, с такими грудями, про которые говорят, что когда она выворачивает из-за угла, сначала пару минут идут груди, а потом появляется голова. Работяга, чистюля, но скандалистка, без юмора и б...дь. Возвращаюсь я однажды вечером домой, а на лестничной клетке Веруня Агапова в распахнутом халате хлещет по мордасам трусиками высокого чернявого типа — прямо мадам французская революция на баррикадах с картины Делакруа. Тип потом мне рассказал, что адрес ему дали аж в Одессе. Она, кстати, чуть не стала моей первой женщиной. Младшая из Агаповых, Инка, выросла у меня на глазах. Загуляла она уже лет в тринадцать, сколько раз вползала на четвертый этаж на четвереньках — не могла стоять от водки и мозолей между ног. Родила в пятнадцать. То бл...дствовала, то заводила на время постоянного. Один тип лет десять приезжал к ней из провинции, жуткий мордоворот. Пару дней они не вставали с постели, а потом начинали скандалить, мешая мне работать.

Раз он заболел и пошел к врачу. Потом рассказывает:

— Врачиха, сука, мне говорит: — Выйдите отсюда, у вас ноги пахнут.

А я ей: — Я к вам пришел, чтоб вы меня не нюхали, а лечили.

Инка была хороша собой — красивая, дебелия. Я ей как-то предлагаю: — Ну что ты со всяким г...м путаешься. Сходи в баню, я тебе помогу с одеждой, познакомлю с полковником, хоть бедствовать перестанешь. Уж лучше так, чем даром.

Она время от времени нанималась посудомойкой, чтобы таскать домой еду, а на бормотуху они бог весть как, но всегда достают. Не согласилась.

После моих разладов с Людкой, она стала ко мне менее почтительной, и однажды, когда я ворвался к ней усмирить очередной скандал, Инка пьяно икнула и выдала:

— А вот и Миша нарисовался — хрен сотрешь!

— Её сын Вадик стоял на учете в милиции, а потом изнасиловал вместе с приятелем знакомую девицу и загремел на семь лет в колонию. Кстати, это произошло, когда я был дома. Я слышал визги и стоны, но не придал им значения, привык... Вера уже умерла, её дочка Рита окончила Орехово-Зуевский педагогический и первая из всей семьи вышла замуж.

Дверь в дверь с нами жил еще один еврей, коммунист Аркадий Яковлевич Рабин, который ходил в кепке-аэродроме, чтобы выглядеть кавказцем. Он был вздорный, как баба, и врушка. До сих пор точно не знаю, с какого он года, где воевал и где работал. По поводу политики и жизни Яковлевич заводился с пол-оборота, любимый визг:

— Этих бы я расстрелял!

Типичная сценка — стоит у раскрытого окна и бреется электрической бритвой, спешит на свидание. На подоконнике стынут на сковороде сырники из кулинарии, толстые, массивные. Не переставая крутить бритвой по щеке, второй рукой он берет сырный кругляк и запихивает в рот. Но сырник холодный только снаружи, внутри — огонь. Что тут начинается! Бритва летит в стену, сковородка, задев раму, выпархивает в окно. И визг на весь дом:

— Ё... твою мать! Бл...ская советская власть!! Что за бл...ские сырники! Ничего, бл...и, делать не умеют. Всех бы, бл...ь, расстрелял!

Со двора тоже мат — кого-то там чуть не прихлопнуло сковородкой. Ходил он по бабам со своим приятелем Семеном Гагричиани — представителем РСФСР по торговле с Грузией, про которого рассказывал: «Большой человек. Идет в кремлевские погреба в Столешниковом, берет любые вина и всегда платит. А х...ли ему не платить? Он в войну эшелон яблок налево спустил, теперь и внукам хватит».

У Яковлевича в шкафу действительно стояли настоящие сталинские вина. Иногда доставалось попробовать и мне. Мы часто ругались, был он все-таки круглый идиот. Но и дружили. Сейчас ему за восемьдесят, жалуется на одиночество.

Сколько я его помню, он все время собирался жениться, но так и не решился. При этом, по-моему, он боялся не женщин, а себя. Хоть идиот, а все же еврей, как бы свой... Понимал, что жить с ним невозможно, ни одна баба не выдержит.

Жил еще в квартире Вася Леткин с простреленной на фронте рукой. Он меня любил и, надравшись, обнимал и звал идти бить жидов, чтобы спасти Россию.

Жила сгорбленная дворянка Астахова, вежливая, интеллигентная, со знанием трех иностранных языков. А сын у неё был хоть и неплохой мужик, шофер, но быдло-быдлом.

Жили тат Нахшунов с семьей, бывший начальник сталинского концлагеря, престарелая зануда Сима Варварина, которая бегала по райкомам и исполкомам, выбивая пособия за погибшего в боях 1905 года отца-железнодорожника, электромонтер Гусев, милиционер Чувилин.

А вообще, в коммуналках что-то есть. Всегда стрельнешь трояк или соленый огурец на закуску, скандалы быстро угасают — справедливость торжествует, так как против всех не попрешь, да и закалку получаешь неплохую.

Со временем дом № 43 по улице Кирова стали расселять и в нем, в конце концов, остался только я. Один во всей квартире, а потом и во всем доме. От меня, судя по всему, ждали в исполкоме взятки. Я не давал, но не по принципиальным соображениям, а просто по обалдуйству и от страха — тогда со взятками боролись, и меня друзья предупредили, чтобы не совался. Теперь в двенадцати комнатной квартире у меня появилась спальня, гостиная с телевизором и кабинет. И, понятное дело, как в теремок, напозли разные зверюшки. Первым поселился приятель по Орехово-Зуеву Леня Сержан, потом сын Леша привел какую-то отцветающую религиозную даму, которая, распевая псалмы, малевала в угловой ком-

нате иконы. Володя Харитонов попросил за своего шурина-реаниматора, которому негде было отдохнуть после дежурств. Этот очень милый человек Юра Гурфинкель все подряд реанимировал — от черствого хлеба до старых ботинок.

А Леня базарил по телефону. У него хорошо поставленный баритон с Левитановскими модуляциями плюс выписанные на специальную карточку телефоны — от диспетчера ЖЭК'а до дежурных по Моссовету и горкому. Вот, Леня говорит мне: «Миша я сажусь писать статью. К телефону не зови». Но он не писатель, хотя французский преподает прекрасно. Ну не умеет человек творить на бумаге — готовую диссертацию еле-еле за десять лет оформил. Ну, не пишется ему, не идет статья. А совесть мучает. Тогда Ленечка решает заняться добрыми, общественно полезными делами.

— Вроде бы сегодня плоховато топят, — придумывает он и выскакивает в коридор к нашему телефону на стене.

Я тоже выношу в коридор кресло.

Спектакль начинается всегда так:

— С вами говорит доцент Зинде Михаил Максович, проживающий по адресу: улица Кирова, дом 43, квартира 8. У нас Советская власть или не Советская?.. Вот я у вас и спрашиваю... Советская или нет?

В общем, нагонял он страху на всю шелупонь из домоуправления до одури. В доме все время вертелись ремонтные бригады — чинили трубы для одинокого доцента. Однажды в дверь раздался нервный звонок. Открываю. На пороге стоят два злых незнакомых мужика — аж жилы на кулаках вздулись.

— У вас что, сегодня не топят?

— Да, нет, — отвечаю. — Вроде бы всё нормально.

— Тогда напишите нам расписку.

Написал. Ушли. Через час приходит Ленечка. Я ему рассказываю про гостей.

— Ха-ха, — смеется он. — Сейчас снова прибегут. Я уже успел позвонить в райком.

Как же власти всех уровней ненавидели доцента Зинде М. М.!

Потом на спор Ленечка убрал от соседнего дома шумный отбойный молоток, и я стал сдавать нашего демагога друзьям по тройку за звонок. У Яши Гринберга он заставил ввинтить лампочки в подъезде, у Алика Котова — убрать помойку под окнами.

Ленечка любил петь и выступал в институте на вечерах самодеятельности. Вроде бы, неплохой баритон, но плоский, бесчувственный, что ли. Он постоянно таскал магнитофон со своими записями, где ему подыгрывал на гитаре какой-то студент. Каждая запись начиналась с объявления:

«Слова Михаила Лермонтова, музыка Леонида Серджана»,
«Музыка Моцарта, слова Серджана».

Наконец, он решил научиться тренькать на гитаре. Как-то после картошки я поехал в дом отдыха. Был не сезон, глубокая осень, мне на одного дали целый домик, и я выписал себе Серджана. Мне нужно было срочно переводить, а он учился терзать гитару по тетрадке с нотами. Однажды я заглянул к нему через плечо — в тетрадке стояли столбиками цифры — 1 3 4, 2 3 6, 1 2 5 — за какую струну дергать. А голос со временем у него стал гибче.

Еще одна история, связанная с Кировской. Параллельно нашему дому на задах улицы стояла четырехэтажная поликлиника. Между ними и был двор, где я по утрам делал зарядку. У стены в углу лежал большой железный ящик с замком — его оставила ремонтная бригада. От этого ящика было удобно отжиматься на руках. Каждое утро из окна на третьем этаже высывалась толстая, еще не старая баба и орала:

— Вась, спустись, помоги мальчику сундук столкнуть!

В один прекрасный день после этого крика слышу за спиной голосок:

— Вам помочь?

Оборачиваюсь — сзади стоит девушка, вполне стройная и ничего собой. Я её сразу узнал — несколько дней назад она

пришла работать в нашу типографию около Чистых прудов, а в поликлинике была на осмотре. Разговорились,— и начался роман. В типографии я работал перед поступлением в МГУ, значит, мне был 21 год. Раз идем мы с ней мимо «Диеты» рядом с моим домом, а на витрине выставлена водка.

— Во дают! — говорит она. — Магазин диетический, а чем торгуют!

— Так водка, — говорю, — тоже диетическая.

— Как это?

— А её на пепсине настаивают...

В общем, наплел я ей сорок бочек арестантов. Мол, все тела, особенно фрукты, состоят из молекул, а в них содержится пепсин, его в Дубне на атомной установке добывают — с одной стороны закрепляют, скажем, вишню, а потом бомбардируют её через нуль-перезационное поле из электронной пушки кварками. Кварки обычно берут гусиные — из-за меньшей проводимости и т.д. Вроде бы, гляжу, поверила. Еще пару раз я морочил ей голову шкурками для импортной колбасы из крокодиловой кожи, из которой шьют шубы, и подобной мурой. Наконец, я решил испытать, до какого предела она готова мне верить, и завел в троллейбусе:

— Мне приятель привез из Америки одну штуку, вроде несессера, но с гравитационным устройством. Туда что ни положи, сразу во много раз меньше становится. Величиной эта штуковина чуть больше портсигара, а влезают сигареты, книги, бутерброды, складная удочка, ...одноместная палатка, ...стул, ...раскладушка...

И тут она подняла глаза:

— Миш, а ты не врешь?

Я очень нежно отношусь к женщинам. Любить, скорее всего, ни одну не любил, но отношусь нежно. Кстати, совет приятеля, чтобы не перепить: в застолье садись напротив самой некрасивой бабы, и когда тебе её захочется, бросай подливать себе в рюмку.

Через год меня выселили в далекое и грязное Братеево. Жалко все же, что не сумел дать взятку.

БАГАТЕЛИ

В университете преподавала латынь старушка из бывших институток. Однажды на зачете одна студентка запнулась на переводе фразы: «Девушку украшает...»

— Положим, — говорит старушка, — вы этого слова не знаете, но ведь несложно догадаться. Так что может украшать девушку?

— Грудь.

Женственность — это умение вовремя дать.

Я развопился на семинаре по переводу в своем Ореховском пединституте:

— Да какие вы, к чертовой матери, филологи! Ничего не читаете. Кого из известных переводчиков вы знаете? Никого!

Тут одна милашка встает:

— Не скажите, Михаил Максович. Я вот, знаю троих — Маршак, Пастернак, Зинде.

Алина по моему совету прочла Хемингуэя. И хотя до этого на дух не выносила водку, теперь могла, не поморщившись, засадить целый стакан.

Зашел в гости к Ксении Марининой, режиссеру «Кинопанорамы» на телевидении. Две артисточки сидели у неё и смотрели по ящику выступление Юрского, который читал Пушкина.

— Ах, Юрский, душка! — вздыхали они.

Я их спросил:

— А Смоктуновский тоже душка?

Они ответили, что да, очень даже душка.

Делал рассказ Маламуда, где отец бросает дочери-проститутке: — Cocksucker! Я перевел так: Минетчица!

Пожилая редакторша меня спрашивает, что это за слово, что оно означает? Я хихикнул и решил посмешить этой историей свою молоденькую машинистку.

Та потупила глаза и говорит:

— Я тоже такого слова не знаю, только стеснялась спросить...

Пришлось заменить на Подстилку.

С моей первой девушкой у меня с первого раза ничего не получилось. Вторая ночь оказалась удачнее, и утром, пока она еще спала, я сбегал за цветами. Она их понюхала и говорит:

— Это ты не мне цветы купил, это ты себе их купил.

Старая профессорша по литературе В. В. Ивашева (я у неё писал диссертацию) мне рассказывает:

— Ночью видела дурной сон про кошку. Сразу поняла, что случится нечто ужасное. И правда — утром позвонил из Англии Десмонд Стюарт (никудашний английский писатель — М.З.) и сказал, что у него грипп.

Моя дочка Лена хвастается:

— Мы с Юлей поменялись. Она мне дала пупсика, а я ей коляску, флакон от духов и пупсика.

Лена приходит из книжного магазина и говорит:

— Пап, я книжку присмотрела, но у меня на неё не хватает. Добавь, ладно?

— А сколько она стоит?

— Двадцать семь тысяч.

— И сколько же у тебя есть?

— Триста пятнадцать рублей.

Гуляли мы с беременной снохой Светочкой по полю в Дракино и разговаривали.

— Чтобы священникам не особо сладко жилось, — объясняет она, — им подбирают в жены или стерв, или больных. Я вот — больная.

Мы со Светочкой спорим о религии, антисемитизме и т.п.

— Но Христос сам был евреем, — говорю я.

— Только по матери, — отвечает она.

Я старался внушить жене, что с мужем, да и вообще с мужчинами лучше не спорить. Скажи на английский манер: «Хорошо, милый», а там уж делай по-своему. И вот, собирается Люда на вечеринку, а я остаюсь дома сидеть с дочкой. Когда она уже около зеркала наводит последний марафет, я говорю:

— Не задерживайся там. Ладно? Приходи к одиннадцати.

— Хорошо, милый, — отвечает.

Но в зеркало мне видно, что у груди она держит фигу.

Спрашиваю маму, что она находит в индийских фильмах.

— Поставлены они так себе, — говорит она, — но зато какие жизненные!

Я подметал у Фиры пол и вслух сочинял стишки с рифмой на «оу». Приблизительно такие: Герой Чандлера — Марлоу, Шоу, Сноу, Силлитоу, с ними был еще Барстоу. Раз поехали в Хитроу, чтобы встретить Доктору. Но сказали им в Хитроу, что писатель Доктору прилетает tomorrow. Фира на меня вдруг ужасно обозлилась, обозвала дураком, но уходя на лекцию вдруг блудливо улыбнулась и объявила, что придет домоу где-нибудь часу в седьмоу.

Осенью 1981 года в доме отдыха недалеко от Москвы Фира сломала ногу. Сестрицу мою отвезли в районную боль-

ницу, и её стал опекать там молодой травматолог Казбек, вроде бы грузин. Фира была ему очень благодарна и по выздоровлении устроила в его честь прием. Казбек пришел на проспект Вернадского с двумя приятелями — венерологом Тимуром и урологом Автандилом. Сели за стол. Я, за хозяина, всем налил вина и начал говорить тост. Тост получился долгий. Я рассказал, как еще студентом оказался в грузинской компании и решил посоревноваться с хозяевами в застольных здравицах. Я долго тужился, придумывая, чего бы сказать, и наконец, встав, наплел целый вагон и маленькую тележку про Будду и конопляное семя, про смерть и счастье. Один из грузин понял, что я просто залупаюсь и ответил мне тостом на ту же тему, но только куда остроумнее и изящнее. У меня уши горели.

— Поэтому, — продолжил я, — сейчас я не буду даже пытаться говорить что-то умное, а давайте просто выпьем за дружбу народов.

Мы выпили, и я попросил Казбека сказать следующий тост. Он послушно встал, как-то странно взболтал глаза в яичницу и сказал буквально вот что:

— Я поднимаю этот бокал за хозяев дома и их здоровье, за родственников хозяев дома и их здоровье, за друзей хозяев дома и их здоровье,

И тупо сел.

Тимур, когда настала его очередь, сказал так:

— Я поднимаю этот бокал за хозяев дома и их здоровье, за родственников хозяев дома и их здоровье, за друзей хозяев дома и их здоровье.

Атмосфера накалялась. Автандил повторил тост слово в слово. Я понял, что у грузин есть тосто-говорящие и нетосто-говорящие племена. Мне стало тошно. Спасла положение Фира. Она встала и, взболтав глаза, произнесла:

— Я поднимаю этот бокал за наших гостей и их здоровье, за родственников наших гостей и их здоровье, за друзей наших гостей и их здоровье.

Все сразу расслабились и успокоились.

У профессора Эсфири Максимовны Медниковой была литовская аспирантка, бывшая баскетболистка из сборной СССР. Однажды я дернул за пупочку на шнурке, чтобы зажечь на кухне свет, а она вырвалась из рук, спружинила и залетела за стояк. Я стал подпрыгивать, пытаюсь её достать. Тогда Вита (так её, кажется, звали), не вставая с табуретки, достала чертову пупочку и протянула её мне вниз.

* * *

Я всё еще продолжаю с сестрой спорить и ругаться, а потом отправляюсь на кладбище мириться. Она лежит с мамой на Востряковском, в неких еврейских трущобах, где всё время происходят перемены. То куда-то исчезнет дедушка Моисей, оплаканный внуками, то квартал заселят так плотно, что к своей могиле и не пробьешься... Они обе умерли не у меня на руках.

Вспомнил вдруг свой первый похоронный опыт. У Дорошевича скончалась бабушка, и меня попросили помочь. В доме на Ленинском, где они тогда жили, черная лестница очень узкая, а грузовой лифт в тот день не работал. Пришлось спускать тело на маленьком лифте. Я вошел с узким концом гроба в кабинку, опустил его на пол, а другой конец стали поднимать вверх, чтобы закрылась дверь. Наконец, она закрылась, но гроб оказался почти на попу. Первым делом на меня посыпались цветы и венки, а затем свалилась и бабушка. Так, щека к щеке и доехали. Однако на кладбище я уже не поехал и на поминки не пошел.

Раз я расхвастался перед своей университетской подружкой, какой я, мол, диссидент. На меня тогда, и вправду, пару раз настучали, а предупреждения из первого отдела передали через Фиру (честно говоря, это настораживает — только сейчас сообразил. Когда взяли отца, ей было около девят-

надцати, и она училась в ИФЛИ... Господи, до чего поганая страна!)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Нет, к черту историю про подружку! Более мрачной рожи, чем у бывшего Фириного мужа, советского писателя Анатолия Медникова я в жизни не видал. В ресторане Союза писателей его прозвали «Весельчак».

В нашей семье никто, кроме самих родителей, долго в браке выдержать не мог. Что-то с нами не так. Да? Не уверен, что я хороший преподаватель — я не столько учу, сколько общаюсь. Не считаю я себя и талантливым переводчиком. Как говорит бывшая жена Люда:

— Просто у тебя ж...а крепкая.

Лучше же всего в жизни у меня получалось руководить студентами на картошке. Где еще встретишь такого психа, который бы двадцать пять лет подряд добровольно мотался осенью по совхозам. А что плохого? Погоняешь в сапогах по полям, покомандуешь девчонками месяц-полтора и, глядишь, выпустил все пары застоявшегося еврейского темперамента.

Из студенческого фольклора:

*Почему в Сорбонне пусто
И студентов не видать?
Всех послали на капусту,
Артишоки убирать.*

А девочки ко мне хорошо относились. Один раз я ударил за медсестрой, которую прикрепили к нашему лагерю от совхозной больницы. Так студентки тут же перестали меня слушаться. Вроде бы, на хрен я им сдался, старый пень, но поди ж ты! Явный фрейдизм. Наш «папа», и всё тут. Хорошо, я вовремя понял ситуацию, созвал собрание и объявил, что больше не буду, завязал. Мы помирились.

Днем на картошке я всегда старался часок поспать, поскольку ночами отгонял от окон и дверей злостных кобелей, которые слетались на девочек из всех соседних деревень, словно мухи на мед. Ложась, я вывешивал на дверь листок с объявлением — МЕНЯ НЕТ. Однажды чудесная мерзавка приписала — ВЫШЕЛ ВЕСЬ. Были и другие приписки, но уже не такие остроумные: меня нет здесь, меня нет и не ищите, меня нет там, я когда-нибудь вернусь, а где я есть, с розысками не спешите, не знаю сам, надо — сам себя найду.

На одном из собраний, не помню уже по какой надобности, я объявил, что раз я начальник, то, значит, в нашем лагере нет человека более умного и более красивого. Тогда встала одна из девиц и всем рассказала анекдот: — Собрал Лев всех зверей и приказал:

— Те, кто считают себя умными, отойдите влево. А те, кто считает себя красивыми — вправо. Звери разобрались по сторонам. В центре осталась только мартышка.

— А ты чего застряла? — спросил Лев.

— А мне как быть, разорваться что ли?

Иногда ко мне под начало попадался на картошке и мой лютый враг, фонетист Юрий Акимович Гуляев, попортивший мне в институте много крови. На картошке я его не задираю, но раз забыл взять ему в столовой суп до приезда студентов с работы. Он ко мне подошел и мрачно сказал:

— Ленин бы так не поступил.

А началось у нас с ним со следующего. Он был старшим преподавателем на курсе, где я работал, и прицепился ко мне с требованием вести занятия по-другому. Как банный лист прицепился, зануда. В общем, пришлось послать его подальше, само собой, по матери. Он удивился:

— А я думал, ты переводчик... — и накатал на меня докладную декану. И всё не отставал и не отставал. В конце концов, за месяц в деканате накопилось 23 докладных. Меня вызвали на ковер, посмеялись, но, тем не менее, потребовали написать объяснительную. Надо же реагировать! Пришлось написать.

Деревенский парнишка смотрит телевизор:

— Ну, Тихонов, ну молоток. Нет, играет-то он хреново, но зато, блин, как на нем пиджаки сидят!

Алина называла таких «дурехами» с побочными ассоциациями.

Доцент Валера Большаков:

— В нашей стране можно прожить, если у тебя нет никаких потребностей.

Рассаживаемся по грузовикам, чтобы ехать на работу. Мне по должности положено проверять, безопасно ли студенты устроились. Всовываю голову под брезент в здоровенный крытый «Урал». На крайней лавке сидит Большаков с девочкой на коленях, она чешет ему бороду, а он «зорко смотрит в небеса», делает вид, будто и не замечает. Ничего не говорю, но после ужина мы и Сеня Фридрих заводим с ним серьезный разговор:

— В отряде падает производительность труда...— Девочки устали, да и скучно им...— И поощрить нечем. Ну, на кой ляд им сдался этот красный переходящий вымпел?...— Надо что-нибудь придумать...— А что если каждой, отличившейся на работе бригаде давать на ночь Большакова? У всех тогда появится стимул...— Как ты на это, Валера, а?— В поле ходить не будешь. Ночь повкальываешь и спи себе хоть весь день.— Почему ерунда? Что, стране не нужна картошка? Все тебе будут благодарны.

Минут через пятнадцать замороченный Валера капитулирует.

Доцент по марксизму-ленинизму Кравченко приехал с инспекцией, а заодно прочесть «для галочки» лекцию. Рассказывает про фильм «Ночной портье», который, понятное дело, и в глаза не видел:

— Представляете, какое буржуазное загнивание — он ей разбивает в кровь лицо и прямо на полу насилует. Ничего тошнотворнее и не придумаешь. Чистый фашизм.

Курим после лекции. Мимо туда-сюда шастают девочки.

— Эх,— вздыхает доцент,— сейчас бы одной из них дать в морду и прямо на траве изнасиловать!

Престарелый доцент Балабан:

— Я бы за кем-нибудь с удовольствием поухаживал. Только страшно: а вдруг даст. Что я тогда буду делать?

Ассистент Александр Сергеевич Скурский. Этот каждую неделю бросает курить, а бросив, весь выпрямляется и не здоровается, презрительно цедит сквозь зубы: «Привет». Но через пару-тройку дней оказывается, что у него кружится голова, не работает кишечник, и он закуривает снова. Теперь он сгорбленный, маленький и заискивающе сюсюкает: «Здравствуйте, уважаемый Михаил Максович». На борьбу с собой у него уходят все силы и нервы. Даже диссертацию не смог дописать и умер рано.

Проректор по учебной работе, крепкий коммунист Шаталов приехал делать выволочку:

— Я вам не позволю хулиганить дисциплину и пьянствовать вино.

Доцент Слободчиков:

— Какая, к свиньям, психология. Сангвиники там, флегматики и прочее. В СССР есть только одна психология — людей, которые хотят влезть в автобус, и людей, которые уже сидят в автобусе.

Профессор Гиленсон, русский, неряха. Писал я отчет о работе за год. Учебная работа... научная... воспитательная... Что-то напортачил, но, чтобы даром не выбрасывать бланк, приписал: «Воспитание проф. Гиленсона в духе коммунистической морали:

1. Научил мыть руки после уборной — 20 часов,
2. Отучил прятать ложки под кроватью — 30 часов».

Оставил бланк на столе. Любопытный Гиля, конечно же, сунул туда свой нос и поднял визг. Главный аргумент в визге — мой отец был юристом у Ленина, а ты..., а ты...

ТРУДНО БЫТЬ ОТЦОМ

Но как же худо мне приходилось на картошке, когда туда приезжал сынок Лешечка! То напьется, то где-то всю ночь шагает. А какой спрос с других, если с собственным чадом справиться не можешь. Когда ему было четыре года, Леша написал такие стихи: Я на озере сидела, Черт схватил меня за тело.

В последних классах школы он спутался с дурной компанией. Его мама Люба забеспокоилась, и мы решили любыми путями «поступить» его в Орехово-Зуевский пединститут. Куда бы еще взяли эту балбесину? В общем, я снял неподалеку от Орехова дачу, попросил на факультете включить меня в экзаменационную комиссию, собрал шмотки, подхватил маленькую Ленку и уехал на всё лето матерью-одиночкой. Подлючие жены приезжали лишь изредка, на выходной. Я сам стирал, готовил, бегал за молоком и продуктами, солил огурцы. Хозяйство было большое — Леша поймал пару крупных карпов, они жили в бочке для дождевой воды. Ленка нашла ежа, которого, чтобы не убежал, поселили в её ванночке. Но погоды стояли жаркие, дочку приходилось каждый день купать, а еж за ночь усерлся по уши. Надо было сначала его подмыть (а попробуйте подмыть ежа), затем вычистить ванну, искупать Ленку и уж после поместить эту колючую заразу назад. И так каждый день.

До сих пор удивляюсь, как меня в то лето нехватила кондрашка. Лешку я окружил, как волка, восемью преподавателями. Половина из них получала за уроки деньги, и никаких забот (правда, учитель по истории СССР оказался гомиком и влюбился в нашего молоденького блондина). Зато другие, из своих, отказывались брать деньгами, и их приходилось

без конца поить — ежедневно на это уходило до трех бутылок водки и большая банка малосольных огурчиков. Некоторые даже приезжали на велосипедах утром опохмеляться. Спутавшись в институте с приемной мафией, я узнал заранее тему сочинения, затем своровал на ночь билет по английскому языку и подложил его Лешке утром на экзамене (в школе он учил немецкий), лебезил перед сволочами, с которыми и ср...ь бы рядом не сел на краю поля. Но в результате Леша всё же поступил. И первым делом завел себе девушку — высокую, толстую и так с ней напрыгался, что у него подскочило давление. Ничего не оставалось, как брать академический отпуск.

Помню, подходит ко мне институтская фельдшерица и говорит: — Михаил Максович, отправьте Лешу на несколько дней домой, а то у его Березиной грипп, да еще хронический тонзиллит.

Я сразу не понял, что за тонзиллит, и у меня, видимо, глаза на лоб полезли. Фельдшерица даже испугалась и добавила, ткнув себя в горло: — Нет-нет, не бойтесь — это здесь.

В другой раз отводит меня в сторону факультетская парт-оргша: — Михаил Максович, у Леша на Новомодном вечере шарфик развязался, так не поверите — вся шея в засосах».

Или соседка по Кировской, Марья Андреевна:

— Ты уезжаешь в свое Орехово, а Леша уже тут как тут. С девочкой. Я понимаю, он молодой. Но ведь девочка каждый раз разная.

В общем, пустился сын во все тяжкие. До третьего курса у меня пузыри из ушей лезли. Ни одна зараза из преподавателей не упускала возможности укусить: «А ты знаешь, Миш, твой-то...»

И, тем не менее, все его любили, кроме меня, — он добрый и очень симпатичный парень. На четвертом курсе всё изменилось. Леша крестился, начал замаливать грехи, больше шести лет не притрагивался к женщинам, до самой же-

нитьбы. Я даже за него начал бояться. А еще он потихоньку вышел из комсомола — пойдика найди такому работу.

Потом его рукоположили, дали храм. Человек нашел себя, и у старого, ни во что не верящего жида, сын теперь православный священник. Иногда я звоню ему в храм, и происходит приблизительно такой разговор:

— Будьте добры, позовите отца Алексея.

— А кто его спрашивает?

— Папа.

Еще несколько забавных историй. На пятом курсе ему надо было сдать «атеизм». И преподаватель, которому я оказал когда-то услугу, вклеил ему «отлично». Вот Лешка, небось, бесился. После рукоположения батюшке Алексею понадобилась ряса и всякая другая спецодежда. А в магазинах хоть шаром покати — такое тогда было время. Он спросил, нет ли у меня связей в текстильном Орехово-Зуеве. Связи нашлись — отец моей недавней дипломницы Светы Циркуновой работал замдиректора самого большого ткацкого комбината. Звоню ей и рассказываю про Лешину беду.

— Сейчас позову папу, — говорит Света. — Он как раз приехал на обеденный перерыв».

Дальше идет такой разговор:

— Здравствуйте. У меня сын стал священником, и ему нужна разная ткань. Вы не могли бы помочь?

— Конечно, помогу. А сколько нужно?

— От пяти до ста метров (Леша хотел облагодетельствовать и других знакомых батюшек, да и на обмен пригодилось бы).

— Вы имеете в виду пять тысяч метров?

— Да нет, просто пять.

— Тогда вообще никаких проблем. Только пусть напишет от церкви заявку и приезжает.

— Спасибо. Да, а на чье имя её писать?

— На моё. На Александра Абрамовича Шапиро.

Знакомый поп предложил отцу Алексею познакомить его с одной благотворительной фирмой. Пришли. Их управляющая спрашивает:

— Какие проблемы, батюшка?

— Много, но главная с транспортом.

— Вам чего — «Волгу» или «Жигули»?

В общем, выписали Лешке, не отходя от кассы, новенькую светло серую «Волгу». Он её прозвал «Мерседес Иван» и водит сам, никому не доверяет. Как-то раз проскочили мы по дороге на дачу поворот. Лешечка оглянулся, нет ли поблизости гаишников и со словами «Прости меня, Господи!» развернулся в непопозволенном месте. И вообще, он, вроде бы, большой молодец.

СНОВА БАГАТЕЛИ

Неожиданная реакция на анекдот. Давным-давно в Москве вдруг исчезли яйца. Их вскоре завезли из Польши, и по городу пошла гулять загадка: Что это такое — хвост длинный, глаза злые, а яйца маленькие и грязные? Ответ — очередь за польскими яйцами.

Еду в автобусе. Один пьяный задает эту загадку приятелю. Тот задумался и, икнув, выдал:

— Ленин.

— Постой! Как это Ленин? У него разве был хвост?

— Действительно, длинного хвоста нет.

— А злые глаза?

— Действи-тельно злых глаз нет.

— А яйца? Маленькие и грязные яйца?

— А вот это надо проверить.

Разговор в автобусе:

— Нет, не построить нам коммунизма.

— Брось! Если развитой социализм построили, то какой-нибудь вшивенький коммунизм уж вытянем.

Юре Эстрину во время военных сборов приказали отвезти важную бумажку на ракетную базу в Баковку. Предупредили, что база секретная, находится через дорогу от пекарни, и, если он заплутает, то надо спрашивать не базу, а пекарню. Он и спросил у прохожего, где пекарня. Тот ухмыльнулся и сказал: «Вон видите — ракеты торчат? Это секретная база. А пекарня как раз через дорогу напротив».

Решил навестить Эстрина в кожно-венерологическом диспансере. Спрашиваю на остановке, где здесь улица Короленко, дом такой-то.

— А-а-а, — ответили мне несколько человек с явным злорадством, — вам нужно в венерологический диспансер! Это вон туда.

Эстрина я нашел в парке, на лавочке. Он мне рассказал:

— Скушно здесь. Читать надоедает. Я и взмолился: Господи, дай мне познакомиться с каким-нибудь интеллигентным старичком-профессором. Но я, видимо, неправильно сформулировал просьбу. Старичок оказался профессором по научному коммунизму. Правда, с чувством юмора.

— В какой еще стране, — говорит, — кроме СССР, я могу считаться ученым?

Юра Эстрин умер от опухоли в мозгу.

Перед смертью маме Гинде часто вызывали «скорую помощь». Раз ночью приехали два молодых парня, сделали ей уколы, и я предложил им выпить. Они опрокинули по стакану и, гляжу, запивают таблетками. Объяснили, что это «Лазикс», сильное мочегонное — пописаешь — и никакого тебе похмелья, даже морда не опухнет. А действует приблизительно через полчаса.

Решил попробовать, достал этот препарат и в гостях у Фиры, после хорошей пьянки принял сразу две таблетки.

Жду. Проходит час, он не действует. Давно пора ехать домой — не действует. Приезжаю в свою коммуналку на Кировскую — не действует. Лег, но только заснул, как прорвало. Но не струей, а капелью. Так и простоял до утра над унитазом в грязном сортире, сочась и тыкаясь головой в мокрую ржавую трубу.

Совсем свежая история. Выписали мне от болезни Паркинсона «Парлодел». Заплатил я за него 90 тысяч на другом конце Москвы и начал принимать. Через пару дней чувствую — что-то со мной не то. Стал нервным, суетливым, в душе всё время трясучка. Решил посмотреть приложенную к флакону инструкцию. Оказалось, что швейцарцы выпускают это лекарство, чтобы наладилась менструация. А у меня, у дурака, никак не налаживалась.

Фира рассказывала, что Аникст был в молодости чертовски красив. Студентки забрасывали его на лекциях любовными записками, часто сравнивали с лордом Байроном. И однажды, спускаясь с кафедры, Александр Абрамович вдруг захромал.

Фаина Раневская поссорилась с молодым режиссером. Он стал залупаться, и тогда она рассказала ему притчу:

«Однажды воробей влюбился в слонику и давай к ней приставать — отдайся и отдайся. До того надоел, что слониха плюнула и подняла хвост. Воробей там сзади повозился, почирикал, а потом сел ей на ухо и спросил: — Тебе не было больно, моя маленькая?»

Рядом с моим домом был «Металлремонт», и Дима Шестаков попросил меня окантовать там небольшую репродукцию Модильяни — одну из его лежащих ню. Забирая работу, я увидел, что петелька сзади картинка расположена так, что красotka будет стоять, а не лежать. Мастер тогда крикнул

в заднюю комнату: «Вася, ты зачем Ньюшку стоймя поставил? Ей положено лежать». «Тащи её сюда. С удовольствием уложу».

Из анекдотов о Горьком, которые сочинили Дима Шестаков и Володя Харитонов: (с сильным оканьем):

— Роман буду сочинять. Ты, сын, бери бумагу и пиши заглавие... «Тетка». Нет, вычеркни... Лучше так — «Дядя»... Опять не то. «Папа». Может «Племянница?» Нет, сегодня что-то не пишется. Лучше позови жену мою разведенную, твою мать... мать твою... твою мать... Во, нашел! Буду писать роман «Мать».

Дима Шестаков повесился.

В Москве гостил Джон Стайнбек. Раз он вышел из гостиницы пройтись и нарвался на двух алкашей. Сообразили на троих. Потом добавили. В конце концов очутились в милиции. Алкаши — как уж они поняли, не знаю — объяснили дежурному, что это известный американский писатель.

— А, Хемингуэй, — догадался тот. — Ну, ничего, пусть малость посидит.

Во время горбачевской антиалкогольной кампании на стене винного отдела некто элегантно написал: «Миша, ты не прав». Это как в анекдоте. Сержант и рядовой из стройбата чинят в детском саду проводку. Рядовой паяет концы, а голый по пояс сержант держит внизу лестницу. Нечаянно на сержанта капнуло раскаленным оловом. Он поднял глаза и сказал: «Вася, ты не прав».

Пробираясь по автобусу на Каширке, я нечаянно зацепил арбузом мужика — в шляпе, с эспаньолкой и книгой. Он чертыхнулся. Я в раздражении бросил: «А еще в шляпе! Тоже мне интеллигент!»

Тот минуты две надувался, потом повернул ко мне голову и сказал:

— Если у меня интеллигентный вид, то я, бл...ь, что — всё время молчать должен?

Павлик Бедриковецкий, который около года просидел в Лондоне, рассказывал:

— У меня там завелись светские знакомства. Если приглашают в богатый дом на обед, то положено накануне прислать с рассыльным букет цветов и визитку. Где же взять столько денег?! Вот я и придумал. Надеваю джинсы, сажусь на велосипед и дую на базар. Покупаю там фунта на три цветов, сам их заворачиваю и еду в нужный дом. Мне открывает швейцар, принимает букет и дает фунт на чай. Вечером я являюсь уже в смокинге. Швейцар открывает мне дверь, и я отдаю ему его фунт — на чай. Обычно он смотрит на меня очень подозрительно.

При библиотеке иностранной литературы решили организовать аглицкий клуб. Посидели за круглым столом, поговорили и пошли в соседний зал выпивать. Я уже хорошо приложился и смотрю — Володя Харитонов совсем трезвый.

— Ты чего это не пьешь? — спрашиваю с удивлением.

— Да вот, не пью, — отвечает.

— А я пью, — радостно похвастался я.

Тогда Володя на меня мрачно глянул и сказал:

— Даже это вы у нас отняли.

Все мои многочисленные дядья женились на русских, да и среди знакомых редко встретишь еврейскую пару. Доктора Нарского из института философии не избрали в членкорры. По совету приятеля он написал письмо Келдышу: «Прошу довести до сведения членов академии, что я не еврей».

А КТО Я?

Нет, не ложатся мои истории на бумагу. Ни акцента, ни личного обаяния не остается. И потом — я их рассказывал одним и тем же людям чуть ли не каждый год. Все хихикали, так как начисто забывали. А теперь? Хоть не давай никому рукопись читать. Сидел у меня в гостях Яша Гринберг и жаловался, что ему нечего надеть на голову, а уже подмораживает. За неделю до этого мне привезли из Франции чудесный шерстяной берет. Было жалко, но всё же друг, думаю. В общем, отдал я ему этот берет. Через десять дней Яшка навестил меня снова и похвастался:

— Посмотри, какой роскошный на мне беретик. Один м...дак подарил!

У меня с Яшкой были забавные отношения. Он у нас считался неумехой, а я — тертым калачом. Если надо было кому-либо что-то пообещать, договориться, напечатать реферат в типографии и т.п. — шел я. Однажды после того, как я покрутился часа три на станции техобслуживания, меня вдруг осенило:

— У этого хренова провинциала в Москве трехкомнатная квартира, машина, работа в Академии наук, жена, двое прекрасных детей... А у меня? «Ёш твою клёшь!» — подумал я.

В СССР Яшке не жилось, и он уехал в Израиль. Теперь ему не живется там. От себя не уйдешь. А я по нему скучаю. И вообще, коль посмотришь с холодным вниманьем вокруг, с друзьями у меня не всё в порядке. И ещё очень не хватает надежной Алины. Мой старый друг Алик Котов от нечего делать пописывает. Хобби у него такое, у химического профессора. Про меня он тоже накатал чуть ли не целый роман, с психологией... Мне местами даже понравилось.

— В свои 16 лет он уже дышал вольно, как птица... Левка (это Я) от природы, а может, самовоспитанием, достиг прекрасного умения держаться... Его уверенность передается женщинам, которые его любили и любят... Левка состоялся как человек и мужчина уже в 17 лет. Поэтому на его долю

выпали все радости, присущие молодости, а главное — его любили женщины... (всё это, по-моему, вранье)... Человек, живущий головой, а не сердцем, живущий по схеме... по логике... он делал себя храбрым, как потом — умным, справедливым, щедрым — всё это не «от пуза». Мир для него существует в виде зрительного зала... У него мораль, которая не столько накладывает запреты, сколько дозволяет совершать определенные поступки с тем, чтобы потом не терзаться...

Спасибо, Кот. Я тебя очень люблю, старую ж... Но... оказывается, я ни хрена не понимаю ни в музыке, ни в живописи, ни даже... цитирую:

— Аналогичная ситуация с Левкиными мучениями с поэзией. Здесь так же: либо есть слух, либо его нет. Я никогда не слышал Левкиных комментариев по поводу стихов (а он читал блистательных поэтов, правда, в постели перед сном, что могло ослабить чувственный эффект). У меня ощущение, что он не слышит музыки стиха... Человек, понимающий в поэзии толк, не может сказать, что, мол для нас Пушкин, конечно, величина, но в европейском масштабе, пожалуй, — нет... Вот такой складывается портрет узкого специалиста по английской литературе.

Я Коту говорю:

— За что унизил? Как это так, я не понимаю в поэзии? Да я сам неплохие стихи пишу. Помнишь, я тебе на день рождения стих подарил? Что, плохой?

— Не помню, — отвечает.

Пришлось поднимать архивы, искать черновики. Заодно перечитал всё своё поэтическое, пардон, творчество, а там оказались и поэмы, и песни, и пародии — всего около 30 штук. Мне думалось, что первое свое стихотворение я написал в бане по-черному, в первой экспедиции. Ан нет. Оказалось, я начал творить еще в старших классах школы. Вот мой первый шедевр: «Солнце и елки, горки и снег, И все сердца в унисон, И я одеваю ног волосы В шелк трикотажных кальсон».

Может быть, и не очень талантливо, но свой голос уже чувствуется, а через смесь возвышенного и по бытовому приземленного удачно передана радость бытия, которая, увы, скоро уйдет из моего творчества. Вот, например, цитата из поэтического дневника тех лет, когда рядом с домом на Кировской рыли котлован под вычислительный центр: «А мне сегодня как-то стыло, Полночи всё не мог уснуть, Спасибо, экскаватор стихнул, Под брюхо сунув греть клешню.

Не чужда мне была и эротическая лирика:

— А ты урчишь, такая мягкая, Обметанная сжатой страстью, Моя напасть с грудями матовыми, Моя глазастая. И дернувшись, и отрешенный, Прокляв потомков неподсчитанных, Я, зубы сжав, сползаю с трона Между колонн до неба вскинутых.

А вот и стих, из-за которого я полез в старые бумаги. Там есть строчки, требующие комментария:

— И в комнате моей на стенке не Иисус, Сквозь лик Христа вдруг глянет обезьяний...

Если честно, то человек я не очень творческий. Вдохновение приходило ко мне за 56 лет редко, всего несколько раз и обычно, как неожиданное решение некоей ситуации, чему, само собой, предшествовал большой душевный взлет. Ну, например, я люблю спать в холоде, при открытом окне. Однако лысина у меня мерзнет, а ночной колпак у нас в стране не купишь. Из чего только я не исхитрялся делать себе чепчики — из детских маек, из мягких полотенец... Но однажды при взгляде на старые кальсоны я ощутил огромный душевный подъем и... в общем, из каждой ноги получилось три колпака — один великоватый, один совсем нормальный, один чуть тесный. Решение было найдено.

Или случай с похлебкой против облысения, о котором я уже рассказывал. Короче говоря, в свой первый приход на

Кировскую моя будущая жена Люда принесла мне в подарок игрушечную мартышку. Она была в позе эмбриона и сделана из поролона, надетого на проволочный каркас. В порыве вдохновения я распрямил ей руки и ноги и, предчувствуя будущее, распял на стене в классической позе.

Итак, А. В. Котову на день рождения:

*Давно уж не пишу, не думаю, не злюсь,
Остыл душой к неправдам мироздания,
И в комнате моей на стенке не Иисус,
Сквозь лик Христа вдруг глянет обезьяний.
Я даже больше смерти не боюсь.
А ценности мои, как кошки на полу
Переплелися кучей серой,
И дымом сигаретным я плыву
Над грязью, нищетой, над верой,
Над головой усатой на колу...
Но завтра у Кота на дне рожденья
Мне смоет эту дурь стакан вина.
Как неизменна смена настроений,
А мудрость отвратительно скучна.
Лишь дружба старая дает отдохновенье...*

Чем плох этот стих?! Немного о моих мечтах, об их эволюции. Молоденьким я, понятное дело, мечтал о женщинах. Белый пароход, кто-то тонет, я прыгаю в белых штанах с палубы, вытаскиваю её и т.д. Потом я был эстрадным певцом, исполнителем песен — «Очи черные», «Калитка», «С берез неслышен, невесом...» Кстати, пушкинского «Пророка», блоковскую «Незнакомку», некоторые стихи Лермонтова, Заболоцкого и Мандельштама написал тоже я. Аплодисменты!

Хотя, если серьезно, я действительно всегда мечтал стать романистом. Но мне нечего сказать человечеству, да и пси-

холог из меня никакой. От комплекса неполноценности я и стал переводчиком. Потом в мечтах я еще хорошо дрался — видимо, мстил за обиды. Ух, как я умел чистить морды всякой швали и шушере! А в жизни? Бог его знает. Вроде бы удавалось скрывать страх и несколько остужать противников спокойствием. Последний раз я подрался на Кировской. Я шел домой по Уланскому и неподалеку от дома нарвался на кучку молодежи. Один парень, хотя девица его и отговаривала, подошел ко мне и ни с того, ни с сего ударил — видно был не в настроении. Я уже хотел было повернуться и убежать, но тут он сделал глупость — вырвал у меня новый японский зонтик, подарок сестры. От жадности я забыл все свои страхи и прыгнул на него, как тигр, одной рукой вцепившись в зонтик, другой ему в нос. Теперь уже испугался он, и драка закончилась.

Забавный случай произошел с Сенькой Фридрихом. За день до предзащиты он остался у меня ночевать и после позднего ужина мы вышли погулять на Чистые пруды. Сенька тогда читал учебник по карате и всю дорогу рассказывал мне, как нужно драться, демонстрировал приемы, позы, финты и очень возбудился. Так что когда ко мне подошли два здоровых парня и попросили закурить, а я отказал, Сенька нагло выставил нос и сказал: «Ну нет у него сигарет, нет!» и тут же схлопотал прямым в глаз. Драка длилась секунды три: Сенечка всплеснул руками и по-бабьи сделал два царапающих движения, порвав на враге рубашку. На предзащиту он поехал с заплывшим глазом, хотя полночи я лечил его охлажденными в морозилке пятками.

Когда родилась Ленка, я вдруг поймал себя на том, что идя по улице, мечтаю найти четвертной. И, кстати, однажды нашел — даже не двадцать пять рублей, а пятьдесят. Дело было так. Возвращался я вечером из Орехово-Зуева. Подошел к троллейбусной остановке и гляжу — в поземке кувырдается бумажка. Поднял, а это — полсотни. Оглянулся, нет ли поблизости плачущих женщин — нет, Садовое кольцо почти

пустое, только метров за сорок весело кричат кавказцы. Что-то меня все-таки неприятно кольнуло, словно тяжелое предчувствие. Надо бы, думаю, сразу же эти деньги истратить — благо дежурный гастроном в трех шагах. Но тут подошла моя «Букашка» (троллейбус «Б»), и я поехал. Приезжаю домой, а у меня в одной из комнат прорвало под потолком отопительную трубу, и горячая вода хлещет на телевизор. От расстройства звоню Фире — поплакаться, а её днем увезли в больницу с инфарктом...

О богатстве я всерьез никогда не мечтал, хотя дорогие подарки (в мечтах) иногда делал — дарил квартиры, дачи, машины, дубленки. И меня очень взволновала одна романтическая история. Жила в Москве молодая женщина. Она была одинокая, из родни у неё осталась только старая тетка, которую она не часто, но регулярно навещала. Как-то тетка и говорит: «Я, наверное, скоро умру. Ты моя наследница, хотя ничего особенного я не оставляю. И знаешь, мои бумаги, письма, альбомы ты после смерти сожги. Ладно?» В общем, скоро ли, нет ли — тетка умирает. Наша молодая женщина забирает себе кое-что из вещей и пару драгоценностей — бриллиантовые сережки и золотое колечко с черным камнем, сжигает бумаги и...

Вскорости её прижало с деньгами, и она понесла драгоценности в скупку. Там посмотрели сережки, предложили за них три с половиной тысячи, посмотрели колечко и говорят: «Подождите». А сами звонят в КГБ и в Алмазный фонд. На допросе её спросили, что она знает о своей тетке. — А ничего такого. В молодости была красавицей. Муж давно умер, детей не было.

— А когда вы сжигали альбомы, вы их проглядели?

— Да, но не очень внимательно.

— Мы вам сейчас покажем фотографии. Может быть, вы кого узнаете...

— Вот этот человек пару раз встречался.

— Это знаете кто? Нестор Махно. А камешек в кольце — черный бриллиант. Их всего несколько на свете. Цены такому нет и отдать его вам мы не можем — народное достояние. Но поскольку он оставлен вам законно, мы предлагаем компенсацию — триста тысяч. Ну как? Согласны? (Бешеные деньги по тем временам. Даже при 3% годовых, которые давала сберкасса, выходило втрое больше моего доцентского жалованья). Волнующая история. И все же о богатстве я мечтал не особенно сильно. А в последнее время мне вообще не мечтается. Ложусь спать и решаю — сейчас о чем-нибудь пофантазирую, чтобы легче заснулось. Но мечтать мне не о чем. Почему? — Видимо, у меня всё есть.

Ехал я однажды с завода после ночной смены. Я тогда работал сверловщиком на «Калибре». В автобусе было битком, и меня прижало спиной к девушке — чувствую через рубашку ее упругую грудь, ноги. Я ужасно возбудился, нарисовал себе её мысленно и решил, что когда у Рижского вокзала народ схлынет, я с ней обязательно познакомлюсь. Наконец, стало посвободнее, и я оглянулся... Это был мужик.

А счастье я представляю себе сейчас так. Закат. Я сижу на берегу тихого озера и смотрю на поплавок. Он начинает странно подергиваться, и сердце у меня обрывается. Лешка от волнения наступает резиновым сапогом на охлаждающую поллитровку. Ленка орет от костра, что грибы у Кота уже готовы, а из палатки высовывается сонная морда моей, так и не встреченной женщины. И ни одного, блин, комара.

Вот теперь надо бы придумать историю о том, как я писал эти истории...

А. Толчинский. *Под пологом пьяного леса*

МИШКИН ЮБИЛЕЙ

В те далекие времена мы очень радовались разным поводам собраться и выпить. На сей раз повод был самый серьезный — Мишке исполнилось пятьдесят лет. Мой друг прожил в старом каменном пятиэтажном доме более тридцати лет. Весь дом был набит исключительно коммуналками. У Мишки было десять соседей. Общественная кухня была огромна, а вот, туалет был всего один в конце длинного-длинного коридора. Огромный дом с широкой каменной лестницей стоял во дворе рядом со зданием Центрального Статистического управления, и никто на него не претендовал, пока не началась лихорадка перестройки. А спустя всего пять лет деловые люди поняли, что это огромный алмаз, который надо прихватить, выселив всякую мелкую шушеру на окраины Москвы, сделать Евроремонт и отдать в аренду финансовым структурам, которые будут исправно платить хозяину валютой за счастье работать в пяти минутах от станции метро «Красные Ворота» и практически в самом центре столицы.

Люди часто привыкают к месту прописки, многочисленные соседи становятся почти родственниками. У каждого своя неповторимая судьба, спрятанная в комнате за дверью, выходящей в общий коридор. Мишка прожил с сестрой, мамой и племянницей в двух комнатах с высоченным потолком и даже с предбанничком, в котором стоял крошечный холодильник «Саратов», тридцать два года. За это время

сестра сумела выстроить кооператив на проспекте Вернадского и переехать в роскошную трехкомнатную квартиру, взяв маму и дочку.

Мишка прожил несколько лет один, а потом завел семью с одной приглянувшейся студенткой Людой. Та была из крошечного городка Озёры, что на Оке. Тихое, благословенное место. Тихая и величественная Ока, которая царственно плыла мимо усеянного известняковыми плитами левого берега, а выше украшалась радостными березовыми лесами. Правый берег был плоским, город выстроил речной причал, к которому можно было подъехать на местном автобусе. Каждое лето молодая семья отправлялась с другом по кличке «Кот» и сыном от первой жены Лешкой на левый берег, куда Мишка заблаговременно забрасывал доски и палки для строительства стола и навеса от дождя. Ставили две палатки — одну семейную, а другую для одиноких мужчин.

О житье на отдыхе я как-нибудь потом. Да и о семейной жизни Мишки тоже. А вернемся-ка мы в густонаселенную квартиру на пятый этаж.

Мишка так привык к этим непростым простым людям, что иногда говорил с некоторым даже пафосом, что находит много удобства в этом совместном проживании. Вот, к примеру, всегда есть у кого стрельнуть трешку или пятерку до полочки. Во-вторых, то и дело в многочисленной коммуне случается что-нибудь интересное: то кто-то сел в тюрьму, то кто-то вышел из тюрьмы, то объявился новый хахаль у откровенной шалавы Верки...

Кот вспоминал, как в 1956 году они перевозили на раздолбанной открытой трехтонке доцента Медникова с семьей в эту замечательную двухкомнатную квартиру с десятью соседями и одной уборной на всех. Тогда Мишкина сестра Фира, она же доцент Медникова, и получила существенное улучшение условий проживания, потому что до этого радостного события вся семья ютилась на шести квадратных метрах на первом этаже деревянной хибары, имея соседом

дальнего родственника, работавшего продавцом в овощном магазине. Слава богу, у того была маленькая семья, только жена и дочь.

Вы, конечно, подумаете, что должна быть причина такого прозябания в жалком жилище в течение многих лет, и не ошибётесь. Отец Мишки и Фиры был до войны был ведущим специалистом при главном артиллерийском управлении, и они жили в престижном доме напротив памятника Пушкину. А потом отца репрессировали — и было за что! Он проходил стажировку в США и жил там с семьей (Мишки еще не было) три года. Вот, власть и поправила свою ошибку в 1938 году.

И вот сейчас, в 1956 году трехтонка везла жалкий скарб семьи доцента Медниковой в старую, но новую квартиру, откуда некто отбыл в неизвестном направлении. Вместе с Мишкой и его другом на борт поднялись двое пьяных доходяг, которые должны были занести на пятый этаж без лифта кровати, пару шкафов, кухонный столик и множество пачек книг. Один из «грузчиков» не мог пропустить ни одной женщины, мимо которых они ехали, и всем кричал: «Алочки, у нас для вас есть палочки!» Мишка с другом должны были носить пачки с книгами и некоторые наиболее ценные в быту вещи, сохранившиеся еще с довоенного времени. Тогда с вещами было туго.

Ну, вот мы опять оказались на пятом этаже и можем продолжить наше повествование. Энергичным людям конца восьмидесятых удалось расселить коммуналку почти полностью. Неокученным остался один Мишка. Уж очень ему не хотелось переезжать в Братеево. Преподавал он в Орехово-Зуевском областном пединституте английскую литературу на английском языке и посещал службу три дня в неделю. Бывало, что ему приходилось согласно расписанию ночевать в общежитии. Ну, не тащиться же два часа на электричке домой, если завтра снова занятие. Дирекция выделила ему и его коллеге Сеньке Фридриху комнату на

двоих. Они оба были в то время холосты. Потом на Сеньку положила глаз одна студенточка из области и сама призналась ему в любви, просто сказав:

— Семен, я хочу от вас ребенка!

И суровый С.Фридрих дрогнул, оставил свою неплодородную жену, и пошел за студенткой. Вскоре после этого Мишка привез к себе на квартиру сразу двух студенток, они хорошо выпили втроем, после чего он заботливо уложил их по разным комнатам и пошел покурить на лестничную площадку. Он курил и прикидывал, с кем ему лечь. Одна была чистокровной еврейкой, и это было веским аргументом. К тому же, её папа заведовал какой-то текстильной базой. Её подруга в соседней комнате была из простецкой семьи без высшего образования, но отличалась хорошим ростом, светлым лицом и уже свободно говорила по-французски. Наверное, именно поэтому Мишка лег с нею. Как вы догадались, она как раз была из городка Озеры. Неисповедимы пути господни, не можем мы осознать пути, ведущие от сердца мужчины к сердцу женщины.

К тому времени, когда Мишку хотели сослать в Братеево, он уже давно был разведен, но жену не выписал. Это было мудро, потому что ей с дочкой полагалась отдельная двухкомнатная квартира. Они вскоре после расселения и получили. А Мишка? — Он продолжал жить в коммуналке, которая стала на некий срок его полной собственностью, и тянуть время. Оказалось, что ряд знакомых очень не прочь поселиться в одной из свободных комнат. Даже Алексей, его родной сын от первого брака, который учился в Мишкином институте, временами там ночевал, иногда и с подружками. Но Мишка это быстро пресёк, понимая, что его расточительность в квартирном вопросе может для него плохо кончиться. В результате постоянным жильцом оказался лишь Лёня Сержан, доцент того же института.

Мишка про него рассказал Коту, что Лёня, преподававший французскую литературу, раскопал неизвестное пись-

мо самого Пушкина, перевел и опубликовал! Правда, по большому счету это открытие принесло ему денег с гулькин нос, а славы еще меньше, иначе чего бы ему ютиться на птичьих правах в Мишкиной коммуналке. Почему у Мишки? — Бывшая жена выгнала его из московской квартиры. Откуда доценту взять денег на съемную квартиру?

У Сержана был отменный театральный баритон. Впрочем, если читатель прочел первую часть повествования, не будем понапрасну отнимать у него время.

Что устраивает мужчина, достигший зримых результатов в своем деле, в честь своего пятидесятилетия? Это зависит от его социального положения к данному моменту времени. Скажем, шеф, под руководством которого Кот когда-то защитил диссертацию, на свой юбилей созвал человек сто народу и снял для приема зал в ресторане. Докторов-профессоров-заведующих кафедрами собралось никак не менее двадцати, гости подходили к микрофону и соревновались в остроумии — ну прямо как в телевизионном шоу.

Мишка гостей не любил, о чем часто повторял Коту, но сейчас он был вынужден их позвать. С деньгами у него всегда складывались непростые отношения, однако, как говорится — *nobles oblige*. Поэтому вместо ресторанный зала Мишка устроил русский пир на коммунальной кухне. Она была огромной. Мишка вытащил на середину многочисленные кухонные столы, которые жильцы не забрали, выезжая, и поставил их покоем, раздобыл скамейки, поставил водку и соленые огурцы собственного посола в суповых тарелках. Как мы помним, он всегда солил огурцы, когда отправлялся «на картошку» командовать студенческим отрядом. Картофель тоже с колхозного поля уже стоял на плите. Его полагалось подать «в мундире», пусть гости сами себя обслуживают.

Алексей ночевал у Мишки, так что ему пришлось потаскать «мебель». Первым пришел Кот. Принес на черном бар-

хате, натянутом на картон, эмблему «50 лет ММЗ» из белой жести. Алексей взглянул и прыснул. Мишка был озабочен и шуток не понимал.

И вот гости начали съезжаться. Сержан пришел с молодой третьей женой и годовалым сыном. Притащил, как всегда, эмалированную кастрюлю с салатом «Оливье» в авоське и отдельно маленькую кастрюльку с молочной кашей. Фридрих пришел один и тут же стал хвастать, что он ходит в частную группу карате... Тут, как говорится, ворота распахнулись, и в зал хлынула волна новых гостей, всё больше друзья Фиры (профессора Медниковой), которые впоследствии стали друзьями Мишки. Дамы почти все преподавали иностранные языки в Московском университете. Там были две Инны — Инна маленькая, бывшая жена Марлена Хуциева, и Инна рыжая, которая вышла замуж за своего студента, могучего парня Валерку, работавшего теперь в библиотеке Иностранной литературы в кабинете антифашистского сопротивления. Пришли также уже известные филологи Дима Шестаков, Володя Харитонов и Саша Дорошевич. Последний прославился тем, что опубликовал хвалебную статью о пьесах Ионеско в журнале «Театр» почти одновременно со статьей знаменитого Аникста. Обоих ругали в партийной прессе, поскольку это было не наше искусство. Но мы-то с вами понимаем — пусть хотя бы ругают, лишь бы не замалчивали.

Фира держалась спокойно и величественно, как английская королева. Её превосходство все молчаливо признавали. Ведь она была не только профессором, но и лучшим переводчиком английской литературы. Мишку она привлекла к переводам сразу после его окончания университетского курса. Это давало средства к существованию, потому что на зарплату ассистента без ученой степени прожить трудно даже одному.

Сейчас, в день своего юбилея Мишка мог сказать, что и он стал некой величиной в литературном мире. Препо-

давательская работа у него включала еще и курирование дипломных работ, которые он поручал своим наиболее продвинутым студентам. Он был вполне признан, как профессиональный литературный переводчик и вел Московский семинар по мастерству перевода. Темой его диссертации было творчество Уильяма Голдинга, и Фридрих насмешливо его величал «наш голдинголог».

Кстати сказать, Кот двадцать лет спустя после описываемого юбилея полез в Интернет посмотреть, насколько велик список литературоведческих работ по творчеству Голдинга, и поразился — сотни диссертаций. Но Мишкиной работы в списке не было. Это было очень огорчительно. Он ведь был такой умный! Ну, а если бы его работа состояла в списке, что бы это изменило в мире науки? Наука учит нас смирению. В конце концов, что такое мирская слава? Она проходит. Даже в масштабах коротенькой человеческой жизни. В памяти поколений остаются величайшие умы, единицы из многих миллионов, и разного рода тираны и злодеи, которых намного больше, чем гениев науки и искусства.

Среди дам выделялась подхамимским лицом Катя Гениева (дал же бог такую претенциозную фамилию). Она непрерывно лебезила перед Фирой и её пронзительный голос непрерывно звенел в ушах:

— Эсфирь Максимовна...Эсфирь Максимовна...

Эта подхамимка вступила в КПСС и спустя десять лет стала деспотичной директрисой библиотеки Иностранной литературы (ВГБИЛ) вслед за дочерью нашего бывшего премьер-министра Косыгина. Про ту вообще говорили, что она выгнала всех прежних начальников и на их место поставила полковников КГБ.

Кот когда-то очень любил комфортную ВГБИЛ и часто навещал отдел научных журналов. Косыгинская тварь всё это ликвидировала. Зачем государству, управляемому КГБ, физика и химия? Ему власть нужна, а власть тем крепче, чем тупей народ!

Ладно, оставим это. Надо воспринимать мир позитивно — всё к лучшему в этом наилучшем из миров. Гости так и делали. Мужики и дамы храбро опрокидывали граненые стаканы с разным наполнением, молодое поколение тоже не отставало, практически не пил только Сержан. Он был непьющий еврей, хотя в его жилах текла разбавленная французская кровь. Так он объяснял отсутствие явных семитских черт на своей физиономии. Кроме того, Сержан вместе с салатом «Оливье» притащил гитару и собирался петь.

Мишка потешался над его попытками играть, рассказывал Коту, что вместо нот Сержан писал номер пальца и место на струне, которое нужно прижимать. Однако, несмотря на своеобразную технику, ему удавалось неплохо аккомпанировать самому себе. Вот и сейчас, воспользовавшись небольшой паузой, он поднял с пола гитару и запел:

— Виноградную косточку в теплую землю зарюю...

Мы уже знаем, что у него был шикарный баритон, да и слухом господь не обидел. При звуках бессмертной гениальной песни гости смолкли, а некоторые женщины даже прослезились. Как говорил великий Бетховен — музыка должна высекать огонь из сердец. Люди слушали в благоговейном молчании и с чувством радости, которая спускается с небес, выпили водочки.

Юбиляр, который был вежливо мрачноват в начале сидения, после третьего тоста расслабился и лицо его прояснело. Тут Кот поднялся со стаканом и предложил спеть в честь Мишки величальную на мотив широко известной древне-еврейской песни «Хава Нагиля»:

*Мишу хвалите, Мишу цените
Мишу любите, люди тут и там.
Он самый умный, он самый смелый,
Непобедимый, это ясно нам.*

*Это он придумал песни
 Про рентген и про евреев,
 И про истины в бензине,
 И про ценности пустые...
 Это он! Это Он!!*

Племянница Алина с её неразлучной подружкой Викторией и Сержаном после короткого колебания вдохновились и при словах «Это Он! Это Он!» дружно ткнули пальцами в направлении юбиляра. Инна маленькая тоже присоединилась, так что к концу величания уже образовался круг а сарелла. Мишке стало смешно и он сказал просто:

— Выпьем за моих джузей!

Валерка Киреев к этому моменту закончил поллитровку и добавил:

— Теперь неплохо бы потанцевать.

Алексей принес магнитофон и врубил его на полную мощность:

*She'll be coming round the mountain when she comes,
 She'll be coming round the mountain when she comes*

.....

Yuppi ya, ya yuppi, yuppi ya — ya — ya!

Первым не выдержал Дорошевич, потом выскочил Валерка Киреев, за ним Кот и, наконец, Мишка. Они стали маршировать под эту чудесную музыку. Потом Валерка поманил красавицу Виду, и это придало танцующим жару и отваги. Но тут Валерка сорвался с резьбы и мигом сдернул с Вики блузку. Вика вскрикнула,хватила блузку и убежала в коридор плакать. Инна рыжая не могла вынести стыда за своего бойфренда и ушла домой. Потом Валерка со смехом через пару недель рассказывал Коту, как он вернулся домой и обнаружил Инну под одеялом со сверкающими от благо-родного негодования глазами. Выслушав её филиппику, он

молча разделся и стал её ласкать. Она сначала отбрасывала его руки, но постепенно затихла, и он просто, по-мужски с ней помирился.

Тут Кот вспомнил по пьяному делу, как Дорошевич, учившийся на одном курсе с Володей Харитоновым, восторгался его пародиями типа:

«Тава’ищи к’асноа’мейцы! Бу’жуазия всех ст’ан Аф’ики, Азии и Латинской Аме’ики хотят па’абатить!!! молодую советскую ,еспублику! Пять, ..ить, ..пить, ...лять... к’истьяне... шшш...шшш... — Вы слышали голос великого Ленина.»

Кот вскочил и прокричал этот текст публике. Харитонов сидел напротив и вежливо улыбался. Он тоже прикончил свою поллитровку, но интеллигентность не позволяла ему расслабиться.

В конце вечера выступил Юра Эстрин, который исправно печатался на последней странице «Литературной газеты» со своими остротами. Рядом с ним сидела очередная пассия — та самая подружка Мишкиной второй жены. Юра был очень охоч до молодых особ. Его совершенно не смущала разница в тридцать лет. Юра был очень толстый, лысый и пожилой, но его пассия обращалась с ним без всякого почтения, говорила ему ты и строила глазки Алексею.

Гости расходились. Кот уговорил Сержана забрать свой «Оливье», к которому никто, кроме изготовителя, не приронулся. Навьюченный кастрюлей с салатом, гитарой через плечо и женой с ребенком на руках, он двинулся в долгий путь домой. Фира вызвала такси и забрала дочку с подружкой Викой. Одинокие мужчины скупно попрощались с юбиляром и тихо разошлись по домам. Алексей пошел спать раньше. Ему предстоял назавтра серьезный разговор с одним священником, который собирался укрепить легкомысленного сына Мишки в православной вере и благословить на службу святой церкви.

Кот остался последним, помог разобрать образовавшийся хлам, потом они с Мишкой вынесли в бумажных мешках мусор и вернулись в кухню покурить и выпить чаю.

— Ты помнишь, как заканчивается «Амаркорд» Феллини? — спросил Кот, — там совершенно гениальный конец. Там, празднуется свадьба Грандиски с легионером, но мы застаем уже самый конец. Гости расходятся, новобрачные уезжают на авто, остается только слепой аккордеонист. Он сидит на берегу моря и играет, а море гонит волну за волной, и зритель чувствует простую истину — всё суeta и томление духа. Только море вечно.

Мишка молчал. Устал, наверное.

— Ну, ладно. Я пойду?

Мишка кивнул и протянул руку: — Звони...

III

ЛЕВКА

(попытка психологического анализа)

Мне очень повезло с друзьями. Мне приятно так думать. Мне приятно их идеализировать. Работа настолько заполняет их жизнь, что на увлечения почти не остается времени и сил. Хорошо ли это? Это хорошо. Пожалуй, их можно считать профессионалами высокого ранга. Каждый из них — узкий специалист. Узкий, но глубокий. Сказано: специалист подобен флюсу. Юмор мне непонятен. Вообще-то узкий специалист есть скучнейшее существо. О чем с ним говорить?

Мой друг Левка, который недоволен, когда я его называю приятелем, считает, что нам нужно общаться. Часто собираться. По любому предлогу, хоть за картами. Он считает, что общение друзей и есть основная жизненная ценность. Но что нас, узких специалистов, занятых разными делами, может связать? В чем наша общность?

Боюсь умствований и анализа. Если сама жизнь ничего не стоит, то все о ней нафантазировано. Ничего нет в жизни, кроме желания удобства, удовольствий и сохранения привычек. Где-то и когда-то мы встретили людей, с которыми вынужденно долго общались. Привыкли к ним, перестали обращать внимание на их неприятные черты... Все это случайно, случайно, случайно... Некто некогда встретил девушку. Она показалась ему симпатичной (потому что в этот день она причесалась, или, наоборот, не причесалась). Вско-

ре он на ней женился и прожил с ней всю жизнь. А если бы он в тот день остановился купить сигарет, то женился бы на другой девушке, вскоре с ней развелся, спился бы или попал под машину.

Почему мы любим? Не потому ли, что с пеленок привыкаем к виду, запаху, тембру голоса? И к нам тоже привыкают.

Как-то я спросил Левку, почему он не поговорит со мной о проблемах литературы. Мне это очень интересно. Левка сказал, что это ему скучно. Вот, мол, тебе было бы скучно говорить со мной о химии. А я не знаю. Ведь все дело в вопросах, которые задаются. За пределами профессионализма лежат огромные, неоткрытые области, в которых все мыслящие равны, как были равны древние перед теми загадками природы, ответы на которые теперь знает каждый школьник.

Но если говорить друг с другом о серьезных вещах скучно, то отчего же мы, уже пожилые люди, обремененные семьями, болезнями и бесчисленными неисполненными долгами Долга и Совестью, ищем общества друг друга? — Мы ищем тепла. Оно рождается при наших встречах. Мы образуем, пусть на короткое время, инфраструктуру, некий надорганизм, живущий по своей внутренней логике. Напрашивается сравнение с пчелиным роем, который обладает своей собственной температурой и обменом веществ, как единый организм, тогда как отдельная пчела — всего лишь насекомое.

Левка. Мы дружим уже почти сорок лет. Это ужасно много. Ни с кем из друзей у меня не было столь противоречивых отношений, взлетов и падений, полного охлаждения и ощущения близкого родства.

Жили мы рядом в узких и коротеньких Лесных переулках. Булыжные мостовые и тесные дворики, сараи, сараи... Спросите у моего сына, что такое сарай. Он скажет:

— Это деревянная развалюха, в которой дед на даче держит всякое барахло, которое жалеет выкинуть на свалку.

В сараях во времена моего детства держали дрова и мешки с углем, разводили голубей, курили тайком, спали жарким летом, занимались всякой недозволенной детям пакостью. Крыша сарая была солярием. В середине марта можно было забраться на освободившуюся от снега поверхность и лежать на ней под весенними лучами. В одном из таких сараев состоялась наша первая встреча-делка с будущим другом.

Я тогда считал себя уже взрослым и не желал кататься на прикрученных веревками к валенкам «снегурках». Однажды я встретился на улице с носатым, чернявым, картавым мальчишкой, который предложил мне «отличные коньки» задешево. Он повел меня в сарай, велел подождать и через минуту притащил коньки «нурмиз» (трофейные, что ли). Запросил он семнадцать рублей. Я заметил, что товар малость ржавый. Тогда мальчишка взял кусок каменного угля, поцарапал конек и сказал, что очистить новые коньки от ржавчины — раз плюнуть. Я кивнул и пошел за деньгами. Мы учились бок о бок несколько лет, но я его совершенно не знал и не помнил. После продажи коньков я видел его всего лишь однажды в драке на большой перемене. В руке у него была шапка с кожаным верхом, которую он скрутил, как боксерскую перчатку. Это оружие при попадании в противника гулко хлопало. Болельщики стояли кругом и смеялись при каждом хлопке. Болели за его противника, потому что парень, носатый, чернявый и картавый, был евреем, а евреев не любили в ту пору особенно остро, потому что они всю войну «за русскую ж... прятались».

Смерть Великого Учителя принесла нам первую радость — нас объединили с девочками. От сентября 1954 года пахло фиалками и ландышами. Я оказался на одной парте с Левкой. Правда, не обошлось без неприятностей. Кто-то бесцеремонно вытащил мой портфель из парты. Я на правах гостя проделал то же самое. В результате мне прислали записку: «Еврей, не трогай наш портфель».

Однако впоследствии я антисемитизма ни разу до окончания школы не почувствовал.

На перемене толстая, безобразная баба-директриса делала смотр своим подопечным. До нашего появления в школе девчонки были обязаны в перемену чинно ходить вдоль стен парами. С нами этот кордебалет стал невозможен. Мы проказничали, а директриса смеялась.

Левка просидел со мной рядом два года. У него была красивая шея, на которой сидела вытянутая дыней голова. Напавшие на нас прыщи страшно заботили и его, и меня. У меня вся спина была покрыта этой гадостью, я стыдился своего уродства, хождение в баню было пыткой. Я не представлял себе, как поеду с девчонками на пляж. Вот у Левки тело было совершенно чистым.

Как он жил! Он в свои шестнадцать лет жил и дышал вольно, как птица. Его умная и тактичная мама не обращала внимания на его курение, а как много это значило в нашей жизни! Он, скорее всего, не ел в те годы «осетринку» и ходил весь год в линялой лыжной куртке, но вокруг него были интересные книги, он часто бегал в кино и вообще самовыражался, как мог. В то же самое время я сидел, задавленный родительским авторитетом и учил всякую гнусь, от которой вскоре и следов не осталось. Левка учился не ахти как, и моя мама считала, что он может меня испортить. Боже, как наивны и слепы родители! Я страшно любил деньги, потому что мне их никогда не давали, и я их попросту крал у родных. Я курил тайком и с наслаждением разглядывал картинки в медицинских учебниках моей матери.

Левка тоже прошел свою школу детской испорченности. Коммунальный, грязный и пошлый быт делал естественные отправления чем-то привлекательным. Отсутствие половой культуры компенсировалось подглядыванием за тетей-Мотей в щелочку, а если она еще и совокуплялась с проезжим молодцем-шофером, то это становилось темой для разговоров на месяц.

Левка, как я понял из его рассказов, был уличным бойцом. Я же был засюсюканным маменькиным сынком. Что могло быть общего у нас, я не представляю. Я был серым кандидатом в отличники. Читал Смолича, Панферова и другую мразь, которую папа притаскивал из профсоюзной библиотеки. Левка читал Джека Лондона и мечтал о подвигах. У Левки были блестящие, как атлас, очень черные и прямые волосы и сияющие влажным блеском глаза. Он нравился девчонкам и был необыкновенно обходителен с ними. Я же с девчонками совершенно не умел обращаться. Мне кажется, они меня не любили.

Непонятно, что нас связывало и продолжает связывать. Я никогда не был для него эталоном, к которому следует тянуться, совершенствуя себя. Он все делал лучше — плавал, дрался, любил, страдал, нес большую ношу в походах. Загадка лишь в том, почему он выбрал именно меня, а не более достойных и сильных людей.

Школьные преподаватели, за исключением Петюнчика, к нам благоволили. Мы оживали на химии. Двадцатый век стучался в учебники. Никогда до сих пор путь от великих открытий до школьного курса не был так короток. Мы учили запрет Паули и квантовые состояния Бора, не понимая их суть, как данность, как закон всемирного тяготения. Левка что-то нахватал у знакомых старшей сестры. Его распирала непереваренная информация. «Цепная реакция» — шипел он непрерывно, явно подзуживая химичку обратить внимание на его эрудицию. Я сидел рядом с ним дурак-дураком, так как не привык заглядывать в учебник далее заданного урока. Наконец, химичка смилостивилась и стала рассказывать об ядерных реакциях...

Состоялся XX съезд, и Левка опять нахватался от знакомых своей сестры: у него был информационный понос на уроках истории. Боже мой, каким пойлом нас пичкали на

истории! Европа уже зализала раны и жила полной жизнью, на всех хватало еды, питья и одежды. Люди смеялись. В быт проникали первые шедевры микроэлектроники. А мы все пыжились, все кричали, что спасли мир, подразумевая, что все они не стоят наших жертв, поскольку не живут, как мы, в скверных коммуналках и гнусных, грязных поселках. Мы сваливали на войну весь наш протухший революционный быт, который накопили по углам за неполных сорок лет советской власти.

С зубовным скрежетом в обществе было допущено ношение галстуков и даже в некоторых ресторанах уже без галстука не обслуживали. Проклятая граница через своих агентов, которые и не догадывались, что они агенты, заслала на нашу территорию неопишуемой красоты галстуки с павлинами, обнаженными женщинами и просто буйством, не-нашим-буйством красок. Нашлись в отечестве люди, которые стали носить яркие шарфы, узкие брюки, ботинки на толстой каучуковой подошве и какую-то не-нашу-прическу (не бокс, не полубокс и не наголо).

Никогда не дремлющее в народе чувство недоброжелательности к ближнему было умело направлено прессой против тех, кто одевается и причесывается не так, как все. Крупнее проблем в нашей стране в ту пору, конечно, не было. Началась травля «стиляг». Были случаи серьезного рукоприкладства. Однако стремление быть оригинальным мало-помалу побеждало.

Однажды Левка опоздал на урок истории. Я подумал было, что он слинял в кино, но вдруг он возник в дверях класса с Шариным и Киселевым. И все трое — в галстуках! Самое смешное, что тогда это был почти что подвиг. До этого мы видели в туалете лишь одного парня из соседнего класса в галстуке и завидовали ему, а он делал вид, что носить галстук для него давно привычно. И вот Левка в пиджаке (справили в десятом классе) и в галстуке. Они стояли смущенные, а девчонки громко восхищались. Историчка

посмеялась и разрешила им сесть, простив опоздание из-за столь уважительного события.

Я роюсь в золе воспоминаний, и время от времени сердце обжигает уголек, еще не потухший уголек прошедшей, промчавшейся, промелькнувшей жизни. Моя тетка, которой было суждено пробыть на земле почти семьдесят восемь лет, сказала перед смертью: «Вся моя жизнь пролетела так, будто я открыла дверь в комнату и тут же закрыла».

Чтобы чувствовать протяженность времени, нужно быть очень мудрым, не расточать себя в словах и суете. Мы этого не умеем. Никакое чтение философии не заменит того, что не дано свыше. Я, Левка, мои друзья и родные — все суетные, легковесные, беспамятные.

У меня давно было желание писать о Левке. Я раздумывал, с чего бы начать. Писать хронику мне не хотелось. Мне было интересно понять Левкин характер. Но как это сделать? Как осознать человека, с которым знаком сорок лет? Ведь каждый пишущий о ком-нибудь претендует на объективность. Почему Левка ведет себя по отношению ко мне именно таким образом? Скорее всего, потому, что я даю ему такую возможность. А если бы не давал, он не стал бы так поступать, а поступал бы по-другому. Хотя не исключено, что мы тогда не стали бы друзьями... Значит, дело во мне? Его поведение — лишь слепок с моего (в науке это называют комплементарностью)? А что же такое есть Я по отношению к Левке?

Вот, к примеру, сидели мы на встрече школьных друзей спустя лет десять после окончания школы. Было скучно. Тут Левка и говорит: «Не подойти ли к англичанке и не сказать ли ей...» (далее шел английский текст, который я совершенно не понял). Я запрыгал от восторга и стал уговаривать Левку подойти и сказать. Но Левка уже потух и посмотрел на меня, как на дурачка.

Однажды мы собрались в моей однокомнатной квартире. Была у нас бутылка дешевого вина. Тут Левка предложил сварить глинтвейн. Как его варить, мы не знали. Просто нагрели вино и добавили ломтики лимона и апельсина. Чтобы не было так скучно пить, Левка придумал церемониал с ножами и клятвами. Мало-помалу все расшевелились, стали смеяться, танцевать. Я был в полном восторге от друга-Левки и прямо-таки повизгивал. После очередного всплеска веселья Левка обернулся ко мне и совершенно холодно и серьезно спросил: «Веселимся? Да?» Я в полном счастье закивал головой, но через секунду почувствовал себя обгаженным. Он, Левка, умный и серьезный, нас, дураков, веселит столько, сколько хочет. А не хотел бы — не веселил.

Кто же я? Веду себя, как сентиментальная, глупая и мягкая баба. Ко мне привыкают. Со мной перестают считаться. Я ухожу в обиду, долго переживаю, терзаюсь. Потом начинаю вести себя жестко. Это вызывает недоумение. Откуда-то в подушке, которую подкладывали под задницу, родилось и развилось бешенство. На этой подушке стало невозможно сидеть. Даже прикоснуться неприятно.

Умом я понимаю: в жизни, вообще, и в дружбе, в частности, надо уметь себя держать в руках. Держаться. Не распускаться. Не хлюпать. Не проливать глупые слезы восторга, чтобы потом не удивлять холодностью. Вот, Левка от природы, а может быть, самовоспитанием достиг прекрасного умения держаться. У него словно срабатывает охранный инстинкт. В житейски сложной или трудной ситуации он оказывается на высоте. Говорит и движется степенно, холодно, расчетливо. Маска воплощенного достоинства. На стриженной козе не подъедешь.

Был у нас с Левкой один неприятный инцидент. Одолжил я ему на год сто рублей. Подошел мой отпуск, я у него их попросил. Он был оскорблен. Я не то чтобы базарил, но выглядел чуть ли не вымогателем. Я уже был не рад, что попросил

уплаты долга. Он, не выполнив обязательства, казался куда как выше. Честно говоря, я не отдавал себе отчета, насколько ему было тяжело материально в то время. Я только знал, что он никогда не отказывал себе в удовольствии взять такси или купить бутылку водки. В результате такого хаотичного ведения хозяйства (а какие наши доходы!) у него за год накапливалось более тысячи рублей долга. Меня это возмущало. Моим принципом было — всегда жить по средствам. Есть деньги — гуляй. Нет — сожмись и жди. К великому сожалению, я слишком поздно понял одну важную вещь — никогда не одалживай денег друзьям. Дари!!! Не можешь дарить, скажи, что на мели.

Короче — Левка совсем другой. Жить сейчас! На полную катушку! Его уверенность передается женщинам, которые его любили и любят. Сейчас время брать! Когда-нибудь и как-нибудь отдадим. Выкрутимся.

Вот такие мы с ним разные. По самому главному вопросу — как жить. У него двое детей. Но он не беспокоится о том, что после него перепадет им. Он им дает сегодня. Много или мало, не мне судить. Я же думаю, что оставляю сыну. Меня беспокоит, что он будет думать обо мне. Будет ли читать мои записи и разумно ли растратит собранное мной. А, может быть, и умножит... Я хотел бы быть главой, родоначальником. Не исчезнуть напрочь, не раствориться, жить в памяти моих близких и отдаленных потомков после смерти. А Левке — наплевать.

Можно было бы озаглавить этот рассказ про Левку — «Холодное сердце» или «Глупое сердце». Мне кажется, что такое сочетание хорошо отражает основной недостаток его характера. Это не то чтобы эгоизм, но нечто близкое. Это не желание избегать вида чужих страданий, но скорее недостаток сочувствия, жалости. Вот поэтому я боюсь при нем подставляться, раскрываться до конца. Хотя дружба — это ведь прежде всего доверие.

Помню, на Оке мы отдыхали с Дорошевичем. На одной из стоянок к нам подошла пионервожатая, тетка лет тридцати, из фабричных. Очень скоро мы с ней были на коротке и даже приглашали под кустик, но она ссылалась на месячные. Однажды Левка болтал с ней и вдруг подозвал меня: «Подтверди, что твоя мать еврейка». Он смотрел на меня требовательно. Я подтвердил. А должен был послать его к черту. Не пристало мне случайно встретившейся потаскушке объяснять, кто я такой.

Однажды отец привез мне из Швеции кондомы. Я сказал об этом Левке и часть отдал ему. Вскоре за картами Левка без всякого повода сказал: «Отличные кондомы подарил мне Кот, потому что они у него гнутся». Тут же последовал громоподобный хохот моего троюродного брата. Я был уязвлен. С какой стати Левка выдает мои маленькие тайны? Но виноват-то был я. Не раскрывайся. Не подставляйся. Держись.

...Часто бывает так. Некто долгие годы шумно исповедует свой символ веры, борется с противниками, вербует сторонников. Унижает, восхваляет, играет, торжествует победу, становится лидером. Проходит время, и братья по убеждениям в растерянности замечают, что лидера не видно и не слышно. Они навещают его и говорят:

— Учитель! Наше дело слабеет. Наше знамя клонится...

А он с гаденьким смешком отвечает:

— Бросьте, ребята, заниматься глупостями. Какие там абсурды? Кто там еще «экзистировать»?

— Учитель, но ведь вы говорили... Вы ведь учили...

— Да плюньте, ребята, и разотрите. Жизнь — вот лучший учитель. Я пришел к этому еще десять (двадцать) лет назад и просто морочил вам головы для забавы.

Вот так. Они думали, что он сжигает себя, а он чадил перед их лицами своим высохшим навозом. Кто-то вроде бы должен заплатить по счету за обман. Но кто? Да никто!

Живи своим умом. Не хлюпай! Не булькай! Не раскисай, когда некто творит театр перед твоими глазами. Не доверяйся. Не раскрывайся. Не подставляйся.

Что же все-таки за человек Левка? Каким он был? Какой он теперь? Уверен, что в нем всегда был и остался бойцовский дух. Ему не приходилось по каплям выдавливать из себя раба, потому что он никогда не был рабом. Хотя никогда не ходил в открытых противниках режима, который мы все скорее презирали, чем ненавидели. Свободная и честная бедность — таков был наш общий добровольно-вынужденный удел. Никто из моих друзей, слава Богу, не осквернил себя продажей убеждений за тридцать серебряников из нечистых рук власть имущих.

Давным-давно Левка испытал на себе очарование благополучия, когда после девятого класса поехал с сестрой в Переделкино в писательский поселок. Они поселились на даче у Чаковских. Пока сестра учила хозяина английскому, Левка вертелся среди писательских детей, ухаживал за молоденькой домработницей, научился играть в настольный теннис, показывал чудеса ловкости в борьбе с противниками, которые были вдвое толще и мощнее... Природа одарила Левку ловкостью, смелостью, умением нравиться. Его приняли как своего. Думаю, уличная закалка не эпатировала чистеньких писательских детей, а восхищала.

Вернувшись из Переделкина, Левка весь сентябрь только и булькал о замечательных писательских детях. Наверное, он много присочинил. Он вообще очень любил присочинять. Это осталось с ним на всю жизнь. Благодаря чтению и общению с друзьями старшей сестры он все время шел впереди нас в духовном развитии. Помню, однажды летним вечером он пересказывал страницы из «Бравого солдата Швейка». Сам хохотал, и мы хохотали. Особенно веселил нас рассказ, как Швейк красил собак, вставлял им между ног распорки, и продавал, как бульдогов с хорошей родослов-

ной. Потом выяснилось, естественно, что Гашек такую чушь написать не мог, но это было значительно позже, когда мы сами доросли до чтения великого романа.

Точно так же вздохнул он сочинял о своих успехах в писательском городке, о том, как на Кубани его буквально на руках носили только за то, что он москвич. Сейчас мы все поумнели, образовались, набрались жизненного опыта, и Левкины фокусы не проходят.

Помните, в романах Достоевского персонаж врет и смеется, видит, что ему не верят, что его болтовня раздражает, но продолжает врать и смеяться, а за маской напускного веселья, внутри, совершается серьезная и даже иногда трагическая работа ума.

Я обычно в таких ситуациях не злюсь, я быстро устаю от Левкиного ерничанья, подыгрывать мне не хочется, а морализировать — тем более.

Не раз я просил Левку обсудить со мной всерьез литературные вопросы, которые меня волнуют. Он отговаривался под разными предлогами. Ему заранее было неинтересно. Он говорил о разных «горизонтах» понимания, подразумевая, что его горизонт залегает много глубже. Он говорил о литературе как о специальности, которой надо учиться, чтобы овладеть, иначе все разговоры останутся жалким дилетантством. Я ему отвечал, что мои представления о произведениях иной раз совпадают с оценкой выдающихся критиков, однако он предпочитал со мной говорить о вещах посторонних. Лишь иногда у него прорывалось нечто вроде:

— Как-то прочел «Преступление и наказание» дважды подряд и понял, как Достоевский сделал эту вещь.

Что он понял, для меня загадка. Знаю только, что моя оценка совпала с рецензией Страхова на роман. Страхов писал в воспоминаниях, что после выхода этой рецензии Достоевский встретил его в коридоре издательства, пожал руку и сказал:

— Вы — единственный, кто меня полностью понял.

Недавно Левка произнес сакраментальную фразу:

— Вы с Яшкой комплексуете, как несостоявшиеся филологи, я же — состоявшийся филолог, поэтому у меня все в порядке.

...Интересно, что многие переходят из других областей деятельности в литературу и никогда — наоборот. Но все это глубже, намного глубже. Если есть в человеке искра Божия, то это проявляется во многих сферах. Эйнштейн был скрипачом и глубоким философом, Макс Борн — философом, Бородин — химиком. Спустимся на десять ярусов с Олимпа. Если взять Яшу — он великолепно знает музыку, тончайший ее ценитель, блестяще владеет английским, разбирается в литературе.

Но вернемся к нашему состоявшемуся филологу. Без иронии. Он состоялся! Но послушайте его саморекламу:

— Я много работаю, я очень много работаю, я очень много курю и очень много работаю, меня очень ценят на нашем семинаре...

Левка состоялся, как филолог уже в зрелые годы. Но он состоялся, как человек, как мужчина уже тогда — в семнадцать лет. Поэтому на его долю выпали все радости, присущие молодости, а главная из них — его любили женщины. Мне же пришлось ждать самого себя еще добрых пятнадцать лет.

В отличие от меня он всегда был платежеспособен. В десятом классе мы решили по-взрослому отметить Первое мая. Мама дала пятнадцать рублей, остальное доплатил Левка. Помню, была закуплена пропасть вина и водки. Пить мы не умели, а о девчонках и говорить нечего. После первых же рюмок все наше сборище прямо-таки полетело в кювет. Мы быстро обалдели, отупели и пошли во двор тошнить и курить. Некоторым девчонкам стало дурно. Помню, как Сироткина орала, что умирает... Никто, конечно, не умер. Во втором часу ночи все попадали кто куда и заснули. Мы, мальчишки, тогда были настолько целомудренны, что никто даже и не помышлял по случаю праздника залезть под юбку.

В истории нашей дружбы Левка не только поддерживал меня материально, оделяя меня, «неимущего», рублишком на карты, но и защищал. По-моему, он всегда делал себя храбрым, равно как делал себя спустя много лет умным, справедливым, великодушным, щедрым. Иными словами, это шло у него не изнутри, от «пуза», а от осознанной необходимости.

Яше очень импонировало в Левке то, что есть вещи, которые он делает и есть вещи, которые он принципиально не делает. Это правда. В середине девяностых Левка отправился в творческую командировку в США вместе с Шестаковым. Среди разных встреч и посещений был выбран день визита к Иосифу Бродскому. Но Левка идти к нему отказался. Причин он не объяснял, но я мог бы сейчас на целой странице обосновать его отказ.

Скажу только, что, по моему мнению, мир для него всегда существовал и, возможно, сейчас существует в виде зрительного зала, перед которым ему суждено сыграть им самим избранную роль. Тут прямо просматривается аналогия со стихом Пастернака «Гул затих, я вышел на подмости...»

Левка соблазнил меня поступать в химический институт. Не знаю, почему он выбрал именно этот. У него была справка, что его отец — полярник (отец отсидел в Норильске пятнадцать лет не по своей воле, а потом был, еще при жизни, реабилитирован). Химию Левка не знал, так же, как и остальные предметы, но ему было достаточно сдать вступительные экзамены без неудов. Я с трудом прошел конкурс и потом весь первый курс тряся от страха, что меня выгонят. А Левка не выдержал сессии и был отчислен. Он страшно переживал. У него нашли нервное расстройство, и он получил академический отпуск. Его собирались взять в армию...

А ведь как празднично начинался первый курс! Беготня по аудиториям и лабораториям. Это было для нас совсем

ново. Лекции в огромных по тем масштабам залах. Горячие пирожки с повидлом на переменах, сигареты и газированная вода, в столовой — пиво. Мы были на разных факультетах и потому встречались в институте редко. Левка хватал меня на лестничной площадке, и мы наскоро обменивались анекдотами 1956 года. Например: «Один парень назвал Хрущева дураком и получил двадцать три года лишения свободы. Три года за хамство и двадцать за разглашение государственной тайны». Или: «За что Хрущев получил очередного Героя Социалистического Труда? За исполнение роли в фильме «Наш Никита Сергеевич Хрущев».

Пока там, наверху, наперебой лизали, студенты уже разобрались в новом властителе России. Сейчас его отмывают, рядят в белые одежды. Как всегда говорят полуправду, то есть врут. Хрущев нам, его современникам, казался личностью анекдотической из-за глупости и невежества. Мы тогда еще не знали, до какой степени падения может дойти власть в России. Мы только знали, что Сталин был тираном, но умным, а Хрущев — просто серый дурак. Не была ли серость Хрущева прологом к восхождению хитрого ничтожества — Брежнева?

...Итак, с большим скрипом я перелез через первый курс и уехал на целину. Левка присоединился к ребятам с филфака МГУ и тоже поехал в Казахстан. После целины меня просто распирало от новых впечатлений и новых песен. Я набрал Левкин телефон и сразу после его «П'твет!» услышал ту песню, которую хотел исполнить: «Я с детства был испорченный ребенок. На папу и на маму непохож...»

...Левка приехал с целины, по уши влюбленный в Любку Ш. В редкие встречи со мной он изводил меня бесконечными «Я люблю Любку!» и восторженными прыжками. Говорить с ним о чем-либо ином было невозможно. Он овладел после ряда неудачных попыток своей пассией, сделал ей Алешку, рассорился и уехал в геологическую партию. Благо в армию его не брали.

Не помню, по какой именно причине, но у нас наступил период охлаждения. Нас разделяло пространство, разные заботы, что-то еще, не помню. Мы очень долго не виделись. Левка приезжал в Москву, уезжал. Не звонил и не приходил. Однажды он появился, говорил в основном с моей мамой. Из разговора выходило, что я — плохой друг. Но в чем была моя вина, вспомнить не в силах.

Я, кажется, был уже на четвертом курсе и однажды почти случайно решил навестить старого, почти «бывшего» друга. Я поднялся на самый верх коммунального здания, куда пять лет тому назад затаскивали жалкое барахлишко семьи бывшего выдающегося инженера Макса Зинде. Семья состояла из трех женщин: матери, сестры и племянницы, и одного мужчины — Левки. Все они были дома. Сильнее всех обрадовалась мне Левкина мама. Левка хмуро улыбался и не знал, о чем со мной говорить. У нас было общее прошлое, а настоящее... У него за плечами был жизненный опыт, он поступил на филологический факультет МГУ, освоив за три месяца программу школы по английскому. Я шел в шорах моей будущей профессии, был зелен, самоуверен и глуповат.

Много позже Левка рассказывал мне кое-что о своих хождениях в люди. Его любили. Он умер очаровывать. Он нравился зрелым женщинам. Он умел быть забавным. Складывалось впечатление, что иной раз он как бы говорил себе: «Хочу нравиться», и начинал фокусничать, развлекать, казался милым, удачливым, остроумным. Описывал, как однажды посрамил отряд рыбаков, вытащив к их зависти великолепную рыбу, которую поймал буквально за полминуты на огрызок червя. Поймал в присутствии нескольких обожавших его девочек, которых привел на берег развлекаться. Я ему поверил, потому что вспомнил один из наших походов по Оке. Мы плыли на резиновой надувняшке мимо какого-то дома отдыха, и две женщины попросили переправить их на другой берег в прогулочной лодке. Я и Дорошевич взяли по веслу, одна из женщин, удивительно милая,

с роскошной грудью, села на корму, ее невзрачная подруга на нос, нашу резиновую лодку с Левкой привязали к корме. Шел легкий, искрящийся смехом и солнцем треп. Мы усердно гребли, чтобы не опозориться перед дамами, а Левка развлекал красавицу. Не прошло и двух минут, как она рассмеялась и стала мокрой рукой похлопывать Левку, брызгать на него водой. Он ей явно нравился...

Но бывало, Левка как бы говорил себе: «Буду противным!» Он делался невыносимо противным. После расставания с ним становилось легко, как после изгнания козы из дома в известном анекдоте. Однажды я с ним намучился в походе до такой степени, что мы не могли смотреть друг на друга. В то лето он еще не отболел экзистенциальными проблемами, и это отравило нам все великолепие Десны, обилие фруктов, солнца. Не будь его сокурсника Дорошевича, возможно, Левка держался бы в рамках. Но тот был совершенно им поработан, заискивал и подхихикивал. Тогда же на берегу Десны Левка сказал, бахвалясь: «Могу поспорить, что любого за день сделаю антисемитом». Дорошевич зашелся в счастливом смехе. Мне же и Орловскому (моему приятелю) было не до шуток. Мы были уязвлены нетоварищескими, надменными разговорами, злы за подкалывание на мелочах, за грубости. Филологи держали нас за профанов, за статистов. Обычно при нас начинался разговор о высоких материях, но стоило нам высказать свое мнение, как мимикой и жестами, обменом «понимающими» взглядами нам давали почувствовать, что мы — существа низшей категории. А как прекрасна была Десна! Сколько удовольствий валилось на нас, как из рога изобилия! Мы объедались роскошными яблоками и грушами. Наша неторопливая плоскодонка с самодельными веслами тоже влюбилась в Десну и не спешила в Днепр, где мы собирались продать ее с прибылью.

Чувствуя ее нежелание доставлять нас в Киев, мы за две бутылки водки договорились с командой самоходной бар-

жи, везущей лес. Нашу лодку подняли на палубу, и через час мы уже распивали с хозяевами водку, а баржа мчала в Чернигов. Вся команда состояла из механика, двух мальчишек-матросов и капитана. Мальчишки, бесхитростные и общительные, мне понравились. Хотя университетов они не кончали и говорили на местном диалекте, общаться с ними мне было куда приятней, чем с Левкой. Один из них часто начинал фразу словосочетанием «Значт-ну» (может быть, он в детстве заикался). Левка тотчас начал ко мне цепляться с этим «значт-ну», причем в присутствии того самого парня, отчего я испытывал изрядное неудобство. В общем, Левка в том походе столь интенсивно «экзистировал» за наш счет, что в Москве при расставанье мы едва кивнули друг другу. Орловский первое время после приезда даже стал нежно относиться к своей сварливой жене, которую уже давно едва выносил.

Должен сказать, что, описывая все это, я рассчитываю на некоторую Левкину благодарность, ибо сам питаю острейшее любопытство к тому, каким я отражаюсь в зеркалах моих друзей. Несколько лет назад я потерпел фиаско на любовном фронте, но совсем не был огорчен поражением, скорее испытывал облегчение, так как предвидел массу сложностей в случае успеха. Однако мне было страшно любопытно, каким я оказался в ее глазах. Что она нашла во мне такого, что воспрепятствовало моей победе.

Про себя я уже кое-что знаю. Я во многом отождествляю себя с «человеком из подполья» Достоевского, часто ловлю себя на сходстве. А Левка? В сознании его друзей он — человек щедрый, широкий. Отчего возникло такое представление? Ну, не оттого же, что Левка приходя ко мне в гости, приносит пару пакетов сока или букетик цветов моей жене. Я не могу вспомнить ни одного «царского» подарка. Никогда я не одалживал у него денег. Мне это не приходило в голову, потому что всегда у него в карманах было пусто (не то, что в детстве). Ощущение широты возникало, скорее

всего, от его отношения к деньгам, к имуществу. Он легко расстаётся с деньгами, спуская их на пустяки, убажывая себя. Нет-нет, я вовсе не собираюсь поджимать губы и фарисействовать. Ну, живет человек в свое удовольствие — и на здоровье. Однажды я спросил его, не хотел ли он когда-нибудь иметь много-много денег.

— Зачем? — ответил он просто. — Я и так себе никогда ни в чем не отказывал.

Свои добрые дела он оценивает очень высоко. Вот, поехал как-то в горный лагерь со своими детьми, истратил, по его признанию, пятьсот рублей. Рассказывал об этом с гордостью. Хотя, если вдуматься, ну что в этом особенного? А сколько тратим мы на своих детей денег и здоровья, мы, живущие с детьми и отдающие им все лучшее? И не раз в году, а ежедневно!

Я не понимаю, как уживаются в Левке широта натуры с мелочной опекой, с которой он может пристать хуже слепня, скажем, при варке борща в походе. Казалось бы — ну что тебе за дело, кто и как готовит. Думаю, так же точно он опекал свою бывшую жену. Опять же, кто ему сказал, что те сто рублей, которые он давал семье на прокорм, вполне достаточны и дают ему право требовать особого пиетета к кормильцу? Да, он нуждался. Нуждался и жил в долгах. Но ведь я тоже прожил почти семь лет на сто рублей, имея маленького сына — и ничего. То есть, конечно, это ужасно! Семь лет ничего себе не позволять. Но такова жизнь!

Интересно сравнить, как относятся Яша и Левка к неизвестному, к новой информации. Однажды во время игры в преферанс кто-то произнес слово «эвфемизм». Яша спросил, что это такое, а затем как-то даже уважительно сказал: «Надо же, какого я понятия не знал!»

Левка, когда сталкивается с незнакомым или непонятным, сходу это отвергает или строит насмешки (как бы из принципа: если я не знаю, значит, это не нужно, не инте-

ресно). Помню, еще в школе, когда мы от скуки на уроках играли в слова, я из большого слова сделал серию коротких и среди них «боа». Мне известны два значения этого слова: вид удава и форма меховой накидки, воротника. Левка в тот момент был на меня зол и, читая список моих слов начал выдавать: «боу, убоа»... Вовка Шанурин спросил, что это за слова, на что Левка ответил: «А что такое боа?»

Однажды мы были на выставке Лентулова, талантливого мастера начала века. Я заикнулся, что выставка удивительная, яркая. Левка тут же стал иронизировать:

— Лентулов? Известный художник? Не знаю, не слышал. Лентулов-Популов...

Ну конечно, ты не знаешь. А кого ты знаешь? Ты что же, серьезно увлекался живописью, читал что-нибудь, сам пытался красить? Когда я открыл для себя импрессионистов, когда я видел сокровища Лувра, Мадридских музеев, со мною рядом были другие люди. В разговорах с тобой мы никогда не касались живописи.

А музыка? К сожалению, и на концертах мы вместе никогда не бывали. Может быть, тебе это не нужно. Вот ты рассказал такой анекдот: — Давид Ойстрах — вторая скрипка в мировой табели о рангах.

— А кто же первая?

— Ну-у, первых много... (смех)

Если бы не вмешался Яша, ты так бы и продолжал оставаться в заблуждении, что великий музыкант — жалкая вторая скрипка.

...Научный прогресс отвергается тобой по той причине, что он никакого влияния на человеческую сущность не имеет. Но ведь это — всего лишь одна из точек зрения. А могут быть и иные. Я согласен, что Ницше может быть кому-либо очень интересен. И Фрейд тоже. Но ведь существует, извини, и изруганный, изничтоженный Маркс. Наш кошмарный образ жизни, как мы с тобой выяснили одна-

жды летом в деревне, есть следствие нарушения простого, но могучего, как всемирное тяготение, правила, выведенного Марксом: экономика определяет отношения в обществе. Это правило работает в системе больших чисел, и поэтому наши с тобой отношения от экономического состояния общества не зависят. А вот если деньги есть деньги, а не бумажки, на которые ничего не купишь без блата, то врачи лечат, педагоги учат, строители строят и так далее до бесконечности, и все делают все как можно лучше. И не надо никаких анкет. Заработал — можешь себе позволить все, потому что все покупается и все продается, а то, что Маркс наблудил про социализм — это можно выкинуть на помойку и не вспоминать.

Забавный субъект мой друг. Мечтал жениться на еврейке, но дважды женился на русских. Когда, наконец, судьба послала ему прелестную женщину из бывших аспиранток его сестры, он забыл, что мечтал о тихой семейной жизни и остался холостяком при отдельной квартире.

Однажды Левка мне сказал:

— Я, наверное, был не прав с Людкой, когда изображал из себя кормильца».

— «Ну, — подумал я, — слава Богу, начался процесс обновления «ценностей». Ведь это очень важно — проводить время от времени пересмотр своего багажа.

Но мои ожидания не оправдались. Левка опять вошел в свой образ самого умного, справедливого и прочее. Думаю, что положение преподавателя препятствует реформации его сознания. Ведь он уже много-много лет самый умный, остроумный, обаятельный по отношению к той массе студентов, которым он читает курс английской литературы. Ну, и где они, где доморощенные гении Московской, Владимирской и прочих областей? Подумайте, смогут ли они поставить в тупик или просто задать трудную задачу Левке? Да никогда же, ни при каком раскладе.

Мне все более и более ясно, что Левка — человек, живущий головой, а не сердцем, заставляющий себя совершать действия часто вопреки здравому смыслу, но зато в соответствии с принятой схемой. Нужно ли это?

Помню, у нас на кафедре работал парень, очень активно интересующийся музыкой. Он покупал массу музыкальных абонементов, собирал классику. Однажды я сделал музыкальную пародию к Новому году, и мы решили записать ее на магнитофон. Каково же было мое изумление, когда я услышал впервые пение того парня. Мне кажется, он не взял правильно ни единой ноты из известной любому школьнику мелодии. Я подумал тогда, что при полном отсутствии слуха посещение консерватории — пустая трата времени.

Не так ли Левка мучается с поэзией? Здесь тоже — либо есть слух, либо нет его. Я никогда не слышал Левкиных комментариев по поводу тех стихов, которые он прочел. У меня ощущение, что он не слышит музыки стиха. Он заставляет себя читать стихи, как другие заставляют себя через силу заниматься гимнастикой. Человек, тонко чувствующий русскую поэзию, не может не возвращаться к Пушкину. Человек, понимающий в поэзии толк, не может сказать, что, мол, для нас Пушкин величина, но в европейском масштабе — нет. То ли дело Байрон!

Процесс самовоспитания, думаю, начался у Левки очень давно. В детстве он воспитывал в себе храбрость и выносливость, иначе бы его начали бить. Во взрослом возрасте назначал себе вегетарианство по пятницам, аутотренинг, чтение стихов на сон грядущий и прочее.

Мы ко всему привыкаем. И даже забавляемся, высчитывая до долей секунды, когда наш друг, распевая английский куплет, споткнется на том самом месте, где он спотыкается уже два десятилетия подряд. Я тоже привык к Левкиной манере держаться, хотя не знаю, импонирует ли она мне. Ну

да, он — человек, идущий к жизни от ума, от выбранной «позиции» в морали, которая не столько накладывает запреты, сколько позволяет совершать определенные поступки с тем, чтобы потом не терзаться. Человек эмоциональный (вот я, например) почти всегда нерасчетлив и поэтому чаще терзается содеянным, попадает в нелепые ситуации, говорит, не успев додумать до конца.

Для чего Левке самовоспитание? Конечно же, для самоуважения. Что же, ему этого, последнего, не хватает? Ну, сейчас, пожалуй, уже хватает. Есть серьезные подтверждения. Это и опубликованные переводы, и приглашение на преподавание в престижный институт, и членство в союзе писателей. А когда-то, возможно, и не хватало. Он цапался, царапался, кусал ближних своих, самоутверждался на них (и на мне тоже). Возможно, что «достижения» нашего бытия, которых у него не было, создавали фон неблагополучия. А в таком случае человек начинает мучиться вопросами: «В чем дело? почему они уже чего-то достигли, а я не достиг? Глупее я, что ли? Нет, конечно. Я умнее.»

До встречи с нами (с ними) эти ощущения-мысли давят на психику, но вот встреча состоялась. Кто-то что-то сказал и сказал, разумеется, не так, сказал глупость, и вот то самое, что сидело глубоко, выскочило, как пробка шампанского. Глупость доказана, наказана сурово и осмеяна! Чаша весов на некоторое время уравнилась.

Мне самому не забыть, как я терроризировал своих родителей за то, что они что-то не так сказали. Да я их просто изничтожал! Я делал из всякой мелочи далеко идущие выводы. Сейчас я пытаюсь разобраться в причинах этих импульсов злобы и неприятия. Кто в этом повинен? Фрейдовские комплексы? А может быть мои родители?

Что же это я взялся критиковать моего друга? Ведь у него масса достоинств. Надо бы мне сказать, какой он хороший, чтобы восстановить равновесие. Единственное, чего

я не знаю точно, так это — кто он мне. Он мне друг. Это понятно. Но какой? У него с языка иной раз срывается:

— Алик мой самый большой друг, а я вспоминаю детскую сказку, где Бегемот говорит девочке:

— Девочка, я твой самый большой друг, потому что я больше всех.

Ох, уж эти мне языковые нюансы! Так Левка мне близкий друг? Ближайший? Или просто друг? Есть прекрасное слово «верность». Я верю, что он мне верный друг. Бог с ним, пусть играет свою придуманную роль, носит маску, которую уже не снять. Она приросла к его физиономии.

Мы прожили жизнь в условиях страшной, абсолютной несвободы, но Левка все-таки сумел немного расширить свою пещеру и был в ней относительно свободен. Раньше он часто говорил о комплексах, которые мешают жить. Кстати, с годами они чаще всего исчезают. То, что волновало, больше не волнует. Женщины доступны, но их не хочется, деньги на вино есть, но жажды не чувствуешь. Никогда я не был на горнолыжных курортах и черт с ними, туда не тянет. Книжки прочитаны, разговоры отговорены. Смысл жизни в ней самой, надо жить, чтобы не умирать. А ценности — в спокойствии духа. Не завидуй, не лезь, не стой в очередях, обходись малым — и будешь счастлив. Что? Что-то не так? Обходись совсем малым. У тебя, Левка, есть твоя литература, ты в ней что-то смыслишь — и хватит!

Слушай, друг мой Левка! Мне противно так думать. Мне противно спокойствие духа. Меня рвут на части мои неисполненные желания, я до сих пор вижу цветные прекрасные сны. Иногда мои сны настолько яркие, что я встаю с постели с мыслью, что действительно написал акварелью или маслом чудесную картину и поставил ее за шкаф. Я иду и ищу ее за шкафом. Я, пристрастный и несправедливый, жадный до скарденности и умеренно щедрый, пронизательный и глупый, способный и бесталанный, написал эти неравнодушные строки для тебя и на память тебе.

ПОСТСКРИПТУМ

Когда Мишка прочел черновик этого портрета, он не удержался и написал поперек последнего листа: Ур-ра-а! Наверное, он был частично прав. Есть в этом тексте некая нарочитость, выпренность. Сейчас я, пожалуй, так бы не писал. Однако не хочу переделывать. Этот текст — свидетельство прожитой нами жизни. Тогда я думал так. А сейчас стал мудрее, терпимее. Но желание творить «нетленку» слабеет и скоро вообще пропадет. Все хорошо в своё время. Однажды в минуту ненависти моя бывшая жена сказала мне, что Мишка предлагал ей переспать с ним, но поскольку я уже давно её не любил, я не почувствовал вражды к нему, только отвращение к ней.

ПРАВ ЛИ ЭККЛЕСИАСТ?

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
Не останется памяти у тех, которые будут после*

Мишка ушел из жизни летом 2003 в возрасте 64 лет, зная, что он болен раком, и не желая ложиться под нож. Он, как всегда, сделал свой собственный, свободный выбор. Перепечатывая его записки, я не тронул практически ничего, исключив лишь орфографические и синтаксические ошибки (Мишка никогда не был шибко грамотным, хотя был заметной величиной среди переводчиков англоязычной литературы, вел Московский семинар по мастерству перевода, был членом Союза писателей России и т.п.). Читателю вскоре после начала чтения бросится в глаза фрагментарность повествования, злоупотребление оборотами типа как-то, кто-то, где-то, какой-то, словно у пишущего отсутствует память о прошедшем. Иногда читатель найдет и отсутствие логики, когда эмоции идут впереди мыслей, а мысли не отточены, не закончены. Некоторые анекдоты

затянуты, не смешны, некоторые коллизии попросту малоинтересны. Однако Мишка и не собирался выставлять свои отрывки на суд широкой публики. Мы, его друзья, благодарны ему за то, что он был вместе с нами долгие годы, благодарны его памяти, ибо многим, очень многим он сделал добро, а если кому-то от него досталось хлебнуть горя, что ж, он ведь не ангел и никогда не примерял на себя белые одежды...

Когда началась перестройка с ускорением, резко упал уровень жизни у всех, кто занимался наукой и особенно в закрытых организациях. Всем стало не до оборонки. Деньги дешевели катастрофически. Моя мама, которая надеялась на обеспеченную старость и владела облигациями 3% займа в количестве 5000 рублей, вскоре обнаружила, что может купить на эту сумму килограмм яблок, если доплатит еще одну тысячу. Получив такой подарок от государства в обмен на обещанную свободу слова, люди не устроили новую революцию, а стали потихоньку вымирать.

К счастью, я до этого времени стал владельцем огромной квартиры и мог сдавать одну комнату вполне безболезненно людям, приезжавшим в Москву на недолгий срок. Вот тут Мишка мне очень помогал, подыскивая иностранных студентов.

Ни я, ни он не принимали никакого участия в политической жизни. Все усилия были направлены на выживание. Так мы мало-помалу дожили до дефолта 1998 года, когда исчезли последние надежды на обеспеченную старость. Вот тут и пришла моей жене мысль об эмиграции, благо у неё в США жил двоюродный брат.

Мишка очень переживал моё решение уехать. В его голове сложилось, что мы повязаны дружбой до конца жизни. Мой отъезд воспринимался, как измена. Он всегда был очень сдержан в выражении чувств, но я его понимал и сопереживал. А что мне оставалось делать? Бросить семью? — Я к этому не был готов.

Я ему звонил довольно часто, не реже раза в неделю. И однажды он мне сообщил, что упал и попал в больницу, а врач сделал рентген и нашел у него запущенный рак кишечника. Приговор был страшный — осталось жить три месяца. Наверное, он ожидал, что я полечу в Москву побыть с ним напоследок. Я этого не сделал, потому что квартиру я продал и не представлял, где мне приткнуться. Кроме того, я плохо понимал, чем я могу быть ему полезен. Рядом с ним были его сын Алеша, священник, бывшая жена, жена сына. У меня в Москве не было никаких полезных связей. Люда не могла не знать о надвигающейся катастрофе, но у неё были материальные претензии к Мише и никакого сочувствия. Она по-прежнему предпочитала оставлять свою больную дочь у нелюбимого мужа, потому что из-за неё она не смогла устроить свою судьбу.

Я продолжал звонить Мишке уже по два раза в неделю. Прошло три месяца. Он мне сказал по телефону об этом и добавил, что жив, несмотря на прогноз. Я страшно обрадовался и крикнул ему:

— Так живи! Радуйся, пока жив. Может быть, диагноз неверный.

— Ладно, — ответил он. — У меня сардельки сварились. Пойду поем с Ленкой.

Я тогда еще подумал — как может смертельно больной человек питаться такой дрянью из кулинарии?

Нет, диагноз не был ошибочным. Вскоре начались проблемы и они нарастали. Он меня спрашивал, чтобы такое принимать, чтобы работал кишечник, но я ничего, кроме чернослива с водой, посоветовать не мог. Вдруг я понял, что он уходит и следующего разговора уже может не быть. Я попросил у него прощения за всё, чем мог его обидеть в нашей прошлой жизни. Он спокойно ответил:

— Я тебя простил.

Когда я снова позвонил, у него сидел Алеша. Я тогда же подумал, что он мог бы прислать женщину из своего при-

хода, чтобы ухаживала, но решил не ввязываться. Легко давать советы из Америки!

Через неделю Алексей сам подошел к телефону и пытался нас соединить, но Мишка уже не хотел говорить. Всё было ясно, всё уже было сказано между нами.

Я знал, что Алексей попросил Мишку принять крещение, чтобы дали разрешение похоронить его на православной территории кладбища, где он мог бы навещать его могилу. Мишка, совершенно равнодушный к религиозным проблемам и совершенно не верующий в бога, согласился.

И вот теперь лежит крещеный еврей среди совершенно чужих могил, далеко от Фиры и мамы Гинды, а единственно близкий и любимый человек — племянница Алина живет в Канаде, живет бедно. Учит местных студентов писать сочинения на английском. Сын покуривает наркотики, подрабатывает в баре и без стеснения берет у неё деньги на удовольствия. Единственная роскошь, которую себе позволяет Алина — сигареты. Она выкуривает в день две пачки. Я всё это знаю, потому что встречался с ней в Монреале.

Когда я хотел поговорить о том, что Миша умер, она сказала только одно слово:

— Рано! — и замолчала.

Я ей тогда же сказал, что нашел в Интернете упоминание о Мишке, как о переводчике правительственного уровня. Однако ей это было неинтересно. Жизнь у неё явно не удалась. Всё самое лучшее было в прошлом. Мы поели в китайском буфете и расстались. Навсегда.

Алина умерла в Канаде от рака, прожив всего 62 года.

В заключение, я хочу привести три Мишкины «песни», которые я люблю, потому что знаю их уже более сорока лет, привык к ним и сквозь них слышу дорогой мне картавый Мишкин голос.

* * *

Она мягкая, длинноногая,
И бежит, дрожит обещанием
И в излучинах, как облучена,
И волной, словно рыбою, плещется
И слова журчит мне влюбленные
Волосами, как сетью, касается,
И к себе зовет, чтоб не мучился
Вся ласкается, вся трепещется
Вдруг грозитя ночами бессонными,
Озаренными зорями красными.
А слова, сквозь мосты волоченные,
Все издерганные, все истасканные...

АДАМ

А потом изобрел электричество
И рентген, чтоб дать цену всем ценностям.
И придумал, что все относительно
— Про добро, про зло и про время.
По асфальту дороги разума,
И бензином пропахли истины.
Вдоль асфальта кривляются яблоньки
В своих нежных зеленых листиках.
Так мотай со спидометра скорости,
Чтоб лишь цель, чтоб без средств, и рады мы.
Мы все вверх по спирали с гордостью,
И все падаем, падаем, падаем.
И теперь у познавшего истину
Она в горле адамовым яблоком,
Эту истину в Бога бы выплюнуть,
Да неловко — женщина рядом.

ВЕЧНЫЙ ЖИД ПОД ТРОЕЙ

Я как баба— всегда на панели,
Не других, так себя продавая.
Меня кружит по круглой аллее,
Мной слова на стволах вырезает.
А там строем выходят строить
Вокруг замка хрустального стену,
Чтоб веками покоилась Троя,
Веку век тем же кругом на смену.
И меня все история кружит,
Она, дура, опять брюхатая.
И все больше с пархатыми дружит,
Хоть с пеленок не любит пархатых.
Я не тот — кем она захочет,
Чем останусь, когда отмучает,
Мне не дав рассмотреть, что проносит,
На летящем подносе случая.
Я бреду по аллее липовой,
Под ногами листва, как море.
С философией лыком шитою,
Счастьем липовым, липовым горем.

А. Толчинский. Знаки Зодиака

IV ОТЕЦ АЛЕКСИЙ

Кот позвонил Леве седьмого июля. В Москве стояла жара, и в двухкомнатной квартире с окнами на проспект Вернадского буквально нечем было дышать. Алексей или, как его величали приходящие в храм, — отец Алексей снял трубку и подавил раздражение. Опять этот друг детства из Бостона. Не дает отцу спокойно уйти из жизни. И чего суетится? Совесть, видать, нечиста.

— Да, он еще жив, но к телефону не подходит... — Алексей повернулся:

— Хочешь поговорить?

Лева тяжело дышал и лишь покачал головой.

— Ему тяжело говорить... Я вам тоже соболезнаю. Он был вашим ближайшим другом...

Кот опустил трубку и подумал:

— Ведь Лева еще не помер. Как же Алексей об еще живом отце в прошедшем времени... А-а-а, не может простить, что я усомнился в честности его попадьи... Зря я тогда. Но уж очень Алешка занесся. Такой деловой, такой деловой... А учат их общаться крепко, небось, не хуже, чем в КГБ. А каким славным мальчишечкой был тридцать пять лет назад... Плод ранней любви...

Подумать только! Левка стал отцом в девятнадцать лет. Стремительный роман с двадцатилетней девчонкой из ближнего Подмосковья, студенткой МГУ. Мать и бабка, как узнали, что она понесла от еврея, чуть её со свету не сжи-

ли. Родившийся Алешка отца не знал, жил в окружении матери, бабушки и прабабушки. Отца его забраковали при наборе в армию и, ощутив свободу выбора, он уехал в экспедицию на Саяны искать оптический кварц. Алименты? Ну, какие с него алименты, когда ему полагалось восемьдесят пять рублей в месяц по должности грузчика-коллектора.

Вопрос об отцовстве возник лишь, когда Алеше настала пора идти в школу. Тут Лева живо откликнулся, надел единственный пиджак с серой водолазкой и пошел жениться, чтобы у Алеши, как у всех нормальных детей, в графе отчество не было прочерка.

Так Алексей Львович Гвоздев, разумеется, русский, поступил в общеобразовательную школу номер пятьсот тридцать девять в поселке Долгопрудный Московской области, которую и окончил в тысяча девятьсот семьдесят пятом году с весьма и весьма скромными отметками.

Зато выпускник был высок и строен, с младенчески-чистым выражением лица, с прямыми русыми волосами и напоминал юного Есенина. Ну как же можно было допустить, чтобы юношу, у которого мама окончила МГУ и работала редактором отдела прозы в журнале «Советская женщина», и папа-еврей, который кончил к тому времени тот же университет, защитил диссертацию и преподавал в Орехово-Зуевском пединституте, как можно было допустить, повторяю, чтобы его, единственного сына матери-одиночки (родители вскоре развелись, потому что Лева приспичило вступить в брак со своей студенткой) забрали в армию?

Слава Богу, Политбюро ЦК КПСС к тому времени еще не додумалось до введения ограниченного контингента советских войск в дружественный Афганистан. Поэтому удалось получить освобождение в своем родном военкомате, где сидел дальний родственник-майор.

Вот тут и пригодился легкомысленный отец, который втиснул своего сына на отделение английского языка и литературы.

С чего начинается учеба в сентябре в Подмосковном ВУЗе? — Правильно, с трудовой закалки в подшефном колхозе (совхозе). Будущие первокурсники едут убирать картошку, которую потом успешно сгнойт в овощехранилищегноилище.

Алеша оказался на виду всей девчачьей группы. Была там еще одна особь Вася мужского пола, метр с кепкой. Из семьи потомственных рабочих-алкоголиков. Этому было достаточно сдать вступительные экзамены без двоек, чтобы пройти по конкурсу. Его и прошли, чтобы в Райкоме не подумали, что интеллигенты-преподаватели не пустили к высшему образованию человека из низов, как говорили до революции. Спустя почти шестьдесят лет Советской власти, когда во всех газетах писали Его Величество рабочий класс, низ стал верхом. И вот, на этот верх девчонки даже не глядели, а глядели на Алешу. Имя-то какое ласковое А-леша. Лёша-А-Лёша!

Алексей Гвоздев в учебе не блистал, умных книжек читать не приучился, потому как скучно, но был добрым и простым парнем с доверчивой улыбкой. Каждая вторая из группы стремилась затащить красавчика-Есенина в постель. И та простота и скромность, с которой он шел на очередное приглашение, лишь раззадоривали его поклонниц. Ни одна из них не пришла в деканат или комитет комсомола с пузом — вот, глядите, накажите обидчика. Это было бы не рыцарственно в отношении подруг, которые хотели сохранить Алешу для себя вплоть до получения диплома. Тем не менее, слухи о похождениях Алеши ползли по институту, и Лева приходилось потеть на разных разборательствах и доказывать, что это не есть моральное разложение, а лишь игры молодости. Не так-то просто было убедить в этом почтенного секретаря парткома, чей важный орган старел синхронно с Советской властью и так же, как она, делать уже ничего не мог, а только пугал. Когда же Лева пытался воззвать к совести сына, тот

отвечал, что не может отказать девушкам, когда они просят.

Сам Алексей душевно никак в игре, тянувшейся почти пять лет, не участвовал. Изобилие женского материала препятствовало приходу мысли о некоей возлюбленной, которая ждет-не-дождется своего принца. Особенно Алеше не нравилось, что приглашавшие его девчонки всегда пытались для начала угостить его вином, а к вину у него было отвращение с детства, когда он с приятелем купил две бутылки портвейна «Солнцедар» и напился до неукротимой рвоты. Тогда он подумал, что умирает. Приехала неотложка и увезла его в больницу с диагнозом «острое отравление».

Была у Алеши страсть — рыбная ловля, благо водохранилище было недалеко от дома. Иные стоят себе с удочкой весь день и мочат червя безо всякого толку. Алеша был одарен в рыбной ловле, как бывает одарен человек обонянием или музыкальным слухом. Он разбирался в тонкостях орудий лова и в повадках рыб и неплохо снабжал семью живой рыбой. Когда он повзрослел, отец стал брать его с собой и дочкой от второго брака на берег Оки у города Озеры. Алеша изумлял местных рыболовов своей удачливостью, но дело было не в ней, а в строго научном подходе к процессу ловли.

В тот запомнившийся сезон он явился на берег с рюкзаком и увесистой укладкой с донными удочками часов в девять утра. Неторопливо развернул укладку, засыпал прикорм в крошечные мешочки и наживил крючки, широкими взмахами послал наживку с грузилами далеко-далеко от берега и воткнул поочередно шесть коротких удилиц с металлическими наконечниками в каменистый грунт. Помедлив минуту, он вытащил из укладки большой сачок с длинной рукояткой. Мужики в типичном среднерусском одеянии — резиновых сапогах и телогрейках, с тлеющими сигарками в зубах, недоверчиво косились на «профессора». Они пришли просто так «постоять» с удочкой, подышать свежим

воздухом и выветрить утренний хмель перед принятием вечерней порции.

— Рыба в реке есть, но мало — обычно отвечали они на вопрос об улове...

Но вот, дернулся и звякнул колокольчик на одной из удочек. Алеша спокойно встал и энергично потянул леску, а после этого начал сматывать катушку. Подведя рыбу к берегу, он наклонился и ловко подвел под неё сачок свободной рукой. Ни суеты, ни волнений, всё в полном молчании. В сачке трепыхался лещ килограмма на полтора. Передав рыбу стоявшему рядом отцу, Алеша снова наживил крючок и забросил донку. Не прошло и десяти минут, как задергался и зазвенел другой колокольчик, и второй лещ ещё покрупнее первого забился в сачке.

Тут мужики не выдержали, подошли к Алеше и, сдвинув сигарки в угол рта, стали задавать технические вопросы, на которые Алеша солидно и неторопливо отвечал. Колокольчики продолжали звенеть время от времени, и корзина заполнялась лещами. Кот был очевидцем Алешиного триумфа. Парень явно был мастером своего дела. Потом, у костра Кот убедился, что Алешины чудеса объясняются широкой эрудицией в вопросах рыбной ловли, знанием новейших материалов и новейших конструкций и участием в работе журнала «Рыболов-спортсмен».

Через неделю свернули лагерь на Оке. Лева с дочкой остался у родителей второй жены, а Кот с Алешей автобусом возвратились в Москву. Алеша по дороге разоткровенничался. Сетовал на свой непутевый характер, осуждал безобразия с девчонками в студентах. Сказал, что решил кардинально переменить свою жизнь.

Осенью Кот узнал от Левы, что сыну удалось пристроиться научным сотрудником в музей, размещенный в знаменитой церкви в Филях. Там Алешу научили работать с историческими документами. Там же он стал разбираться

в технике иконописи и уже отличал иконы семнадцатого-восемнадцатого веков от поздних подделок. Но главное, он познакомился с престарелым священником отцом Николаем и покоренный смиренной мудростью патриарха, обратился в искренне верующего. Поскольку багаж знаний был весьма и весьма невелик, а жизненный опыт отсутствовал, если не принимать во внимание любовные похождения с выпивкой, то пустое место было быстро заполнено религиозным воззрением на мир, и вера в Бога оказалась панацеей от всех бед — личных и социальных. Вот так, от рыбной ловли — к уловлению душ. Ну как не припомнить Пушкина по этому случаю:

...Отрок, оставь рыбака!

Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:

Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Отец Николай не оставил новообращенного, тем более, с высшим филологическим образованием. Спустя год, поработав и наставив его, он получил благословение начальства положить Алексея в сан священника. Так Алеша стал отцом Алексием. А для укрепления в вере отец Николай подыскал коллеге жену из своих прихожанок по имени Евдокия, которая безмерно раздражала Леву абсолютным неумением готовить еду и следить за чистотой в доме и которой он придумал кликуху «Клизьма». Несмотря на свою непробиваемую темноту и серость, она однажды (в минуту просветления) сказала Леве:

— В жены священнослужителям рекомендуют либо стерженных, либо болезненных. Я вот, болезненная...

По случаю брака отец Алексей получил недельный отпуск и вместе с отцом и молодой женой приехал к Коту в избушку на Смоленщине. Несмотря на обилие мух, комаров, слепней, оводов, а также сотен ползающих и прыгающих насе-

комых, красота окружающих цветущих лугов и шепчущихся с ветром лесов покоряла. «Клизьма», как и предвиделось, ходила с мужем в луга собирать полезные для здоровья травы. Кот сопровождал их, чтобы не заблудились, а Лева предпочитал сидеть на реке с удочкой.

Перед обеденной трапезой молодая пара с жаром молилась. На этот случай была привезена крохотная бумажная иконка, которая вешалась на крючок поверх дождевика. На время молитвы Кот с другом выкатывались из избы и смиренно ждали на скамеечке окончания. Потом разгоряченная молитвой пара появлялась в дверях и приглашала к столу, который приготовили старшие.

Являясь по должности заместителем Бога по идеологической работе, неофит Алеша быстро менялся, как личность. Он был словно врач, только что окончивший институт и посланный лечить в отдаленный городишко, где опереться можно только на свою крошечную студенческую практику.

Отец Алексей приступил к службе и с первого дня крестил, отпевал, причащал, наставлял на путь истинный и исповедовал. Его единственным орудием и оружием было Слово и он правил властью Слова своей паствой. Он принял, как данность, с первого дня, что старушки и старики, пожилые и молодые целуют ему руку и называют отцом. Его сначала удивляло, что даже отпетые бизнесмены и гангстеры из «новых русских» широко жертвуют на церковь и дарят дорогие подарки ему лично. Так он стал владельцем «Волги», и не прошло и двух лет, как поменял её на иномарку. Служба службой, а ходить на уроки вождения тоже надо. Вскоре он стал заправским водилой и забавлял Леву, призывая Господа в помощь, когда нарушал правила.

Если отец Алексей спокойно и достойно поверил в Бога и столь же спокойно и достойно возложил на свои плечи долг оказания помощи страждущим и обремененным, то

попадья Евдокия просто-таки кипела-выкипала в своей преданности Господу. Как и вся русская ортодоксальная церковь, она была заражена антисемитизмом, верила, что евреи распяли Христа и свою нелюбовь к евреям не скрывала. Видя, что она дурно влияет на Алешу, Лева пытался устроить с ней что-то вроде открытого диспута, но мракобесие победило. На вопрос Левы:

— Знаешь ли ты, что Христос был евреем?

— Только по матери! — отрезала Евдокия.

Что тут скажешь!

С подачи той же Клизьмы, хорошо усвоившей уроки отца Николая, молодая пара не предохранялась, ибо детей должно быть столько, сколько дает Бог. Хорошо еще, что в дни святых мучеников и праведников, больших и малых праздников соитие не рекомендовалось. Кроме того, у попадьи то и дело возникали разные недомогания, так что молодой муж сидел на голодном пайке. Тем не менее, одна за другой с перерывом в полтора года появились три девочки. Паства тут же нашла для семьи отца Алексия няньку и помогла приобрести за бесценок отличный дом в ближайшей деревне, чтобы дети резвились на свежем воздухе. Лева со своей дочкой от второго брака был приглашаем на каждый летний сезон в качестве пастуха, и со своими обязанностями справлялся вполне сносно, даже варил супы под названием «первое-второе» на всю семью, потому что у попадьи руки росли из совсем другого места, а деревенские няньки вообще разучились готовить после семнадцатого года. Отец Алексей исправно забрасывал продукты раз в неделю и, кажется, был несказанно рад отсутствию любезной супруги.

Малышня, конечно, раздражала Леву, а от бабьей болтовни его просто мutilo. Поэтому он поставил позади дома польскую палатку с тентом и назначил часы, в которые его никто не смел беспокоить. Так же, как в Москве, у него был

дневной сон после обеда и спокойно выкуренная пара сигарет над очередным английским детективом.

Кот знал обо всех крупных событиях Алешиной жизни, начиная со школьной скамьи, когда Лева приезжал в гости в Измайлово на целый день. Были еще встречи на семейных праздниках. Кот виделся с сыном друга с удовольствием и, несмотря на разницу в годах и чинах, они находили массу тем для общения. Кот всегда был человеком беспокойным, терзался вопросами веры и смысла существования, что неожиданно покорило попадью, которая потом пронзительно заметила Лева, что метания его друга обусловлены мятежной еврейской кровью.

Евдокия была уже третий раз на сносях, когда они приехали с Левой в гости. Ели, немного выпивали и вспоминали, как еще холостой Алеша ходил с Котом на вернисаж в Измайлово и присматривался к иконам, привозимым барыгами из российских деревень. Кот вспомнил, что Алеша притащил на продажу странный альбом с вклеенными газетными вырезками, фотографиями, открытками и документами времен начала тридцатых годов. Кто-то из торгующих соблазнился и купил за двадцать пять рублей, хотя Алеша просил сто. Тут отец Алексей поморщился, и Кот, дабы загладить неловкость, подарил молодой чете иконку Пелагеи Ржевской. Отец Алексей растрогался, поцеловал иконку, и они с попадьюй принялись ворковать над ней.

После трех дочерей попадья, наконец, родила мальчика. Рост семьи на благосостоянии не сказывался. Напротив, доходы батюшки продолжали расти. К нему стали часто обращаться «новые русские» с просьбой освятить тот или иной загородный коттедж, которому могли бы позавидовать бывшие партийные бонзы, или то или иное торговое-посредническое предприятие. Бабло за это давали вполне приличное. Лева за год не зарабатывал столько, сколько отец Алексей получал за три месяца.

Церковное начальство любило отца Алексея и надеялось на его энергию и предприимчивость. Ему поручили провести капитальный ремонт и достройку церкви в Долгопрудном с тем, чтобы стать впоследствии её хозяином. Теперь отцу Алексею предстояло совмещать религиозную деятельность с хозяйственной. Он стал необычайно занят. Особенно плодотворными были летние месяцы, когда семья севой и его дочкой отправлялась в деревню. Лева по-прежнему покорно окучивал детвору, водил за палец переваливающегося внука и готовил обеды. Единственное, что он никогда не делал — не мыл посуду и кастрюли. Этого еще не хватало!

Узнав о рождении наследника, Кот восхитился:

— Видишь, как Господь умножает твоё семя!

— Он умножает род Гвоздевых! — возразил Лева.

— При чем тут фамилия? Кровь-то твоя!

Лева пожал плечами. Он всегда избегал сентиментальных разговоров.

Пока отец Алексей рос и мужал, как пастырь и как хозяйственник, Кот почувствовал себя евреем настолько, что решил уехать в США, благо пускали свободно. Готовясь к отъезду, он решил среди других вещей продать и три иконы, которые купил много-много лет назад в деревушке на Волге за сорок пять рублей и литр казенного спирта. Лева знал о намерении друга уехать и страдал, но помогал ему, как мог.

В один из редких теперь периодов свободного времени Лева притащил отца Алексея с попадьей в гости к Коту. «Клизьма» знала об отъезде и всё ходила по квартире, и приговаривала:

— Вот это нам нужно, и вот это бы нам пригодилось, и вот это нужно...

Кот удивлялся. По его представлениям, они ни в чем не нуждались, да и мебелишка была, надо признать, дрян-

ная, не какие-нибудь югославские или румынские гарни-туры. Так, набрано по случаю. Сели за стол, вкусно поели, немного выпили.

— Алеша, у меня есть три иконы конца девятнадцатого или начала двадцатого века. Не сможешь ли найти покупателя? — спросил Кот. — Состояние хорошее, Мстерская школа, писано на золоте...

Отец Алексей посмотрел иконы и медленно склонил голову:

— Поспрашиваю.

— Цену я назначать не могу, но неплохо бы получить за них долларов по двести. Вот, только мне нужно бы побыстрее, — зачастил Олег, завертывая иконы в старую простыню. — А что касается мебели, то часть её у меня покупают, а остальное я могу отдать вам.

Попадья при последних словах несколько увяла. Гости посидели еще немного и после чая с тортом и конфетами отбыли.

Прошло не менее двух месяцев. Звонков относительно икон не было, а время поджимало. Олег звонил каждый день отцу Алексию в церковь и домой. Дома отвечали, что он приходит очень поздно и сразу ложится спать, а в церкви он то был при исполнении службы, то уже уехал по делам. Наконец, Олег дозвонился и узнал, что на иконы покупателей нет. Отец Алексей разговаривал сурово и дал понять, что Олег должен сам в определенный день и час приехать и забрать их.

Проклиная свою доверчивость и мягкотелость, Олег по-тащился к черту на кулички на метро, а потом долго шел пешком, пока нашел ремонтирующийся храм. Отца Алексию опять не было. Какой-то парень в рясе сказал, что он уехал и никаких распоряжений не оставил. Время текло, и Олег начал потихоньку накаляться. Мальчик Алеша, выросший у него на глазах постепенно заполнялся степенным, сытым

и деловым до невозможности мужиком, который был занят серьезным бизнесом и которому не было дела до паршивого интеллигента-нехристианина, разжившегося некогда православными иконами на халяву. Но вот, по прошествии двух часов ожидания отец Алексей приехал на своей иномарке, вошел в церковь, нахмурившись, кивнул Коту и прошел во внутренние помещения. И опять гость ждал и чувствовал унижение, и думал, что вот, от приветливого юноши Алеши Гвоздева не осталось ничего. Нынешний хозяин его оболочки давно привык получать все блага земные как налог за обещание благ небесных.

Наконец, тот вынес иконы в запылившейся тряпке, и видно было, что дело ему неприятно и сам гость ему неприятен. Как будто не было той последней встречи, не потчевал он их, не обещал подарить мебель...

— Тут дали триста пятьдесят рублей за Святого Николая-Угодника, — сказал отец Алексей, протягивая деньги.

— Какая ничтожная сумма, — подумал Кот. — Ушел бы на Вернисаже за полторы тысячи. С руками бы оторвали. Не зная как «отблагодарить» отца Алексея он спросил:

— Вы у своей супруги никогда не замечали что-то напоминающее ...Кот хотел сказать — клептоманию.

— Евдокия — человек исключительной честности, — холодно прервал отец Алексей, словно заранее знал, о чем пойдет речь.

— Очень рад за вас, — так же холодно ответил Кот и ушел, не попрощавшись и не намереваясь в дальнейшем продолжать знакомство.

Приехав в Бостон, немного обустроившись и получив пособие, Кот решил обзвонить друзей и напомнить о себе. Несмотря на солидные успехи в химическом анализе, получить работу по специальности так и не удалось. Ходил на аптечный склад и работал на электрокаре. Английский шел

тяжело, приходилось переспрашивать, и это раздражало хозяина. Настроение было не ахти какое.

Позвонил Леве. Тот пожаловался на усиление паркинсонизма. Жена фактически выгнала дочку к нему. Вот они и живут вдвоем. Лева стирает, готовит, купает её. Комнату подметет — и уже устал.

— А что же Алексей? Ты столько раз помогал, когда он искал себя...

— Он сильно занят. Когда звоню, попадаю всё время на Клизьму.

— Слушай, пусть он пришлет к тебе на дом кого-нибудь из своих прихожан, чтобы убирались в квартире...

— Я его просить не буду.

— Ну, хорошо, найми уборщицу сам. Деньги ведь у тебя есть...

Так ничем разговор и кончился. Как поможешь другу, когда находишься за пять тысяч километров от него...

Кот вспомнил, как приезжал к Леве на квартиру с едкими химикатами отмывать совершенно заросшие грязью санузлы. Вот ведь действительно — дурь, что он тогда таскался с реактивами к нему вместо того, чтобы позвонить в бюро услуг и попросить прислать уборщицу.

Ненавидевшая Леву вторая жена вообще никогда там не появлялась, а сыну Алеше всё был недосуг. Повторный брак отца он, наверняка, осуждал, считал изменой по отношению к его тогда еще живой матери. К своей сводной сестре относился совершенно безразлично. Лева пытался однажды поговорить с сыном, что, мол, будет, когда дочка останется одна, но тот лишь сказал, чтобы отец не беспокоился, приют у хороших людей он для сестры найдет. Что же касалось помощи, то у отца Алексия, видимо, были куда более страждущие и обремененные, чем собственный больной отец, тем более, что он еще преподавал, стало быть, деньги были, чтобы нанять тетку.

Неизвестно почему, но сплошь и рядом близкие предпочитают носиться с людьми чуть ли не посторонними — устраивать им жильё или на работу, сидеть с их детьми, одалживать или собирать для них деньги, и в то же время почти равнодушно взирают на свою близкую родню. Неужели близкие так раздражают? Нет ли тайного подвоха в заповеди возлюбить своего ближнего, поскольку именно он вертится перед твоими глазами и надоедает, и потому любить его куда труднее, чем дальних. Ведь самые ожесточенные споры и ссоры именно с женами, детьми, родителями. Если чужой человек тебя надувает, то на то он и чужой, а если твои дети — неблагодарные свиньи, то это же твои дети, и тебе стократ больше, чем от посторонних. А ведь есть до сих пор сообщества, где слова папа и мама произносятся с уважением, почитают старшинство в роду (если, конечно, это не показуха перед гостями).

Возможно, что даже такой пронизательный человек, как Лева, делал промахи в своих отношениях с сыном. Дочь можно не принимать в расчет, ибо она в восемнадцать лет была в разуме шестилетней. Когда Алеша учился в институте и после окончания, Лева всегда приглашал его на семейные торжества. После развода со второй женой у Левы женщины менялись, как в калейдоскопе. Он всегда был человеком, привлекающим женские сердца, и Алеша был свидетелем все новых и новых его приключений, но никогда не показывал своего к этому отношения. Другое дело, как он относится к этому сейчас, после перехода в лоно матери-церкви...

Сейчас он совсем другой и свою нетерпимость к людским грехам умеет ловко скрывать. А раньше он был простым и искренним парнем. Видно было его полное безразличие в национальных приоритетах. Ни русская литература и история, ни еврейская история его не волновали. На праздниках он легко поддерживал веселье и охотно смеялся чужим шуткам. На рыбалках искренне хохотал у костра над стишками в стиле черного юмора:

*Дети в подвале играли в гестапо —
Насмерть замучен сантехник Потапов.*

Наверное, профессия врачевателя душ не располагает к глупому веселью и веселью вообще, потому что Алеша, после того как стал отцом Алексием, никогда не смеялся.

— А все-таки попадья слямзила сто восемьдесят рублей, которые аккуратной пачечкой лежали на серванте.

Кот всегда знал точный счет деньгам. Бедность смолоду приучила. Ему не было жаль пропавших денег. Он в то время хорошо зарабатывал. Его жгла обида, что после того, как Алексей пригнал грузовик и увез обеденный стол с шестью чешскими стульями, два кресла и кучу всякой металлической утвари, у него не возникло даже намека на благодарность. Он тогда не стал жаловаться другу Леве, чтобы не расстраивать его. Да и что поправишь, если дети выросли такими, какими выросли.

Удивительно другое, совсем другое. Не зря говорится, что природа отдыхает на детях, если много дала родителям. Вот, Алеша у Левы — человек серый, даром что священник. А Лева — известный переводчик, член союза писателей, руководитель семинара по мастерству перевода. У бывшего коллеги Старцева сын окончил Физтех, но остался серостью, даже кандидатской не защитил, работает у отца на фирме. Что-то вроде шофера-охранника. Отец — доктор наук, директор созданной им самим фирмы, заслуженный деятель науки и техники. У Орловского сын вообще ничтожество, закоренелый троечник, до сорока пяти лет не снимает с головы наушники с «heavy metals», а Орловский наладил производство резиновых изделий промышленного назначения, когда-то вместе с американцами готовил совместный полет Союз-Аполлон, ездил в Хьюстон на испытания.

Да, дело, в конце концов, не во внешнем успехе, а в том, что у наших детей отсутствует творческая жилка, нет у них

животрепещущих вопросов к природе или Творцу, нет у них любопытства к окружающему миру. Всё это есть, но у других детей, чьих родителей мы не знаем. В чем же наша ошибка, если это не определено генетикой?

Так повелось, что Кот стал звонить Леве раз в две недели после отъезда в Бостон. Говорили о пустяках. Иногда о книгах. Лева когда-то защищал диссертацию по творчеству Уильяма Голдинга. Кот спрашивал у специалиста, как Голдинг моделировал поведение людей в сообществе и в условиях полного одиночества, как он создавал романы-притчи. Планировали в ближайшем будущем встретиться где-нибудь в Европе. Лева вообще не любил таскаться с экскурсиями, а сейчас, когда заболел паркинсонизмом, тем более. Кот предложил полететь в октябре на остров Крит, пожить в гостинице. Он сходил бы поглядеть на Кносский дворец, а Лева погрелся бы на пляже. Народу в это время прибывает на остров мало. Сейчас на дворе январь, так что спешить некуда. Так же неторопливо текла беседа. Жизнь продолжалась.

Но однажды в конце января Лева сказал, что упал на улице и его послали на рентген. А под рентгеном обнаружили у него рак толстой кишки в последней стадии. Кот не совсем понял, как падение связано со страшной болезнью, но Лева добавил, что врач сказал ему, что жить ему осталось месяца три. Кот был ошарашен. Прежде всего, тем, что врачи никогда раньше больным таких вещей не говорили. А что если это ошибка? Нет, биопсия подтвердила рак. Что мог сказать Кот в утешение другу? Он и сказал:

— Лева, ты всегда шел впереди меня в походах и нёс более тяжелую укладку. Значит, судьба тебе шагнуть туда первым. Верю, что мы встретимся там.

— Я принял православие. Алексей давно просил. Ему важно, чтобы я лежал рядом с его семьей. А мне хотелось напоследок сделать ему приятное.

— Ты поступил правильно, — ответил Кот.

— Ладно, — сказал после короткого молчания Лева, — я пошел варить сардельки и кормить Ленку, — сказал так буднично, словно ничего в его жизни не переменялось.

— Я тебе буду звонить по-прежнему, — сказал Кот, и они спокойно попрощались.

Кот понимал отца Алексея, но неприязнь к нему мешала ему спокойно помыслить о случившемся. Ведь Лева был всю жизнь абсолютно безразличен к Богу. Не верил и всё. Кот раздумывал, правильно ли поступил Лева, согласившись на крещение накануне смерти, но знал лишь, что он другу не судья. Его более заботило, как попрощаться слевой. Частичкой души он верил, что произошла ошибка, что никакой это не рак, что всё выяснится месяца через три.

Получается, что никогда им уже не встретиться на острове Крит. Вспомнилось, как Лева решил устроить праздник детям и повез их в Чегет на горнолыжный курорт. Почему он выбрал Чегет, непонятно. Никто из них никогда не стоял на горных лыжах и не собирался стоять. Дочка весь день сидела перед телевизором, как и в Москве. Лева читал английские детективы и смотрел передачи о заседаниях Госдумы. Очень они его развлекали. Алеша в этот период был занят переосмыслением своей легкомысленно начатой жизни и на девушек смотрел без всякого интереса. Он очень нравился их соседке по столу и приводил её в полное отчаяние своим детским незаинтересованным взглядом. Она даже пожаловалась Лева на Алешину холодность. Всё, что осталось в памяти дочки от житья в Чегете, она демонстрировала в августе по утрам, просыпаясь в палатке на берегу Оки:

— По гостинице «Чегет» объявляется подъем! По гостинице «Чегет» объявляется подъем!

Кот отогнал сладкие воспоминания.

— Надо написать Леве. Попрощаться по-хорошему. Он тут же сел и написал единым духом:

Дорогой мой друг.

Я-то думал, что впереди у нас годы, а оказалось, что месяцы. Не буду говорить тебе бессмысленные слова утешения. На это есть отец Алексей. Я же прошу у тебя прощения за все обиды, которые вольно или невольно причинил тебе за время нашей долгой дружбы. Ты был для меня примером стойкости все сорок восемь лет, что мы знакомы. Я прощаюсь с тобой, но буду звонить тебе, пока ты жив.

Любящий тебя, Кот.

Через две недели он позвонил и спросил Леву, получил ли тот письмо.

— Получил,— ответил Лева и добавил просто— я тебя простил.

Была у Левы обида. Кот выпустил книжку, как он отражается в глазах своих друзей, и как они отражаются в его глазах. Лева был ужасно недоволен своим отражением и несколько раз в кругу знакомых говорил:

— Тут Котов на меня пасквиль сочинил...

Кот всё не мог взять в толк, шутит Лева или говорит серьезно. Выходит, не шутил... но все же это не был пасквиль. Знакомые, прочитавшие книжку, говорили, что отражение верное, не искаженное. А то, что мы все склонны поспешно и категорично судить обо всем на свете, так это и есть человеческая сущность. Единицы выходят из этого ряда. Они-то и есть люди выдающиеся.

Прошло три месяца. Кот стал звонить раз в неделю. Лева не ощущал никаких особенных изменений. Появились лишь проблемы со стулом. Друг советовал есть на ночь чернослив и по утрам выпивать стакан воды из-под крана.

Лева договорился с сыном, что после его смерти продавать квартиру не будут, а будут сдавать, и с этими деньгами Алексею будет легче пристроить единокровную сестру. Отец Алексей пригласил нотариуса. Второй жене Лева не отписал ничего. Не заслужила.

Кот всё раздумывал, ехать ли ему в Москву. Уж очень не хотелось видеть отца Алексея. И что ему там делать? В Москве у Левы куча двоюродных и троюродных сестер, родная племянница в Канаде. Может быть, отец Алексей что-нибудь ей отдаст в память о дяде? Как бы не так! Очень они все, которые от имени Господа, на барахло хваткие. И это им нужно, и то им пригодится.

Шли недели. Кот радовался всякий раз, когда слышал Левин голос. Спрашивал беспечно:

— Ну, как поживаешь?

— Не знаю, что и сказать. Вот уже шесть месяцев прошло со дня приговора, а я живу и живу.

— Ну и живи! — радостно воскликнул Кот. — Здоровья нет и не надо, раз можно жить и без него.

— Боли в пояснице мучают. Запоры.

— Обезболивающее дают?

— Принимаю. Иначе уснуть не могу.

Кот повесил трубку с глупой надеждой, что врачи ошибаются. Вот, у Солженицына, говорят, был рак, а потом произошло самоизлечение... Скорее всего, конечно, это был не рак, а что-то похожее... Чего бы отцу Алексею не обратиться с молитвой к Богу, чтобы дал чудесное исцеление страждущему. Заодно укрепил бы в вере всех окружающих. Поднял же Христос с одра умершего Лазаря...

И все-таки врач оказался, к сожалению, прав. Болезнь копилась, копилась и, наконец, одолела Леву. Он быстро терял силы, сражение было проиграно за две недели. Отец Алексей исчез из квартиры, и Кот выяснил день смерти друга, позво-

нив в Канаду его племяннице. От неё же он узнал, что русская родня отца Алексея встала на дыбы, когда он сообщил о намерении похоронить Леву рядом с первой женой. Они, мол, не потерпят, чтобы этот поганец, испортивший жизнь Любе, из-за которого она так рано умерла, лежал рядом с ней.

Отец Алексей поехал на ближайшее к его церкви кладбище и хотел было похоронить Леву в православной части, но заведующий спросил ехидно:

— Вы что же, полагаете уместным, чтобы еврей Лев Максимович Зинде лежал среди Ивановых, Петровых, Васильевых?

Так судьба посмеялась надлевой. Лежит он в еврейской части чужого кладбища под православным крестом одиношеника, вдали от своей сестры и матери.

Очень быстро отец Алексей забыл, что у него есть единокровная сестра, да и некогда ему было заниматься её судьбой. Он созвонился с её матерью и предложил ей забрать свою дочь, получив за её содержание месячную ренту от сдачи Левиной квартиры. Деньги уже его не интересовали. Квартира была завещана ему. Понадобится его детям — они там поселят, а эта может идти себе, пусть уповаает на Господа. Приживалка.

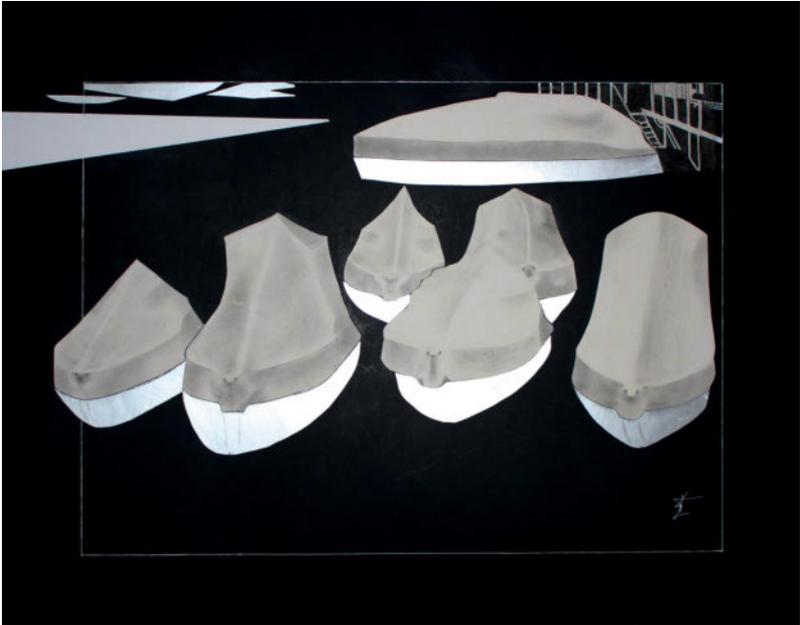
Называя вторую жену Левы приживалкой, он был недалек от истины. Она ненавидела работу вообще и свою работу в школе преподавателем французского особенно. Она ненавидела детей, и дети платили ей той же монетой. Всю жизнь она мечтала найти синекуру, и вот, сейчас у неё, наконец, появился шанс.

Теперь она получает арендную плату за две московские квартиры, что позволяет ей безбедно существовать в маленьком городке Озеры под крышей родительского дома. Никому вокруг нет дела, чем она кормит и во что одевает нелюбимую слабоумную дочь. Она живет для себя. Она посадила цветы на их большом участке, пригласила местного плотника, и тот сделал ей беседку для чтения на свежем воздухе.

За прошедшие четыре года отец Алексей ни разу не вспомнил о своей сестре. Он теперь достиг вершины в своей карьере, стал протоиереем. Стал заслуженно, ибо поднял из запустения прекрасную церковь, которую теперь возглавляет. Начальство его любит. Семья перестала увеличиваться. То ли что-то там сломалось в родильной машине у попадьи, то ли она поумнела и решила, что четырех детей им хватит.

Отец Алексей навещает Леву на Пасху и в Родительский день. Пока помнит. Пока навещает. Попадья с ним не ходит и детей туда не пускает:

Нечего им всем делать на еврейской части кладбища!..

А. Толчинский. *Зимовье*

ПРИЗНАННОМУ ГЕНИЮ ОТ НЕПРИЗНАННОГО

Antiquus amor cancer est
Старая любовь возвращается

Они часто оставались одни в комнате — Лёня и его молодой шеф Лев Александрович. Там еще временами бывали и другие сотрудники аналитической лаборатории, мы их с вами постепенно познакомим. У Лёни подходил к концу второй год аспирантуры. Ему не терпелось поделиться с шефом простенькой идеей. Дело в том, что Лёня был плохо обученным химиком-технологом резины двадцати шести лет, а шеф — выдающимся тридцатилетним физиком, доктором наук, автором двух книг по теории колебаний молекул. Сказать по-честному, Лёня мало что понимал в этих книжках, хотя ходил в Ленинскую библиотеку читать и конспектировать «Теорию матриц» Гельфанда.

Когда он в первый раз пришел к шефу с вариантом своей первой статьи, где были нарисованы простенькие дифференциальные уравнения, шеф поглядел на них и сказал, что так, наверное, выглядели первые в мире уравнения, когда еще не было известно частных производных. Затем он взял Паркеровскую ручку с золотым пером и, посмеиваясь, аккуратно исправил «математику» Лёни на современную. Эта статья вскоре пошла в «Известия АН», и Лёня ею очень гордился, тем более, что он был первым автором. Потом выяснилось, что шеф никогда не лез на первые места в статьях со своими аспирантами. У него было много своих работ, его

знали, читатели не сомневались, что в статьях с его соавторством не бывает халтуры.

Лёня познакомился с одним из сотрудников соседней лаборатории, синтезировавших реактивы для определения ионов циркония и гафния в водных растворах, и взялся помочь найти наиболее эффективный реактив-краситель, который обладал бы густотой цвета красных чернил и менял бы свою окраску после реакции с ионом металла с темно красной на темно зеленую или фиолетовую.

После года поисков Лёня понял, что любое расширение электронной системы молекулы реактива будет лишь снижать шансы получить желаемый эффект, и, значит, надо стремиться к уменьшению размеров молекулы. Эту идею он и решил подать шефу, высказав её на понятном ему языке.

— Это следует из условия нормировки пси-функции, Лев Александрович.

Шеф долгим пристальным взглядом остановился на Лёне и долго молчал. Лёня стоял в волнении и ждал приговора.

— А наш изготовитель резиновых сапог оказался не так прост, как казалось два года назад, — подумал шеф.

События этого повествования происходили в огромной аналитической лаборатории института Геохимии и Аналитической химии. Неподготовленному читателю покажется, что такая химия никому не нужна, что её с успехом может заменить физика. К примеру, физики придумали спектральный анализ. С его помощью можно взять образец стали из электропечи и сделав несколько опилок, зажечь вольтовую дугу между двумя угольными стержнями и сжечь эти опилки, и сфотографировать спектр, и выяснить, сколько в этой стали серы, фосфора, никеля, марганца и прочее. Ну, какой же физик станет возиться с этим рутинным анализом, хотя все понимают, что если серы и фосфора много, то эта сталь ни к черту не годится и её нужно снова переплавить. Для такой работы нужен химик-аналитик.

Аналитики, которые читали умные книжки, узнали, что физики придумали приборы, которые могут записать спектр не только вольтовой дуги, но и обычных разбавленных чернил. А в это время уже появилось в жизни огромное число разных красителей, и некоторые из них оказались способными изменять свою окраску в присутствии ионов металлов. Больше ионов в воде — сильнее изменение окраски. Так появилась целая область аналитической химии — фотометрический анализ. Лёня как раз попал в эту проблему. Кому-то позарез нужно было определять количество циркония, гафния и даже редкоземельных элементов. Это сейчас можно открыть «Википедию» и за пять минут узнать, что эти металлы используются в атомных реакторах и разных военных игрушках, а раньше всё-всё было страшно секретно.

Три года с лишним Лёня ходил в Институт и покорно предъявлял свой вишневого цвета пропуск на входе и на своем третьем этаже. Ему запомнился охранник, тщательно выбритый, молодой, в свежей белой рубашке с галстуком. По роду своей работы Лёне то и дело приходилось относить образцы для измерений на первый этаж или идти ставить эксперименты на четвертый, и всякий раз охранник делал четкий шаг в его сторону и внимательно изучал его пропуск. Охрана, кстати, состояла целиком из офицеров.

Были среди них и откровенные подонки. Лёня часто задерживался на работе, и один из них пристрастился заходить в его комнату и кланчить пятьдесят грамм спирта. Спирт у Лёни всегда водился, хотя и говорили, что он нужен для протирки оптических осей. Шутка, я надеюсь, вам понятна. Так вот, этот барбос, выпив спирт, разбавленный водой из-под крана, удобно усаживался напротив Лёни и начинал травить похабные сплетни о сотруidниках Института.

Говорят, что любовь есть самое естественное и сильное чувство, подаренное людям высшими силами, будь то Гос-

подь или абсолютный разум. Впрочем, это почти одно и то же, потому что церковники определяют Господа, как полностью всезнанья. Любовь еще обладает свойством сохранять все детали общения в памяти человека до самого конца существования. Так говорят люди, прожившие долгую жизнь.

Чего скрывать — Лёня полюбил шефа всей душой, хотя его собственная душа была похожа на лабиринт с темными углами, где притаились отнюдь не лучшие страсти и намерения. Момент их знакомства отпечатался в его памяти со стенографической точностью. Это было в конце зимы. Последние полгода он был в фаворе у своего начальника лаборатории Дистлера, человека фанатично преданного науке, но обладающего неровным, как говорится, — «бабским» характером. Полгода назад от него ушел Сотников, интеллектуал и энциклопедист, мечтатель и мастер своего дела. Ушел, потому что больше не мог выносить мелочные придирки шефа. При Сотникове Лёня был едва заметен. А тут на фоне образовавшегося интеллектуального вакуума, всплыла и его скромная звездочка.

И вдруг в один из зимних дней Игорь Петров встречает Лёню в коридоре и спрашивает:

— Хочешь поступить в очную аспирантуру к моему другу Лёве? Он два года назад стал доктором наук и ищет пару толковых ребят.

— Конечно, хочу!

— Тогда не теряй времени и поезжай к нему в Институт. Вот его телефон.

Лёня и не стал терять времени. Дождался обеденного перерыва, позвонил и выбежал на первое свидание с будущим шефом. По прямой через дворец пионеров было полчаса быстрой ходьбы.

— Вы у Дистлера работаете?

— Да. Но после трех лет как-то неясно, чем будем заниматься, перспективы никакой.

— Я знаю. У него лаборатория напоминает пожарную команду. Всё ищет актуальную тему исследований. Напишите на этом листке ваши данные и позвоните мне на следующей неделе. Вам надо будет подать заявление, заполнить анкету и подписать кое-какие документы. У вас секретность есть?

— Да, вторая форма.

— Это хорошо. Оформление пройдет быстро. Звоните.

Лёня летел на крыльях, одолженных на время у Фортуны. Перед ним то и дело возникало лицо будущего наставника. Благородное лицо, слегка вытянутое, блестящие темные волосы, зачесанные назад, близко поставленные темные пронизательные глаза, хорошо поставленный баритон человека, которому часто приходится выступать. Роста он был выше среднего, темно синий пиджак сидел на нем отлично, голубой галстук и белая рубашка придавали даже некоторую нарядность. Совсем не то, что Дистлер, низенький, с пузцом, почти лысый, с утиным носом, как у Бабея. Букву Л не выговаривал, говорил вместо неё В.

— Вот, возьмите и ознакомьтесь с моими книжками,— сказал Лев Александрович.— Я вам советую сразу взять в библиотеке книгу академика Ельяшевича и начать изучать. Мы по ней будем принимать у вас экзамен. Вам еще придется, как вы знаете, сдать иностранный язык и историю партии на нашей академической кафедре. Вы какой язык знаете? Английский? Сейчас я позвоню ученому секретарю, он вам выдаст бланк анкеты, еще надо вам написать заявление с просьбой принять в аспирантуру. Он всё объяснит. Звоните мне, когда устроите свои дела.

Будущий шеф с улыбкой протянул руку, Леня с чувством энергично пожал её, отметив приятное сухое тепло, и они расстались.

Дистлер, увидев заявление Лёни об уходе, побледнел и попросил принести рабочий журнал. Пока Лёня ходил за

журналом, тот уже обрел душевное равновесие, сунул в рот сигарету и жестко сказал:

— Сотников начал перспективную работу, вы её продолжили, а теперь я возьму аспиранта, и он за два года у меня закончит то, что вы начали... Вот ваше заявление.

Лёня пожал плечами и вышел. Дома его ждала огромная, на 1200 страниц монография академика Ельяшевича, и он знал только одно — надо эту книгу проработать, чтобы сдать приемный экзамен на отлично и доказать прежде всего самому себе, что он способен проводить серьезные научные исследования. Ох, как тяжело вгрызаться в науку, когда из тебя последние два года готовили технолога резино-технических изделий. Ему самому казалось парадоксальным, что первые три года его заставляли постигать фундаментальные науки, (одних химических дисциплин было шесть — общая и неорганическая, органическая, физическая, коллоидная, радиационная, аналитическая) — и всё для того, чтобы потом на заводе делать резиновые сапоги, галоши, колеса для детских колясок или, в лучшем случае, в горячем цехе контролировать вулканизацию автомобильных шин.

И вот, сейчас он сидел в комнате с шефом, который был руководителем группы молекулярной спектроскопии, входящей в огромную аналитическую лабораторию. Её начальником был очень серый и склочный партийный человек Карякин, который в незапамятные времена сумел стать доктором наук, но никаких наук реально за ним не числилось, потому что аналитическая химия — это вообще не наука. Это служанка всех других наук, которая отвечает на простой вопрос — сколько и чего содержится в испытуемом образце материала. Нельзя сказать, что анализы не нужны. Напротив, они очень нужны. Поэтому за послевоенные двадцать лет появились в лабораториях института новые замечательные приборы, новые методы измерения вплоть до ядерного магнитного резонанса. Правда, в заводских лабораториях

по-прежнему анализы делают методами мокрой химии или снимают спектрограммы на стеклянные пластинки с фотоэмульсией, как это делали еще до войны.

В комнате, где сидела вся группа шефа, был один-единственный прибор — спектрофотометр «Ultra Rot», изготовленный в ГДР на прославленной фирме «Цейс». Это была трехсоткилограммовая машина с крошечным пишущим механизмом, причем вместо чернил самописец просто царапал красную вощеную бумагу, поэтому все спектры были темно красными.

Новый шеф Лёни был физиком-теоретиком. Весь эксперимент состоял в приготовлении смеси нескольких миллиграммов исследуемого вещества с обычной поваренной солью, которую потом прессовали в специальной пресс-форме. Тогда же Лёня узнал, что при высоком давлении наша соль плавится, как пластилин, отдельные кристаллики сливаются, и получается прозрачное окошечко, через которое проходит инфракрасный свет.

Однако зарегистрировать спектр каждый дурак сумеет. А вот, чтобы объяснить его, рассчитать, Лёню и приняли в аспирантуру.

Всё же как удачно сложилось, что Лёня три года проработал у Дистлера! Он здорово поднаторел в вакуумной технике. Десятки раз он перебирал детали диффузионного насоса, умел их очистить от нагара с помощью крепкой соляной кислоты, умел сменить масло в форвакуумном насосе, промазать все стыки труб вакуумной смазкой и получить в результате давление под колпаком ниже десять в минус пятой степени Бар. Научился он также и напылять палладий и платину на образцы для просмотра в электронном микроскопе. Дистлер поощрял любую инициативу, кроме чтения книг и журналов, даже научных.

— Литературу берите домой, там читайте и думайте. Сюда приходите ставить эксперименты и обрабатывать ре-

зультаты. Разрешаю курить на рабочем месте. Если увижу вас с сигаретами болтающих на лестничной площадке, вынесу выговор и буду выгонять.

В группе шефа каждый молча занимался своим делом. Две программистки занимались созданием комплекса программ для расчета спектров, один парень могучего сложения с крупными чертами лица, по фамилии Юхневич, постоянно занимался спектрами воды и писал по воде монографию, молодая женщина Майя, физик по образованию, заканчивала свою диссертацию по влиянию лазерного облучения на спектры фосфатных минералов. Лёня и еще одна аспирантка Рита пытались подготовить цифровой материал на специальных картах, которые вставлялись в огромную вычислительную машину БЭСМ-6, которая занимала весь первый этаж в вычислительном центре академии наук. Машина обрабатывала информацию со скоростью миллион операций в секунду! Это был новый советский рекорд, который состоялся вопреки заявлениям советских философов с товарищем Сталиным во главе, что кибернетика — это буржуазная наука.

В группу шефа входила еще подгруппа во главе с Антиповой-Каратаевой, прелестной дамой, которая очень громко смеялась у себя в комнате, так что весь рабочий день проходил под аккомпанемент веселья у соседей. Чему она смеялась, Лёня так и не понял за все три года аспирантуры. Физиком она была неплохим, а две девчонки обслуживали нужды аналитической лаборатории на японском приборе 1958 года выпуска. Прибор работал безотказно, и его качество оставалось недостижимым для советской оптико-механической отрасли до самого конца существования СССР. Дама была замужем за астрофизиком по фамилии Иванов-Холодный, и Лёня представлял себе, как распределят фамилии родителей их двое детей. Получалась испанская (или португальская) длинная родовая фамилия.

Шеф в основном работал дома и появлялся в комнате не раньше десяти. Его тело обладало удивительной пластичностью. Он ухитрялся в обычном полу-кресле принять такую барственную позу, как у Шаляпина на знаменитом Коровинском портрете. Затем происходил быстрый опрос, кто и что успел сделать за прошедшие сутки (или двое суток).

Лёня очень долго привыкал к общению с ЭВМ, без конца делал ошибки при занесении данных, и в результате программа расчета спектра не шла. Это означало: либо искать ошибку в матрицах кинетической и потенциальной энергии, либо взять новую колоду и пробить заново с надеждой, что где-то дырочки в перфокартах не совпадут, и проклятую ошибку удастся найти.

Однажды шеф не выдержал и рассмеялся:

— Интересно наблюдать за вашей работой, Лёня. Вы составляете матрицу, пишете текст для программы, отдаете Вере (математику), получаете колоду перфокарт и идете на ЭВМ, вставляете колоду в картридж для считывания, убеждаетесь, что опять сделали ошибку, возвращаетесь в институт и кидаете колоду в мусорную корзину. Цикл повторяется. Не так ли?

Что Лёня мог ответить? Ему было стыдно и тошно. А драгоценное время всё убывало. Что за идиотская невнимательность! Соберись, соберись, черт возьми! В последний раз Вера рассердилась не на шутку и прямо в зале ЭВМ накричала на него:

— Опять наврал! Не стыдно?!

Он уже знал все цифры матриц наизусть и каким-то волшебным чутьем тут же нашел ошибочную перфокарту в колоде, поменял её и, наконец, ЭВМ проглотила его материал и через семь с половиной минут распечатала результат. Интересно, но факт — после того случая он никогда не делал ошибок при подготовке материала для расчетов.

Однажды на втором курсе у него был подобный ступор. Он никак не мог получить контрольный вес в лабораторной

работе по аналитической химии. Пять раз он осаждал сульфат-ион из раствора хлористым барием, потом фильтровал, потом сушил фильтр и сжигал в фарфоровом тигле, потом тигель остывал и он нес его на весы. И каждый раз он получал результат, расходящийся с контрольным в третьем-четвертом знаке после запятой. Все его друзья давно ушли вперед, делали другие работы, а он всё повторял проклятое осаждение сульфата с тупым отчаянием. Если бы не Левка Крутиков, чья мама работала лаборанткой на кафедре и подсмотрела контрольный результат в книжечке доцента Медведевой, не быть бы Лёне химиком-технологом. Не быть бы ему аспирантом у молодого и уже известного ученого... Скольким людям мы оказываемся должны за свою ничем не примечательную жизнь! Вот и надо прожить её так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, как говорил парень, написавший очень хорошую книгу.

После того, как БЭСМ-6 провела расчет его задачи, Лёня в состоянии эйфории явился на работу с роскошным изданием поэмы Гёте «Рейнеке Лис». К счастью, шеф сидел в комнате один. Лёня протянул ему книгу, добавив:

— Сегодня у меня праздник. Наконец, я прогнал задачу через ЭВМ. В честь этого, Лев Александрович, позвольте вручить вам подарок.

Шеф кивнул, молча принял книгу и начал листать. Иллюстрации и шрифт были изумительны. Лёня тоже молчал и сидел за своим столом, наблюдая. Наконец, шеф поднял голову, широко улыбнулся и ласково поглядел на Лёню:

— Я очень ценю ваше отношение ко мне. Спасибо. Примите мои поздравления по случаю вашей первой победы. Надеюсь, что она у вас не последняя.

В те далекие годы заканчивающейся хрущевской оттепели книги составляли огромную человеческую ценность. Не зря в магазинах висел плакат: Книга — лучший подарок.

Люди часто судят о других по себе. Шеф был настоящим трудоголиком. Поскольку он был теоретиком, то предпочитал работать дома, чтобы не тратить два часа на дорогу. Его рабочий день продолжался никак не менее десяти часов. Лёня не был теоретиком вообще и по характеру, в частности. Он был сангвинического типа любитель легкой жизни, денег, которых у него пока практически не водилось, женщин, которые пока были ему недоступны, и мечтатель наподобие помещика Манилова. Однако шеф его воспринимал вполне серьезно и сочувствовал его бытовым трудностям, в том числе, что тот должен был тратить на дорогу в институт и обратно около трех часов в день. В те присутственные дни шефа, когда Лёня задерживался, они иногда возвращались вместе с работы. Шеф был любителем и знатоком русской истории, хорошо понимал, что происходит со страной сегодня и как это связано с недавним прошлым.

— Кибернетика была запрещена, как наука не только с подачи наших отечественных философов,— говорил он Лёне,— но и тем, что отец кибернетики Ноберт Винер вывел правило о жизнеспособности систем имеющих и не имеющих обратной связи. Мы оказались, соответственно, второй системой. Поэтому наша «плановая» система планомерно ведет страну к экономическому краху, который наступит в ближайшие двадцать пять-тридцать лет. Однако идеология продолжает настаивать, что мы идем правильным, выверенным путем согласно политической экономии социализма.

— Но ведь Ленин понял это еще до Винера и ввел НЭП?

— Он инстинктивно угадал. Голова у него варила хорошо. Если бы не НЭП, катастрофа разразилась бы через год-два, и новая волна гражданской войны смела бы коммунистов.

Неспешные разговоры с шефом по пути домой часто побуждали Лёню додумывать его мысли, иногда не соглашаясь, но ему никогда не пришло бы в голову подойти к шефу на следующий день и сказать:

— Вот, Лев Александрович, вы вчера вечером говорили...

У него немой диалог продолжался, часто не приводя к обоснованному заключению. Примерно, как сейчас. Лёня подумал:

— А как же существовал древний Египет в течение трех или четырех тысяч лет, управляемый фараоном и жрецами? Там точно никакой обратной связи не было. И рыночной экономики не было. А рабовладельческий строй закончился совсем недавно. Получается, что абсолютизм очень устойчив, хотя держится на насилии?

С другой стороны, страх перед сталинским террором побуждал хозяйственников давать наверх в Госплан дутые показатели о достигнутых успехах, и это враньё ложилось в основу дальнейшего планирования. Это что ли философы называют человеческим фактором?.. Сейчас появились такие ЭВМ, что расчеты, которые целый год проводил Госплан, можно по специальным программам провести за неделю. Только врать не надо!

...И надо же такому случиться, что в группе появился аспирант из Вьетнама. Юхневичу было поручено в темпе выполнить исследование совместно с гостем и довести дело до публикации. Посреди комнаты уже года три, не меньше, пылился испытательный стенд для регистрации спектров паров и газов в вакуумной кювете. Ходили слухи, что этим должен был заниматься первый аспирант шефа Морозов. Хотя тот имел университетский диплом, руки у него росли явно не из того места. Он так и не смог задействовать стенд. Потом у него начались проблемы с психикой, и он ушел из аспирантуры. У шефа в связи с этой неудачей (ведь это был первый его аспирант!) возник некий комплекс, и теперь у него было трое: Рита, Лёня и Эдик, парень из Курского пединститута с кафедры физики.

Так вот, вернемся к стенду. Лёня понял, что настал его звездный час. Он засучил рукава и вместе с Юхневичем ра-

зобрал стеклянный стенд, потом они промыли ацетоном все шлифы и смазали заново свежей вакуумной смазкой. Потом Лёня слил масло из форвакуумного насоса и залил свежее из нераспечатанной канистры. Затем он разобрал диффузионный насос, промыл его детали, обработал их концентрированной соляной кислотой, высушил в термощкафу, вставил в насос и залил свежим диффузионным маслом. Юхневич явно не ожидал столь высокой квалификации Лёни. Ведь еще совсем недавно он инструктировал Риту и Лёню, как пользоваться прибором «UR-10», и после ряда вопросов и подробных ответов с последующими многочисленными «спасибо» иронично ответил: «На здоровье,— и после паузы,— Оседлали носорога, покаталися немного...», что вызвало деликатный смех обоих аспирантов.

И вот сейчас они запустили насосы, и получили вакуум ниже десять в минус четвертой Бар, достаточный для съемки спектров в вакуумной оптической кювете. Вьетнамский аспирант при этом играл роль публики, что повышало азарт Лёни. Но важно было другое. Ироничный и саркастичный Юхневич преисполнился искренним уважением к Лёне и после этого случая стал общаться с ним на равных.

Судя по всему, Лёня удачно вписался в группу шефа, даже стал пользоваться симпатией окружающих. Майя взялась его ознакомить с прибором комбинационного рассеяния света, оно еще называлось Рамановским рассеянием по имени индийского ученого Рамана, получившего за это Нобелевскую премию по физике. Итак, они вошли в комнату без окон, и Майя зажгла ртутную лампу в форме спирали, которая стала при этом вонять смесью озона и какой-то органики. Отечественный прибор был очень похож на уснувшего бегемота. Внутри, за его чугунной оболочкой, выкрашенной черной краской, сверкали зеркала и играла всеми цветами радуги дифракционная решетка. Это чудовище обещало нарисовать на крошечном самописце красными

чернилами спектр рассеяния нафталина. Лёня стоял перед бегемотом и соображал, зачем он ему нужен, как вдруг Майя прильнула к нему своим ладным, мускулистым телом. Он оторопел. В мозгу у него пронеслось, что её муж работает в университете, что у неё семилетний сын, что если он сейчас обнимет её, то начнется адюльтер, который может поставить крест на его научной карьере, ибо все и скоро обо всем узнают. Поэтому он выпрямился и с каменным лицом шагнул к генератору, питающему ртутную лампу, выключил его и зажег лампу дневного света под потолком.

Между начальником лаборатории Карякиным и шефом беспрерывно тлел конфликт. И всё из-за того, что шеф не стеснялся выносить своё мнение об умственном убожестве начальника. Если бы не благоволение академика Виноградова к шефу, начальник давно его сожрал бы с помощью парткома. Шеф принципиально не вел никакой общественной работы.

В этот раз происки Карякина достигли апогея, и директор вызвал их обоих на ковер, чтобы выслушать взаимные претензии. Что там плел Карякин, директор не слушал, а после реплики шефа, что начальник лаборатории профессионально непригоден для исполнения своих прямых обязанностей, ухмыльнулся и сказал, что публичный скандал он в своем институте не потерпит и добавил краткое «Уймись!!!» Карякину почти на ухо.

Как истинный холуй, Карякин тут же захлопнул свой поганый рот и выкатился из кабинета с лучезарной улыбкой, поскольку все-таки изрядно попортил кровь своему подчиненному. Можно ли сравнить Казбек и Воробьевы горы по высоте? Только последний идиот возьмется в таком случае серьезно измерять высоту Воробьевых гор. Такая же разница была между уровнями шефа и гражданина Карякина.

Иногда в голову может прийти элементарный вопрос, на который невозможно найти ответ — что заставляет известно-

го ученого, облеченного высокими полномочиями, держать при себе ничтожество, пусть даже с партбилетом? Ничтожество, которому доверено управлять довольно большой группой специалистов, но которое некомпетентно абсолютно?

Вот, при королях жили шуты. Карякин беззастенчиво играл роль шута при академике. Лёня присутствовал на ученом совете, когда шел отчет лаборатории Карякина и на вопрос из зала, где в полевых условиях проводились анализы, тот ответил, что они проводили анализы на суднЕ, после чего половина зала повалилась со стульев от смеха, а Виноградов с серьезнейшим лицом сказал в микрофон:

— Он просто путает понятия...

У Карякина четыре года назад появилась аспирантка Мурадова, которая долго возилась с инфракрасными спектрами и даже несколько раз появлялась в группе шефа. Что-то она где-то измеряла и теперь собиралась защищать материал в качестве целевой аспирантки, прибывшей из Бурятии для повышения общего научного уровня в автономной республике. Карякин очень боялся её публичной защиты, особенно если там появится Грибов.

Мурадова устроила свою жизнь, выйдя в Москве замуж за старшего лейтенанта КГБ, который был одним из охранников, проверяющих пропуски на лестничных площадках института. Теперь она науськала мужа переговорить с Грибовым и намекнуть, что тому не следует топить аспирантку Мурадову на защите.

Шеф потом со смехом рассказывал, как этот охранник пытался его убедить, что он в лице всемогущего ведомства может быть ему полезен. До угроз дело не дошло. Старлей на это не решился.

Тут как раз подошло время шефу ехать на конференцию в Мадрид с докладом. Согласно процедуре, утвержденной в КГБ, иностранный отдел АН СССР должен был дать благословение на поездку в виде заполненной анкеты

с перечислением всей родни и характеристики от парткома и профкома института. Вот тут-то и была заковыка. Секретарь парткома с подачи всей партийной сволочи потребовал написать в характеристике, что Лев Александрович общественной работы не ведет. Шеф пробился к академику и сказал, что его не пускают сделать доклад на международной конференции под надуманным предлогом.

— Вы ведь не мальчик, соображаете, в какой стране мы живем? — спросил Виноградов. — Наверняка вы где-нибудь читали популярные лекции или вели семинар на общественных началах, хотя бы в нашем институте.

— Несколько раз.

— Ну вот, это и есть ваша общественная работа.

После этих слов Виноградов соединился с секретарем парткома и рявкнул:

— Ты что за комедию устроил с характеристикой на Грибова? Какой характеристикой? Он лекции читает, семинары ведет! Чтоб прямо сейчас исправил всю свою дурь и подпisał. И профкому скажи! Человек едет представлять нашу науку за рубежом! Понял?

Крут был академик. На столе у него стоял телефон прямой связи с Хрущевым. Поэтому вся сволота из силовых и партийных ведомств мгновенно брала под козырек, услышав начальственный окрик.

— Кому и что привезти? — спросил шеф.

Все, разумеется, понимали, что ему обменяют перед выездом рублей двести на песеты, поэтому ничего серьезного заказать нельзя, да и неудобно. Лёня попросил привезти испанских марок. На него в очередной раз нахлынуло марочное безумие. Игорь Петров, который рекомендовал Лёню в аспирантуру, тоже, как выяснилось, страдал этой болезнью и даже жену заразил. Лёня был у них в гостях однажды, и жена Игоря на полном серьезе демонстрировала эти цветные квадратики, купленные в киосках «Созпечати».

Шеф возвратился через десять дней воодушевленный. Оказалось, что среди прибывших гостей был один из известных спектроскопистов, профессор Биглоу, и когда шеф рассказывал о расчетах интенсивностей полос поглощения, тот вдруг вскочил и начал жестикулировать. Оказалось, что он тоже идет в этом направлении.

Еще шеф рассказал, что во всех книжных магазинах и газетных киосках были выставлены портреты генерала Франко и Сталина. А связано это было с выходом в печать книги Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу».

Лёня получил свой подарок и вскоре разделил его с Игорем. У них были простые приятельские отношения. Шеф учился с Игорем на одном курсе и очень ценил его, как отменного рассказчика анекдотов. Игорь рассказывал Лёне про шефа, что еще в студентах тот выделялся своими способностями, что им предложили распределение в Институт кристаллографии в лабораторию Дистлера, но шеф после разговора с ним понял, что тот не дотягивает до его уровня и ушел к Виноградову...

Карякин воспринял поездку шефа в Испанию, как личное оскорбление. Его жгло желание отомстить, хотя он даже не мог сформулировать, за что. Однажды он зазвал в свой кабинет Лёню и стал распространяться, что руководить аспирантом его шеф совершенно не умеет. Вот, Морозова он довел до психбольницы.

— Он просто не понимает, что аспиранта надо учить, воспитывать. Он бросает его в воду и смотрит — выплывет или нет. Если утонул, то и черт с ним! Слушай, а переходи ко мне в аспирантуру. Я с директором этот вопрос улажу...

Лёня ужасно испугался. Испугался в секунду нажать врага, который может испортить ему всю дальнейшую жизнь. Сколько раз он за свои двадцать шесть лет видел, как избрательны подонки в разрушении личной жизни, репутации, чужой карьеры. Они, как правило, абсолютно бездар-

ны, но в проделывании всяких пакостей проявляют самые изощренные приемы...

Лёня лихорадочно искал ответ и нашел:

— Аркадий Васильевич, — плаксиво начал он, — ведь Лев меня просто уничтожит. Ради бога, ничего не предпринимайте. Пусть будет, что будет. Видно, такая моя судьба.

К его счастью, в комнату ворвалась одна дама из спектралки с претензиями к подругам, что-то они не поделили. Карякин отвлекся, и Лёня тихо ускользнул.

Семнадцатого мая шефу исполнилось тридцать три года. По этому случаю он решил пригласить всю свою группу в ресторан дома архитектора. Лёня сидел за длинным столом напротив Игоря, а рядом с шефом он увидел очень милостивую женщину, которая, по словам Игоря, была давней сердечной подругой Льва.

— Он её отбил у одного профессора. У Марины есть дочка, но отцом является профессор. Лев помог ей с защитой кандидатской, но старшего научного ей не дают, а деньги нужны. Сам знаешь, в академических институтах выбить эту ставку ужасно трудно.

Часто в обществе вокруг стола возникает немного тягостное молчание после тостов, особенно если желающих выпить нет. Лёня решил рискнуть. Он налил полрюмки «Цинандали» встал и произнес:

*Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле*

*Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,..*

— Боже, это ведь Александр Блок, мой самый любимый поэт! — раздался голос Марины.

У неё был чуть хрипловатый и завораживающе теплый женский голос, за которым так послушно и радостно идут мужчины. Шеф благодарно взглянул на Лёню.

— Вот какие у нас теперь аспиранты, — сказал он с легкой усмешкой, чтобы спрятать смущение от нахлынувшего чувства.

— А еще почитайте Блока,.. если помните, — попросила Марина.

*— Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине,..*

— начал он.

*— Донесем до железной дороги,
Свалим в кучу и к морю опять,..*

— продолжила Марина.

— Ну вот, вы ведь всё помните сами, — сказал Лёня. — Давайте выпьем за счастье каждого, кто сидит сейчас за этим столом.

— Никогда не мог подумать, что в нашей группе незаметно существует такой непревзойденный златоуст, — продолжил шеф. — Спасибо!

В один из дней шефу пришла в голову мысль, что пора ознакомить химиков-аналитиков с достижениями квантовой химии. На объявленный семинар по расширению «головы», как часто говорила Антипова-Каратаева, собралась

вся группа шефа и полтора десятка молодых сотрудниц из разных аналитических и геохимических лабораторий. Шеф начал с очень образного представления об электроде, который в виде волны заключен в некий объем с бесконечно высокими стенками. Публика заскучала уже на пятой минуте. При этом никто не спал, никто не переговаривался даже шепотом. Сидели и тарасились на доску, где громоздились уравнения волновых функций. После часового доклада, как и следовало ожидать, вопросов не последовало. Слушатели не спеша разошлись по лабораториям.

— Я вам советую, Лёня, практиковаться в чтении лекций, — сказал шеф, возвращаясь на третий этаж, — это очень поможет вам при публичных выступлениях на конференциях.

— Хорошо ему говорить при такой эрудиции и таланте, — подумал Лёня, — а у меня при выходе на сцену язык прилипает к гортани, и все мысли разбредаются из глупой башки. Катастрофически глупею.

После того, как шеф вернулся из Испании, он стал выездным. Вскоре он выехал докладом во Францию, потом в Португалию. Его аспиранты успешно шли к защите. Тот парень из Курского пединститута вообще всех обогнал. Он опубликовал в Журнале Аналитической химии подряд три статьи с теоретическими основами подхода к созданию новых эффективных реагентов для определения редких и рассеянных элементов. Статьи пестрели матричными уравнениями. Методы квантовой химии только входили в отечественную практику и вот, они уже демонстрировались на страницах журнала.

Лёня тоже почувствовал запах удачи на этом направлении. Программа расчета электронной структуры была примитивной. Надо было только составить матрицу с параметрами атомов и их связей с соседями. Шеф не препятствовал. Уже через месяц Лёня с одним химиком-синтетиком направили в академический журнал первую статью.

Потом, через много лет он вспоминал свой жеребячий восторг по поводу картинок с молекулами, где каждый атом имел положительный или отрицательный заряд, и усмехался. Практически — ноль информации. Всё уже было известно настоящим крепким химикам. Тогда была очень популярна книга профессора Темниковой «Теоретические основы органической химии». Вот это была книга!

Однако шеф придерживался другой точки зрения:

— Там, где химики ставили одну или две черточки, обозначая ординарную или двойную связь, мы даем возможность поставить число, а числа можно сравнивать, то же касается электронной плотности на атомах. Кроме того, мы можем сравнивать распределение электронной плотности в основном и возбужденном состоянии...

Если не можешь найти другое объяснение явлению или объекту исследования, то проще поверить человеку более компетентному, более умному. Лёня безоглядно верил шефу и представлялся в узком кругу, как ученик школы Грибова. Это производило впечатление.

В целом успех всей квантовой химии выразился в общем признании новых объяснений механизма четно-четных реакций, за что два автора американца получили Нобелевскую премию. Шеф использовал это общественное признание, как веский аргумент в пользу целесообразности проведения подобных расчетов в институте. Поскольку институт был академическим, то где же еще пробовать новые подходы в исследованиях!

Между тем, Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева (ТСХА) объявила конкурс на замещение вакантной должности заведующего кафедрой физики. Шеф подал на конкурс и выиграл его. С академиком он договорился и стал работать заведующим на половине ставки и реорганизовывать кафедру. Он быстро создал при кафедре научно исследовательский сектор (НИС), чтобы быть

в авангарде современных исследований. НИС должен был приютить защитившихся аспирантов и открыть доступ в аспирантуру молодым физикам из разных городов нашей огромной страны.

Это было стремительным восхождением и в материальном плане, и в признании его достижений в научной среде. Кроме того, как мы знаем, он стал выездным. Следующей его командировкой был Париж, где ему предложили выступить с пленарным часовым докладом.

К этому времени его аспирант из Курска сумел сделать за два года диссертацию и с блеском защитить. На ученом совете оппонентом была огромных размеров дама Мирра Дяткина, признанный авторитет в квантовой химии. Академик Алимарин, который был главой всей аналитической химии СССР, с огромным вниманием и уважением внимал её рассуждениям, сняв очки и не отрываясь. Такой защиты не помнили даже старожилы Ученого совета.

Для шефа это была первая ласточка. Предполагалось, что вторым должен идти Лёня. Все-таки он правильно сделал, поставив сразу на двух лошадок — на квантовые расчеты и на расчеты инфракрасных спектров. Хотя профессор Палей, председатель совета, удивился такой «бифуркации», по его собственному выражению, шеф разъяснил, что это всё та же молекулярная спектроскопия, в которой будущий ученый проявил достаточную квалификацию.

После защиты Лёня пришел на кафедру физики в НИС. Иногда он ехал домой вместе с шефом в маршрутном такси, далее на метро. Разговаривали о разном, только не о работе. В этом плане Лёня не представлял для шефа никакого интереса. Шеф однажды поделился с ним впечатлениями о Париже:

— Как ни красив Париж, но я видел там людей, ночующих под мостами или спящих на вентиляционных решетках метро. У нас, слава богу, этого нет.

Лёня подтвердил, что да, действительно такого у нас в Москве нет, но подумал, что шеф никогда в байдарочных походах не бывал и потому не знает, в каких кошмарных условиях живут некоторые люди буквально в двухстах километрах от Москвы.

Вскоре Лёня получил диплом кандидата наук и первую в жизни прибавку жалованья — целых семьдесят пять рублей. Шеф, узнав об этом, шутливо спросил на людях, куда он будет девать такую кучу денег, но Лёня ответил довольно грубо:

А куда вы, Лев Александрович, тратите свою кучу денег?

— Совершенно не представляю, куда они уходят, — совершенно искренне признался шеф.

На кафедре приходили всё новые люди. Там уже трудились пять новых аспирантов. Был среди них один парень из Кишинева. Физик из него был никакой, и шефу было скучно с ним возиться. Поэтому он предложил Лёне стать вторым руководителем и помочь вырастить новый национальный кадр для братской республики. Лёня с радостью согласился.

Шеф довольно часто выступал на отечественных конференциях по всей стране, и желающих учиться у него было много. От прежней кафедры физики остался лишь один старенький профессор, да один преподаватель без научной степени Феликс Добровольский. Эти два человека никак не вписывались в жизнь кафедры, не участвовали в застольях по случаю защиты или всесоюзного праздника.

Один заочный аспирант, Олег из Волгограда, защитился даже раньше Лёни и уже интенсивно работал над программами для новой для того времени ЭВМ «Минск-22». Это был очень хозяйственный парень. Доставал дефицитный кофе и готовил для шефа ароматный и очень крепкий напиток. Кроме того, у него всегда была свежая любительская колбаса и голландский сыр из Елисеевского магазина. О том, что шеф очень любит вареную колбасу, Лёня знал еще с аспирантуры. Он даже по случаю очередного праздника выпу-

стил стенгазету со стихом о кафедре, где самый главный — шеф. Стих был слизан у Маршака «Дом, который построил Джек...»:

*...А это сам Грибов — король Инфракрас
Тончайший ценитель вареных колбас...*

Шеф приходил после лекции и вальяжно устраивался на стуле боком к столу, где уже был нарезан знаменитый московский батон по 25 копеек. Олег всегда составлял ему компанию, потому что шеф не терпел холуйства. Часто приглашали и Лёню. Он быстро сдружился с Олегом, но предпочитал не мешать отдыху шефа перед текущими делами. Пространство, в котором обитал Олег, было отгорожено высокими шкафами, так что разговоры, которые вел шеф, были почти не слышны в огромном зале НИСа.

Однажды по пути домой шеф, опять пригласил его в маршрутку. Лёня посетовал, что аспирант из Кишинева плохо понимает смысл расчетов, приходится тратить время на объяснения, а подопечный при этом еще и начинает злиться...

— Да, с учениками из союзных республик возможны трения, потому что у них другая ментальность, — сказал шеф. — Кстати, знаете ли вы, что в военкоматах набирают для службы на подводных лодках исключительно великороссов. У них более устойчива психика.

Я этого даже предположить не мог! — удивился Лёня.

Честно говоря, он не вполне поверил шефу. Откуда тот мог знать такие тонкости нашей секретной жизни?

Количество со временем переходит в качество. Шеф довольно скоро накопил денег на первый взнос в кооперативный дом на проспекте Вернадского. Хотелось ли ему показать будущую квартиру Лёне, или просто он попросил его помочь донести три большие папки с напечатанными главами новой книги, сказать трудно. Однако, когда они вошли

в светлую трехкомнатную квартиру на втором этаже с хорошим паркетом и большим балконом, Лёня не удержался от вполне искренних похвал.

— Я хочу сюда пригласить Марину. Как вы думаете, ей здесь понравится?

— Не может не понравиться! — с воодушевлением ответил Лёня.

Однако мечтам шефа не было суждено сбыться. Как потом рассказывал с грустной улыбкой Игорь Петров, шеф переехал на новую квартиру с мамой, оставив на старой квартире старшего брата-скрипача. Брат-скрипач играл в оркестре Большого театра, но был алкоголиком. Шефу с ним было не по пути. А мама у шефа была махровой московской мещанкой, любительницей кошек, сплетен с соседями за чаем, который пила раз по шесть в день, женщиной с жестким выражением карих глаз и жесткими принципами жизни. Она искренне считала, что достойных его сына женщин в природе не существует, что все они проститутки и нахлебницы. Поэтому когда Марина появилась в новой квартире, мама сделала самое простое и эффективное, что обратило в бегство интеллигентную молодую женщину. Она не общалась с Мариной, не отвечала на «здравствуйте» или «доброе утро», не отвечала ни на один вопрос. Если бы шеф оформил свои отношения с Мариной, может быть, всё бы малопомалу устроилось. Но он этого не сделал. И вот, несостоявшаяся жена бежала с поля боя.

Лёне было жалко Марину. Тем более, что он пристроил её на должность старшего научного сотрудника (СНС) к знакомому завлабу в институт фармации. Помог шефу, так сказать. Шеф, правда, в долгу нет остался. Пробил в ученом совете для Лёни место СНС тоже. И стал Лёня получать целых двести пятьдесят рубликов в месяц. Для тридцатилетнего мужика и отца семейства не так уж плохо. Правда, пришлось явиться на ученый совет сельхоз-академии, где его стали допрашивать, какую он ведет общественную работу. А что

они могли у него еще спросить? Он в НИСе как-то позабыл, что такая работа обязательна для каждого советского человека. И тут ему в голову прилетела спасительная мысль:

— Я два года трудился на целине и награжден медалью за освоение целинных и залежных земель, — заявил он громко и с гордостью.

Вопрошающие были полностью удовлетворены, и ученый совет дал добро на СНС.

Единство и гармония сложившегося коллектива, любого коллектива, включая даже семью, не вечны. Такова диалектика жизни. Надо же было такому случиться, что на кафедру прислали партийную даму на ставку доцента, которая когда-то защитила диссертацию по применению ультразвука в животноводстве. Пожилая, рыхлая, с грязью под ногтями и неухоженным лицом.

Как в чашке Петри на желатине происходит размножение болезнетворных бактерий, так на кафедре эта особа стала формировать вокруг себя партийную ячейку. Не прошло и года, как кандидатами в члены КПСС стали две женщины — одна совсем молодая, Галя, соседка шефа по кооперативному дому, которую по непонятной причине все до единого звали Галиной Михайловной, и вторая — такая же рыхлая, пожилая, правда, без грязи под ногтями. Эти две неопрятных бабы неприятно контрастировали с остальным веселым и молодым составом кафедры.

Был еще в преподавательском составе неопределенного возраста еврей Феликс Михайлович Добровольский, который достался шефу по наследству. Этот вел семинарские занятия, ни во что не вмешивался, но явно кому-то стучал наверх. Из-а этих «сигналов» шефу то и дело приходилось принимать комиссии, которые инспектировали работу кафедры, но так и не смогли найти ничего предосудительного. В НИС они вообще не совались, наверное, потому, что Феликс никогда не переступал порога этого помещения. Лёня

неоднократно наблюдал, как Феликс разговаривал на первом этаже корпуса по телефону, потому что не хотел, чтобы его кто-то слышал из сотрудников кафедры. Его скрытность и одиночество вызвали неприятие всего коллектива, но совсем иной оттенок в отношениях к нему появился после рождения партийной ячейки. С подачи партийного секретаря началась тихая, но бесконечная травля Феликса. Заместитель шефа, доцент Дементьев, человек высокопрофессиональный, посетил несколько семинарских занятий Добровольского и вынес вердикт: семинары проходят на очень низком уровне, проверка усвоения материала практически отсутствует, студенты не в состоянии ответить на самые простые вопросы, которые он, Дементьев им задавал.

Шеф поставил вопрос о соответствии Феликса занимаемой должности. Феликс пошел в дирекцию, начал писать кляузы. Опять на кафедре появились комиссии, стали опрашивать сотрудников за закрытыми дверями.

— Неужели вы не видите Лев Александрович, что под вашей крышей расцветает антисемитская кампания, вдохновляемая нашей партайгеноссе? — спросил Лёня, когда они вечером ехали домой. — И вообще, создается впечатление, что ячейка набирает силу. Скоро вместо работы мы все будем непрерывно нести общественные нагрузки.

— Лёня, вы ведь знаете, что я не антисемит. Феликс действительно профессионально непригоден. Тут он пришел ко мне в кабинет и стал доказывать, что я должен учиться у него педагогическому мастерству, потому что, видите ли, он старше меня (на шесть лет).

Что касается партийных, то лучше держать своих, чем каждый раз принимать комиссии, которые обеспокоены только одним — уровнем идеологической работы. Когда-то Гитлер из-за идеологических предрассудков не использовал шанс создать первым атомную бомбу... Так что из двух зол я выбрал наименьшее.

Послушайте-ка лучше анекдот из первых рук. Сижу я позавчера на ученом совете, и ко мне подсаживается один профессор-животновод. Слово за слово, разговорились, и он мне поведал, как в недавние времена его вызвал к себе Хрущев и так воодушевленно стал втолковывать, что вместо картофелеуборочных комбайнов лучше выпускать на поле стадо свиней. Свиньи по природе своей роют пяточком землю и, стало быть, весь выращенный картофель можно после стада собрать в мешки. Профессор попытался возражать, что, мол, свинья всё же просто животное, сколько она нарочет картофеля, предугадать невозможно.

Хрущев долго на него смотрел молча. Потом сказал:

— А я думал, что ты умный человек... Ладно, иди с глаз моих долой. Профессор!

Лёня ехал домой, раздумывая, что дело не в конкретном Феликсе, какой бы он ни был преподаватель, а в том, что кафедра участвует в неприглядной массовой травле, и каждый, кто молча соглашается с этой травлей, теряет себя, как личность.

Между тем активность партийной ячейки нарастала. Всё чаще неопрятная «партайгеноссе» появлялась в зале, где работал НИС и агитировала больше внимания уделять общественной работе. Тут как раз пришел срок очередных выборов в Верховный Совет СССР. Сотрудникам НИС было поручено после работы пройтись по квартирам в нескольких десятках домов и уточнить списки жильцов, которые в воскресенье придут на избирательный участок.

Лёня истощил весь запас злобы в разговорах с коллегами, потом пошел к шефу и сказал, что хочет взять отпуск на время избирательной кампании, потому что работать в таких условиях невозможно. И вообще, от партийных поручений у него страдает нервная система. Шеф посмотрел на Лёню, как на неразумного ребенка и сказал, что для того,

чтобы спокойно работать, надо соблюдать правила игры. Идти на скандал с парткомом глупо.

Однако Лёня не внял советам шефа и когда партийная дама вновь появилась в зале НИСа и положила на стол Лёни списки жильцов, он вскипел и сказал ей, чтобы она сама прошлась по домам со своими товарищами по партии и чтобы она никогда больше к нему с глупостями не подходила.

— Что вы за тон себе позволяете, Лёня? — удивленно отреагировала дама. — Вся страна готовится к выборам, а вы желаете остаться в стороне от этого важнейшего события?

— Я прихожу на кафедру работать, чтобы оправдать свою зарплату, и стараюсь принести пользу кафедре физики, а если меня лишат такой возможности, я уйду с работы. Ваша активность мне глубоко противна.

— Ну что ж, — даже с некоторой радостью произнесла нараспев партийная дама, — придется нам с вами встретиться в другой обстановке. Вы пожалеете о своей выходке.

Ждать пришлось недолго. Уже на следующий день было объявлено о внеочередном собрании коллектива кафедры физики. Шеф молча сидел слева от вынесенного в зал НИСа канцелярского стола. Справа от него бесформенной кучей возвышалась партийная дама.

— Сегодня мы собрались, чтобы обсудить антиобщественное поведение Леонида Белых и дать ему оценку. Его антисоветские высказывания и демонстративное пренебрежение к общественным мероприятиям всем известны. Даже такой факт, как отказ приобрести билеты ДОСААФ, красноречиво говорит сам за себя. Может ли такой человек работать в высшем учебном заведении? Какой пример он показывает учащейся молодежи?.. Кто хочет выступить с предложениями?

Поднялась хозлаборантка, женщина сорока пяти лет:

— Я хочу сказать, что давно наблюдаю Леонида и замечаю, что он резко и недружелюбно относится к младшему

персоналу кафедры. А когда праздновали столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, он рассказал про него неприличный анекдот...

— Какой еще анекдот? — не удержался Лёня.

— А про часы с кукушкой, помните? — Ленин выезжает на машине из ворот Спасской башни и делает Ку-ку.

— Вы видите, товарищи, — для Леонида Белых нет ничего святого! — воскликнула Партайгеноссе и выбросила руку вперед, как на статуях Ленина.

Поднялся доцент Дементьев:

— Я скажу, что Леонид Белых человек талантливый и работоспособный. Однако мы должны ценить возможности, которые нам предоставляет наше государство, и укреплять единство коллектива кафедры. Поэтому я призываю его принять во внимание мнение коллектива. Если же он не может согласиться с общественным мнением, он должен принять решение о новом месте работы.

Тут не выдержала молодая женщина Оля Зубкова, недавно принятая шефом в состав НИС:

— Опомнитесь! Что здесь происходит? — закричала она. — Это что, снова тридцать седьмой год?

Однако никто ей не ответил. Она выкрикнула еще несколько бессвязных слов и, заплакав, вернулась на место.

Олег вышел на середину зала и сказал, что такого рода судилища не улучшают рабочую атмосферу и что надо такого рода конфликты решать privately в присутствии шефа. После этих слов шеф поднялся и объявил выговор Лёне за антиобщественное поведение.

Лёне надлежало встать и покаяться, но у него от волнения язык прилип к гортани, а мозг заставил его произнести странную речь, которую поняли, наверное, только Оля и шеф:

Я вам скажу краткую притчу, — начал он. — Один человек убил другого. Его поймали и привели к королю. Ему полагалась смертная казнь, и король предложил ему выбрать:

либо быть повешенным, либо попасть за черную, страшную дверь. Преступник выбрал виселицу. Когда на шею ему накинули петлю, он вдруг спросил:

— А что там, за той дверью?

Король ответил:

— Вот, какая забавная штука: Я всем смертникам предлагаю этот выбор — и все выбирают виселицу.

— А за дверью-то что? — настаивал убийца. — Я ведь никому не смогу рассказать, — и указал на петлю.

Помолчав, король сказал:

— Там свобода. Но люди так боятся неизвестности, что предпочитают ей верёвку.

— Вот и я. Предпочитаю веревку, потому что у меня семья, которую надо кормить. — После этих слов Лёня, не глядя по сторонам, направился к двери и поехал домой. Работать он в тот день уже не мог.

Первые две недели после собрания Лёня находился в тяжелой депрессии, но старался скрывать её от семьи. Он приходил на работу, ни с кем не общался, не отвечал на вопросы, только здравствуйте-до-свиданья. Потом комок за грудиной стал рассасываться. Надо было продолжать жить. Надо было без спешки подыскивать приличную работу. Шеф когда-то говорил:

— Чем выше ваша квалификация и, соответственно, зарплата, тем меньше мест, которые вы можете занимать.

Лёня вспомнил, как он искал место, когда еще работал у Дистлера. Ему надоело получать сто пять рублей и экономить на всем. Однако никто не хотел брать человека «с улицы». Так он дошел до какого-то закрытого заведения и там к нему спустился некий тип с неприятным лицом и договорились, что он поговорит с начальством о месте старшего инженера с окладом сто сорок рублей. На меньший Лёня не соглашался. Прошел месяц. Лёня позвонил и спросил о вакансии. Тот тип сказал, что они не могут его принять.

— А на меньшую зарплату? — спросил Лёня.

— Вы же сами назвали минимальной — сто сорок рублей! — с насмешкой ответили ему.

Спустя три месяца шеф уехал в Саратов и вернулся с невестой, дочерью ректора Саратовского университета. Равный брак. Не тот мезальянс, который намечался с Мариной. Накануне ближайшего Первомая кафедра собралась для совместного поедания винегрета с селедкой, домашней выпечки и гастрономии. На столе, как всегда, стояло грузинское сухое вино, водка подносилась желающим из-под стола на случай непредвиденного визита администрации. Во главе стола сидели «молодые» — шеф с будущей женой Ниной. Шефу тогда же, в мае должно было исполниться тридцать восемь, а Нина была старше его на два года. Самое время вступать в брак. Нина не могла скрыть своего ликования. Действительно — «деревня, глушь, Саратов» и вот она в Москве, уже почти жена выдающегося ученого! Лицо Нины, типичное лицо южной славянки со смоляными густыми бровями, черными глазами, ярким румянцем и мелкими чертами лица, непрерывно улыбалось. Сотрудники кафедры поочередно представлялись ей, как императрице. Шеф потихоньку на ухо комментировал ей присутствующих.

Как потом рассказывал Игорь Петров, маманя шефа повела себя так же, как с Мариной. Однако её будущая невестка оказалась куда крепче характером. Каждое утро Нина встречалась на кухне со свекровью и радостно приветствовала её. Та не отвечала. Так продолжалось два месяца. И тут вдруг старуха слегла с тяжелым гриппом. Нина окружила её любовью и заботой и лёд тронулся. Вскоре между женщинами наладились нормальные отношения.

Шеф понял, что сделал правильный выбор. Они быстро оформили брак и решили отметить это событие у себя дома, пригласив сотрудников кафедры по случаю дня рождения.

Партийные суки тоже пришли. Лёня довольно быстро захмелел и подсел к самой молодой из них, Галине Михайловне. Его распирала злость, что шеф пригласил эту никчемную троицу в гости. Не зная, о чем говорить с этой серой мышью, он стал ей поверять, как он любит шефа и как ему повезло в жизни, что встретил такого великого ученого.

— Вы, Лёня, в последнее время стали гораздо приятней в общении, а раньше были ужасно колючим, — сказала мышь. — Вот, вы идеализируете вашего шефа, а я вам могу рассказать, сколько раз он стоял перед моей дверью ночью и умолял его впустить. Вы, наверное, не знаете, что я живу здесь на шестом этаже. А я его не впускала, потому что он не в моем вкусе. Так что он самый обыкновенный мужик, который так был занят наукой, что не обзавелся вовремя бабой. Вот так!

— Если бы вы знали, Галина Михайловна, с каким бы удовольствием я сейчас свернул бы вам шею! — улыбаясь, прошипел Лёня.

Он с удивлением заметил, что столь сильное чувство очень ей польстило. Она улыбнулась и ничего ему не ответила.

Между тем, Олег заметил висящую на стене гитару, попросил разрешения снять её и довольно лихо начал наигрывать «Цыганочку». Нина схватила в правую руку лежавший на серванте расписанный цветами бубен, глаза её зажглись азартом, и она пошла-пошла, постукивая в него левой ладонью. Лёня смотрел, как зачарованный, вспоминая, как танцевала Наташа Ростова. Нина была потрясающе красива в этот момент. Шеф, кажется, тоже был восхищен и растроган и после окончания танца прилюдно её поцеловал.

— Я и не подозревал, что ты играешь на гитаре, — сказал Лёня, когда они возвращались на метро по домам.

— Я и не играю. Когда был студентом, научился в общепитии этому незатейливому треньканью, понятия не имею о нотах.

На кафедре появилась новая аспирантка из Казани. Звали Ирой. Высокая и стройная, с аристократическим восточным лицом, необыкновенная красавица. Очень спокойная и молчаливая. Лёня не вмешивался в её работу. Шеф любил молодых и красивых девушек, в основном из эстетических соображений, потому что три партийных суки были внешне просто неприятны. К моменту появления новенькой в НИСе уже трудилось человек пятнадцать. Шеф поручил Лёне курировать одну смышленную бабенку Светлану из академического института, с которой у него быстро наладились крепкие дружеские отношения. Теперь они часто возвращались вместе с работы и болтали обо всем на свете.

Известность шефа в научном мире всё росла. Его сотрудников уже все стали величать «школой Грибова». Дементьев поехал с шефом в Питер на всесоюзную конференцию, где тот рассказывал о программах построения теоретических спектров поглощения полимеров.

— Когда шеф показал коллегам слайд теоретически предсказанного и реального спектра полистирола, по залу прокатился вздох восхищения, — с гордостью сказал Дементьев. Его гордость была вполне объяснима. Ведь это он со своей небольшой группой сотворил показанный городу и миру результат двухгодичных усилий.

Как всегда, шеф поставил свою фамилию на последнем месте. Спустя много лет, Лёня так же скромно выделял себя из группы «соавторов» работ, которые он создавал в одиночестве или на пару со своим начальником. Соавторами, естественно, были заместитель директора по науке и директор института.

Когда исследуешь электронную структуру многоатомных молекул, события политической жизни отодвигаются и кажутся микроскопическими. Зачем читать газеты, которые никогда не говорят правду? Зачем слушать последние известия по радио? Как говорил Станислав Лец — «Окно в мир можно закрыть газетой». Лёня заметил, что чем меньше ин-

тересуешься сегодняшними событиями, тем лучше настроение и работоспособность. Они со Светой додумались до одной интересной идеи о свойствах катализатора, применяемого в синтезе бутил-каучука, и академик, прямой начальник Светы, рекомендовал публикацию в Доклады Академии Наук СССР.

Вообще 1972 год был для Лёни очень продуктивным. А тут еще Казанский университет устроил Всесоюзную конференцию. НИС кафедры физики в том году заработал очень хорошие деньги по договорам, что позволило оплатить командировку восьми сотрудников в Казань. Партайгеноссе тоже поехала. Ну как же без неё!

Актальный зал Казанского университета был полон. На сцене сидели музыканты, которые начали играть боже-ственный «Ноктюрн» из второго квартета Бородина. Дементьев шепнул Лёне, что Бородин был химиком, и Лёня досадовал на подсказку. Дементьев тоже был талантливым, закончил дирижерско-хоровое училище, играл на нескольких инструментах, но выбрал физику. Лёня мог бы стать скрипачом или просто пикировать на скрипке, но родители тогда страшно нуждались, а школа была платная, так он и остался обычным любителем музыки. Шеф обожал Чайковского, сам мог пропеть очень сильным баритоном фразу-другую, но свой дар демонстрировал крайне редко.

Однажды после очередного байдарочного похода Лёня, пообщавшись с филологом Дорошевичем, сказал шефу, что Чайковский не очень сильный композитор. То ли дело Малер! Шеф почему-то страшно разозлился и сказал, чтобы эту чушь Лёня никогда ему не повторял. Как у большинства русских интеллигентов, у шефа было два кумира — Чайковский и Пушкин.

— Вы знаете, когда я был в квартире Пушкина на Мойке, — начал шеф, когда они ехали к метро, — я был поражен его библиотекой на нескольких языках, там было около четырех тысяч томов! Он действительно был умнейшим чело-

веком России, как это отметил император Николай Первый. Еще Пушкин оставил нам потрясающие результаты своих исследований человеческого характера. Ему, в частности, принадлежит максима, что гений и злодейство есть вещи несовместные...

Лёня подумал, что это вряд ли верно, но возражать шефу не осмелился.

Родители Иры, которые жили в центре Казани, посчитали своим долгом пригласить шефа и всю приехавшую с ним компанию на ужин. Удивительно, но все согласились. Шеф хорошо управлял собранием, шутил, рассказывал всякие истории. Родители Иры внимали ему со счастливыми, просветленными лицами. Радовались за дочку.

Лёня потом мучился совестью, как это он пошел в гости к незнакомым людям, чтобы выпить и закусить на халяву. Более того, после пяти рюмок водки, он пригласил партийную даму танцевать, и она пошла. Возвращаясь с вечеринки и уже протрезвев, он ненавидел и презирал себя, свое приспособленчество и отсутствие принципов.

Все-таки шеф к нему очень хорошо относился. Они никогда не возвращались к тому досадному собранию кафедры, где шеф, строго говоря, уронил свое человеческое достоинство, вынося выговор Лёне.

— Вот так же поступали наши ребята, протестуя против ввода войск в Чехословакию, — думал Лёня. — А они приносили горе своим семьям, ломали своё будущее, может быть, даже наносили ущерб репутации своих друзей... Гнусная власть превращает общество в стадо скотов. Нет, шеф неправ, нельзя говорить о соблюдении правил в бесчестной игре... Но где же выход?

Олег был фанатом классической музыки, покупал 4–5 абонементов в консерваторию ежегодно. Хороший пример тоже бывает заразителен. Лёня купил летом несколько и во-

влек шефа. Тот был очень доволен. Теперь они несколько раз в течение зимы встречались «семьями». Нина увидела у жены Лёни брошь из Китая, зеленая бирюза в серебре, и спросила, где можно купить. Через пару недель родственник привез из Польши несколько образцов, и Нина с радостью почти все купила. А что ж — раз деньги есть, можно позволить. Шеф тогда зарабатывал семь с половиной сотен, в месяц, не считая гонорары за книги и за руководство десятью аспирантами.

От неё же Лёня узнал, что она заказывает большие продуктовые заказы в «ГУМе» раз в неделю, причем с доставкой на дом. Особенно хороша была свежая баранина, да и другие продукты были существенно лучше, чем в обычных магазинах. Ну, просто настоящие буржуа!

Да, Нина к нему явно благоволила. С удовольствием рассказывала, как они встречаются с другими заведующими кафедрами. Лёня узнал еще, что шеф был коротко знаком с Никитой Толстым и Сергеем Капицей, ведущим телепередачи «Очевидное-Невероятное». В этот «высший» круг общения не приглашался даже университетский приятель Игорь. Как говорят химики — подобное растворяется в подобном. Подумайте сами — на какую тему мог общаться Игорь с Сергеем Капицей?!

Для расширения известности шеф решил основать на базе кафедры физики Московский семинар по спектроскопии, выбрав для этого время студенческих зимних каникул. Вся кафедра была приведена в состояние полной боевой готовности. И вот, известные своими работами доктора-профессора и кандидаты-доценты стали прибывать в огромный лекционный зал. Шеф попросил Лёню довести на такси профессора Ахматова. Пока они сидели в машине, Ахматов спросил, где Лёня работал до поступления в аспирантуру.

— Я работал в институте кристаллографии у Дистлера — немного стесняюсь, ответил Лёня. — Может быть, вы читали его работы о доменах в кристаллах кремния?

— О, это потрясающие работы! — воскликнул Ахматов.

Лёня почувствовал себя неловко. Он был обескуражен, потому что искренне считал, что разглядывание протравленной поверхности кристаллов кремния в электронном микроскопе и фотографирование есть пустая трата времени, поскольку Дистлер безуспешно пытался в течение долгих лет подвести под эти картинки теорию «дальнодействия». Лёня посмеивался над этой «теорией», считал её профанацией.

В перерыве между заседаниями гости семинара собрались в большой аудитории, где им был предложен чай с бутербродами, а потом их водили и по другим аудиториям, показывали физический практикум, зал НИСа... Один из столичных профессоров сказал, что здесь роскошные условия для преподавания и научной работы, и он понимает шефа, который нашел это прекрасное место под крышей сельскохозяйственной академии.

Тем временем кафедра помогала проверять текст огромной книги по молекулярной спектроскопии, которую шеф написал с согласия академика Ельяшевича быть его соавтором. Шефу было что добавить. Наука не стоит на месте. Лёне тоже досталось проверять около ста страниц. Особенно внимательно надо было следить за греческими и латинскими обозначениями физических величин. До современных компьютеров еще было лет двадцать пять, если не более. Статьи в журнал посылались в бумажном виде по почте с актом экспертизы и визой заместителя директора по науке. В акте указывалось, что ничего нового в данной работе нет, особенно сведений, которые могут быть использованы в военных целях. Но вот, проверка была закончена, и шеф на заседании кафедры вынес всем помогавшим благодарность и пообещал, что всем желающим подарит по экземпляру с дарственной надписью.

Так же, как два года назад, они вновь вместе ехали в маршрутке к станции «Динамо». Шеф начал говорить о за-

кономерностях войн, о том, что Толстой в «Войне и мире» показал, что народная война всегда победоносна.

Лёня спросил:

— Если мы победили Гитлера, то зачем мы послали танки в Венгрию в 1956 и в Чехословакию в 1968? И там, кстати, народ не одержал победу, а покорились нашей силе.

Шеф усмехнулся:

— Это были не войны, а ограниченные военные операции для стабилизации политической обстановки в дружественных странах... А знаете ли, в чем состоит главный урок истории? И не дожидаясь ответа, добавил — что она никому не служит уроком!

Друг шефа жил в том же жилом комплексе, что и Светлана. Пару раз шеф приезжал к нему покататься на лыжах — удобно, рядом с домом находился лесок, там и сям располагались невысокие пригорки. После прогулки друзья шли к столу, где уже стояла острая закуска и холодная водочка. Светлану они приглашали поехать с ними покататься, но она предпочла остаться с Ниной, поболтать о разном женском и приготовить стол для мужиков.

— Налей-ка мне стопочку для согрева — сказал шеф Светлане, обращаясь на «ты», и хлопнул водку без закуски. — Ох! Хорошо пошла! Ну, что у вас с Белых? Двигается работа?

— Всё идет отлично, Лев Александрович. Вот, уже третью статью направили в Доклады Академии Наук. Знаете, я очень ценю вашего Лёню Белых. Он такой креативный...

Шеф поморщился:

— Я тоже ценю его, как сотрудника, но он часто зашкаливает, плохо управляем. Ведет себя иногда весьма странно... непризнанный гений.

Многие женщины не могут держать информацию при себе. Как о таких говорят в народе, вода в них не задерживается. Уже в следующий приезд Светланы на кафедру Лёня

узнал про себя, что он непризнанный гений. Он расстроился и в первый раз серьезно задумался о том, что пора ему выбирать на собственную дорогу. Сколько можно сидеть под крылышком шефа!

К счастью, к ним на стажировку пришла одна молодая женщина из богатого П/Я. Шеф поручил Лёне курировать её обучение. Делать она ничего не умела и, кажется, не хотела. Каждые двадцать минут она срывалась в коридор покурить. Однако у неё был дар общения, и они быстро подружились. Света ужасно её ревновала к Лёне и всячески пыталась доказать, что её соперница — круглая дура, и на неё жалко тратить время. Однако Лёня выяснил довольно быстро, что с помощью стажерки он может уйти с повышением в этот П/Я, потому что у неё были отличные отношения с начальником отделения, к которому благоволил сам Генеральный директор. Узнав об «интригах» дуры-соперницы, Света поговорила с академиком и заручилась его поддержкой, чтобы взять Лёню на должность старшего научного сотрудника. Это была высокая честь для человека со стороны. Но сейчас Лёня уже захотел денег. Ему светило перейти на должность заведующего сектором с увеличением оклада в полтора раза.

Вскоре состоялось знакомство с начальником, который сразу предложил Лёне перейти на должность старшего научного, но Лёня с презрением ответил, что его приглашают на такую же должность в академический институт, так что либо деньги, либо до свидания. Начальник взглянул на соискателя с уважением и пообещал выбить ставку начальника сектора.

Лёня расставался с шефом не без грусти. Он пообещал довести дела с защитой двух аспиранток до конца, при этом понималось, что он будет числиться со-руководителем диссертации. Шеф не возражал. К тому времени штат НИСа разросся, и освобождение ставки старшего научного давало возможность взять крепкого физика на место Лёни.

Его переходу в П/Я способствовало еще и ощущение, что все эти расчеты не дают истинного прогресса в понимании природы взаимодействий молекул. Ну да, фенол является в отличие от этилового спирта слабой кислотой. Так влияет ароматическое ядро фенола. И что? Это химики-органики знали давным-давно. Все эти заселенности молекулярных орбит электронами ничего не позволяли предвидеть. Получалось, что расчеты давали возможность украсить диссертацию некими цифрами. Это ведь, как в задачнике — если знаешь ответ заранее, ценность решения падает. Его задача в диссертации была проще. Он искал с помощью теории возмущений возможность изменить положение полос поглощения в спектрах красителей.

Да и сама инфракрасная спектроскопия в плане анализа была недостаточно чувствительна. Требовалось не менее одного миллиграмма вещества для получения спектра. В это время за границей уже появились уникальные приборы, соединявшие в себе способности разделять сложные смеси веществ на отдельные компоненты и идентифицировать их с помощью очень чувствительной масс-спектроскопии.

Обстановка на кафедре тоже вызывала тошноту. В стране участились отъезды евреев в Израиль. Тупоголовому политбюро партийные холуи предложили брать с отъезжающих деньги (в рублях, разумеется) — десять тысяч за диплом о высшем образовании и пятнадцать тысяч за диплом кандидата наук. Партайгеноссе с жирной самодовольной улыбкой на плохо промытом лице рассказала об этом на заседании кафедры. Шеф, естественно, промолчал, а остальные испытывали брезгливость к партийным дамам и их собраниям.

Через два месяца Лёня сообщил шефу о своем переходе в П/Я и тот не выразил ни удивления, ни озабоченности, сказал несколько слов в плане сотрудничества и пожелал успехов на новом месте.

У нового начальника сектора не было места, где прийтись. Поэтому его непосредственный начальник распорядился отрезать кусок коридора, благо коридор заканчивался большим окном, поставить фанерную перегородку и врезать в неё дверь с английским замком. Потом пара хмельных работяг приперла три письменных стола и три стула. На один уселся Лёня, на другой молодая женщина с длинными ногтями, покрашенными в цвет утренней зари. Впоследствии оказалось, что она дочка одной дамы из Дома Ученых. Вскоре Лёня выяснил, что изрядную часть младшего «научного» персонала в отделе составляли девушки и юноши влиятельных знакомых начальства. У этого сброда не было никакой тяги к работе. Они томились от безделья и самым радостным событием для них было выскочить за проходную и повезти письмо в другой П/Я или в министерство.

Первой задачей Лёни было закрытие темы по определению воды в трансформаторном масле. Поскольку в его секторе не было ничего, кроме трех столов и трех стульев, а тема уже горела синим пламенем, Лёня предложил начальнику план, по которому он проведет эксперименты на стороне и напишет отчет за пару недель. Начальник согласился, и Лёня, оставив свою подчиненную в одиночестве, положил в карман три пробирки с трансформаторным маслом и поехал в лабораторию к знакомому, у которого было всё для исследования.

Время шло, денежки капали, постепенно в сектор набирались людишки, из которых двое пацанов оказались толковыми. Лёня время от времени получал приглашения от шефа принять участие в той или иной конференции. Начальник не препятствовал. Так прошло лет десять. Потом Лёня получил повышение, стал начальником лаборатории. Но не за особые заслуги, а просто генеральный директор упразднил в своей вотчине сектора.

Однажды Лёня получил от шефа приглашение на большое научное собрание на базе ТСХА. Туда съехалось много научного народа. Доклады проходили в огромном зале главного корпуса академии.

В тот ненастный день у Лёни было паршивое настроение после утренней ссоры с женой. Он сидел в третьем ряду амфитеатра и переговаривался с одной дамой, слушая вполуха научную ахинею, которую нёс один из молодых любимцев шефа, Миша Рейнхардт. Речь шла о комплексах йода с полимерами. Когда-то Лёня делал поляризаторы для инфракрасной области в лаборатории Дистлера и читал ряд работ о строении комплексов йода с поливиниловым спиртом. Глядя на демонстрируемые результаты расчетов, он испытывал раздражение: вот уже прошло пятнадцать лет, не менее, с начала «нового» перспективного подхода к исследованию структуры сложных молекул. И ничего по-настоящему нового не открыто. Просто очередному заказчику хотелось украсить свою диссертацию картинками с распределением электронов в комплексе полимера с йодом.

Когда началось обсуждение результатов представленных работ, Лёня поднял руку и спустился к микрофону.

— Под руководством Льва Александровича на кафедре физики разработан комплекс уникальных программ, позволяющих решить многие вопросы строения и свойств многоатомных молекул, — начал он.

— Ну, это вы, Лёня, поторопились с дифирамбами, — улыбнулся шеф, стоящий на трибуне.

— Но тем выше ответственность химиков-спектроскопистов при использовании этих программ, — продолжил Лёня. — Так, в доложенной работе о строении комплексов полимеров с йодом совершенно не использованы сведения о строении подобных комплексов «с переносом заряда». А ведь известно, что так называемые «синие» комплексы содержат до двадцати атомов йода в линейной цепочке.

Подобные комплексы имеют название «соединений включения», когда молекула-хозяин образует полость, в которую проникает молекула-гость, в данном случае двадцати атомная молекула йода.

Высказав свой вердикт, Лёня почувствовал облегчение и только потом, через пару недель к нему пришло сожаление, что он так бестактно в присутствии съехавшихся на конференцию гостей выстегал сотрудников шефа. А ведь шеф нес ответственность за представленные его коллективом работы.

От Светланы он узнал, что шеф после конференции погнал авторов доклада в библиотеку расширять свой кругозор.

Лёня понимал, что он незаслуженно обидел шефа. Он должен был высказать свое мнение в кабинете шефа без присутствующих. Вспоминая своё выступление, он всё больше ощущал стыд и ругал себя последним дураком и свиньей. Он вспоминал, как год назад он поехал в Звенигород на Всесоюзную школу по аналитической химии и там встретил шефа с Ниной и её дочерью. Шеф делал там обзорный доклад по применению молекулярной спектроскопии. Заодно лекторы и «школьники» получали возможность отдохнуть две недели в чудесном пансионате. Лёня вспомнил, как он обучал шефа с его семьей методике расслабления, которой его самого обучали в клинике неврозов. Так хорошо проводили время... Удивительно, как быстро люди прощают себе разные проступки... Но почему он, хотя бы спустя пару месяцев не пришел к шефу и не покался за свою бестактность?

Прошло еще немало лет. Лёня исхитрился накопать некий текст, объединяющий его публикации и не нашел ничего лучшего, как обратиться к шефу с просьбой доложить на предмет возможной защиты докторской. Шеф не отказал. Назначили день и час доклада. Лёня надел выходной

костюм, взял подмышку ватманские листы с графиками и пошел в Институт. Пропуск ему заказали, и он вскоре вошел в знакомую комнату, где сидела та же программистка, с которой он начинал свою аспирантуру. Она подсказала ему, где взять ключи от актового зала. Он вошел в темный зал и долго искал выключатель. Нашел. Потом он стал развешивать свои плакаты и изрядно испачкал свой костюм о пыльную мебель. Закончив неприятную работу, он сел и стал ждать публику. Шеф со своей группой опоздал на полчаса. Наконец, набралось человек двадцать из разных лабораторий. Надо было начинать доклад. Шеф сидел в первом ряду рядом со своим любимцем Борей, знатоком квантовой теории, и о чем-то непрерывно говорил, изредка поглядывая на Лёню. Доклад прошел вяло. Прозвучало несколько несерьезных вопросов. Вдруг шеф сказал:

— Ваше уравнение потенциальной энергии на седьмом листе неверно.

Лёня смешался. Он не выводил это уравнение, а списал его из одной американской статьи. Он слишком мало разбирался в квантовой теории, чтобы в ответ спросить у шефа — А что именно в этой формуле неверно?

Потом поднялся один доктор химических наук и минут пять объяснял, что представленные результаты недостаточны, чтобы их можно было считать заявкой на защиту докторской диссертации. После этого немногочисленная публика медленно покинула зал. Лёня свернул листы в рулон, выключил свет и пошел сдавать ключи от зала.

Шеф сидел один в большой нише, где стояло три мягких кресла. Лёня хотел пройти мимо, сказав ему «До свидания», но шеф пригласил его присесть напротив. Лёня сел, а шеф стал его убеждать не отчаиваться, поработать еще и довести материал до нужной кондиции.

— Знаете, Лев Александрович, мне уже пятьдесят лет, — сказал Лёня. — У меня нет никакого желания возвращаться к накопленному материалу и шлифовать его. Кстати, фор-

мула известного специалиста Клопмана, скорее всего, верна, и я её использовал, а не вывел сам. У меня есть ссылка на авторитетный американский химический журнал... Я хочу вас поблагодарить за всё, что вы для меня сделали и пожелать вам крепкого здоровья на многие годы.

Лёня поднялся, пожал руку шефу и поехал домой.

Прошло еще два года. Страна простилась с властью КПСС, хотя коммуняки еще составляли значительную часть политической элиты и намеревались осуществить реванш. Вдруг стало жить очень интересно. Любая литература стала доступна. Хотя этого нельзя было сказать о продуктах. Но наших, бывших советских, голыми руками не возьмешь. Лёня подсуетился заранее и забил все шкафы продуктами длительного хранения. Теперь он отправлялся в свой П/Я с пакетиком сухого овощного супа с макаронными изделиями. У него появился смысл жизни. Один замечательный человек, бывший фронтовик Борис Ефимович Зайцев, который заведовал кафедрой общей химии в Университете имени Патриса Лумумбы, помог Лёне выйти на докторский совет в институте имени Менделеева. Там Лёня и выступил с докладом, который многим понравился. Путь к защите докторской диссертации был открыт. Лёня прошел весь путь и получил заветный диплом. Не исключено, что шефу об этом доложили, но он никак не отреагировал. Наверное, всё еще не простил Лёню.

Обстановка в стране продолжала накаляться. Свобода в России превращалась на глазах в анархию и вседозволенность. Однако война на рынках совсем не интересовала Лёню. Он ушел из своего П/Я в один из институтов Газпрома, где ему предложили огромную (по тем временам) зарплату. В этом крошечном заведении царили прежние советские нравы. Лёня умел адаптироваться. Жизнь научила. Вскоре он стал любимцем своего начальника, который

вскоре дал ему кликуху «Доктор». А что — отличная кликуха, куда лучше, чем «Доцент»! В сонном мирке института Лёня оказался свежей головой. Его любили и ценили, а он не зазнавался. Потому что отлично понимал, что никакой он не доктор наук, скорее зрелый кандидат. Возраст шел к шестидесяти, надо было подумать о спокойной старости. Вот тут и предложили его жене выехать с семьей в Германию. После недолгих колебаний решили на семейном совете: ехать! И поехали!

На прощание Лёня послал шефу две свои книжки с трогательной надписью: «Дорогому шефу от благодарного ученика». Ответа он не дождался, да и не стоило ожидать. Шеф к этому времени уже имел звание члена-корреспондента РАН. Может быть, он взглянул на эти жалкие труды и опустил их в мусорный контейнер. Спустя долгое время, Лёня и сам считал, что они не стоили внимания. Правда, одна из книжек была не по специальности, а из области художественной литературы, и Лёня этот опус впоследствии очень не любил, хотя материал из неё частично позаимствовал для других сочинений. Вот как поворачивается жизнь. Она как река. А куда она впадает, догадаться нетрудно.

Всю вторую половину жизни Лёня ревниво следил за успехами шефа. Все-таки тот был романтиком. В своих книгах он предлагал шире использовать расчетные методы молекулярной спектроскопии, но всё это годилось для изолированных молекул, которых нет в природе, разве что в космосе. Лёня листал в университетской библиотеке тома органической химии, где были разделы о применении физико-химических методов для идентификации продуктов реакций. Там не было ни слова о применении расчетов. Имя шефа нигде не упоминалось. Он утверждался в мысли, что тогда, тридцать пять лет назад он поступил правильно, оставив кафедру физики и отправившись в свободный поиск. Он по-своему и даже интересно прожил эти годы. Было

о чем вспомнить. Но сейчас, сидя перед экраном компьютера, он ласково касался пальцами лица на фотографии и шептал слова любви и признательности, которые в те далекие времена стеснялся высказать такому достойному человеку, который сформировал его, как исследователя и как личность.

ЛАБОРАТОРИЯ НОМЕР 316

У Маркина, Олега лаборатория была небольшая, но хорошая. По крайней мере, до начала Перестройки, когда сотрудники разбежались в поисках хлеба насущного, потому что в институте перестали платить зарплату. Начальство смотрело сквозь пальцы на то, что коллектив занимался чистой наукой, некоторые прикладники из соседних отделов были очень довольны, видя свою фамилию в статьях, опубликованных в журнале «Электрохимия» или даже «Доклады Академии Наук». Этот академический лоск Маркин принес с собой из Института Физической Химии, когда ему надоело сидеть на зарплате младшего научного сотрудника..

Маркин не был теоретиком, он был экспериментатором. Он в молодости гордился, что в отличие от большинства сокурсников, защищавших стандартные дипломные проекты, ему выпало делать дипломную работу. Как бы велемием свыше, ему было назначено идти в Науку. Доцент Кораблев решил проверить новый активный наполнитель для улучшения качества отечественных резин — лигнин. Лигнина у нас в стране всегда было хоть отбавляй, его в любой доске, что еловой, что осиновой около десяти процентов по весу. При некоторых химических реакциях из него получался ванилин, который очень любят добавлять в выпечку наши жены и тещи. Но из лигнина, как известно, никто ванилин не делает. Есть другие источники, в том числе и природные. Маркин однажды видел на одной выставке чистые кристаллы ванилина на пестике огромной орхидеи, которая родилась в тропическом лесу Южной Америки. Сочетание кра-

соты и потрясающего аромата. Есть в некоторых орхидеях такой сильный и стойкий аромат, что обоняние помнит его даже через десять минут... Но это так. К слову.

Короче, дипломная работа была завершена, и хотя резины оказались совершенно дрянными, диплом Олег защитил на отлично. Многие выпускники тогда мечтали заниматься исследованиями. Как это красиво звучало — я исследователь. Это вам не то, что я — инженер по специальности «технология резины». Ему, конечно, адски повезло однажды в жизни — по наводке своего друга Сашки Шлемова он попал в академический институт, где его три года песочил шеф, прививая азы настоящей исследовательской работы. К примеру, шеф часто вызывал его в свой кабинет с лабораторным журналом. Если какие-либо данные по проведенным экспериментам были записаны небрежно, Маркин тут же получал жестокую головомойку. Эту процедуру молодые сотрудники называли просто и емко: шеф поставил клизму такому-то. Пунктуальность постепенно превратилась в привычку. Ни один эксперимент не начинался без указания числа и временных отметок — начала и конца, температуры, давления, влажности, что делал, как делал, что наблюдал и так далее... И вот, сейчас, спустя двадцать лет, Маркин сидел в своей собственной лаборатории и зорко следил за своими подчиненными. Шеф когда-то наставлял его: «Если у тебя перерыв с опытами, что-то не клеится, сиди и думай. В крайнем случае, иди в библиотеку и штудируй научную литературу, расширяя кругозор. Никаких перекуров на лестнице, кури на рабочем месте. Бездельников я буду выгонять без жалости!»

«Присуща ли Вселенной изначально, с момента зарождения, логика совершающихся событий, то есть с необходимостью одно вытекает из другого?» — думал Маркин, придя на работу, как всегда, раньше всех. Думал он всегда, и на работе, и дома, даже ночью сквозь сон он планировал или корректировал опыты. — «Раз Вселенная существует, значит она управляется законами. Один из них наиболее

важный для нас — это логика развития материи от простого к сложному вплоть до образования мыслящей субстанции. Наше предназначение — понять законы развития материи при условии её непрерывной изменчивости. Для этого мы и создали все естественные науки. А литература, искусство, история, языкознание, психология и прочее — это уже непосредственно о нас, это самопознание...» Тут его мысленный поток прервался, так как старший инженер Марат Сулейманов, физиолог по университетскому образованию, приволок аквариум с тремя рыбками, окрашенными попеременно в синюю и оранжевую полосы.

— Это нам к чему? — спросил Маркин.

— Психологи считают, что для повышения эффективности творческой работы людям следует отвлекаться на минуту-другую, созерцая живые объекты или произведения искусства, — ответил Марат.

— Ладно, только поставьте так, чтобы он никому не мешал работать.

Строго говоря, лаборатория Маркина состояла из слесарки и одной большой комнаты, в которой размещались два огромных химических стола, вытяжной шкаф и семь канцелярских столов, за которыми сидели сотрудники. Большой ценностью были демпферные аналитические весы, которые стояли отдельно на вмонтированном в бетонную стену кронштейне. Для увеличения рабочей площади к химическим столам рабочие приварили длинный стеллаж, на котором блестели хорошо вымытые мерные колбы, разнокалиберные мерные цилиндры и пипетки. Оборудование Маркин собирал, как говорят, с миру по нитке. То ли дело лаборатория бывшего шефа! Девять комнат с импортными приборами, с тысячами приспособлений. Вот что значит работать в Академическом институте! А какие люди там работали в то время! — не то, что нынешнее племя. А сейчас Маркин сидел в огромном п/я № 1813, сидел из-за денег, потому что надо было выплачивать долг за кооперативную

квартиру, нанимать учителей сыну, как-то одеваться и кормиться.

Как всегда с опозданием, тяжело дыша, появился Михаил Вишневецкий. В последнюю минуту проскочил проходную. На рабочем месте в п/я ты можешь валять дурака целый день, но опоздание на пять минут может стоить тебе квартальной премии, а рублики-то все считанные! У Вишневецкого две дочери-невесты, их наряжать надо. Это пацан может пойти куда угодно в советском тряпье, никто и не заметит. Отдышавшись, Михаил тут же обратил внимание на рыбок, спящих в аквариуме:

— Уха нам, я вижу, обеспечена, если они способны размножаться в неволе. Это что за порода?

— Гиплохромис Бульки, — ответил Маркин, вспомнив, что нечто похожее он видел в книжке «Московский зоопарк» лет сорок пять тому назад. Вишневецкий фыркнул, думая, что его разыгрывают.

— Да, их так и называют, — подтвердил Марат.

— Кто же будет за ними присматривать? — спросил Вишневецкий.

— Тот, кто их принес. Так, давайте к делу. Марат, поскольку клетку Фарадея вы уже закончили, начинайте испытания с сердечными гликозидами, каждый раз проверяя электроды на стандартных растворах калия. Надя, сегодня измеряем вязкость электролитов, какая температура в комнате? А где Филатов?

— Он с утра собирался в цех, — сказал Вишневецкий.

Всё ясно. Филатов, быстро спивающийся тридцатилетний инженер-механик, уже пошел на разведку, где бы добыть утренние 50 граммов спирта. К несчастью, Маркин должен был терпеть в составе лаборатории еще одного, но уже вполне законченного пьяницу и дебошира Лешку Акулова, который был сыном заместителя генерального директора по общим вопросам. Такова была внутренняя политика непосредственного начальника. Лешка появлялся

в середине дня уже поддатый и вежливо просил те же самые пятьдесят. Иногда Маркин ему давал, иногда отказывал, всё зависело от того, удачно или неудачно складывался лабораторный день. У Филатова папы-начальника не было. Маркин пытался пристроить его к разработке прибора, измеряющего загрязнение природных вод нефтепродуктами и всякой другой органикой, — не зря же он двадцать лет назад придумал дешевую технологию изготовления инфракрасных светофильтров. Эти изделия он бережно хранил много лет, и вот сейчас было бы самое время применить их, используя старый, времен конца сороковых фотоэлектроколориметр в качестве железной коробки. Но дело не шло, а стоять и караулить Филатова не хватало времени и сил. От начальства помощи было не дожидаться, слава богу, они не лезли с проверками, сидели по кабинетам и подписывали разные бумаги, а бумаг всегда было великое множество, включая перспективные планы до двухтысячного года. Вот на это дело Маркин и отправлял по временам Акулова, хоть какая-то, да польза.

Всё бы хорошо, да вот, теща заболела раком желудка. Спихнулись поздно, врачи оперировать не стали. Когда в семье случается такое несчастье, все стараются помочь по уходу. К жене Олега начальство тоже отнеслось с пониманием, разрешило свободный график, а как же иначе — сиделку нанять просто невозможно. Нет у нас такой службы в стране, слава богу, пока еще приезжает по вызову скорая. Жизнь семьи после окончательного диагноза разделилась на две части. В одной царило рабочее оживление, интересные книги, которые Олег читал в метро, пока добирался до своего ящика, болтовня за чаем, который пили в три часа. Марат и Михаил были любителями серьезной литературы, Надя, как обычно, молчала и слушала, и все привыкли с немой собеседнице. После работы начиналась скверная, тоскливая жизнь с бесконечными заботами по уходу за безнадежно больной. Однажды теща сказала: «Как пролетела

жизнь, не понимаю. Словно открыла дверь в солнечную комнату, заглянула и очень скоро затворила.»

Между тем, за окнами лаборатории шли быстрые разрушительные процессы. Страна хирела на глазах. Маркин пытался осмыслить наблюдаемое и пришел к твердой мысли, что Ленин с компанией марксистов хотел создать страну победившего социализма, а вместо этого скакнул через разруху и голод в рабовладельческую формацию, где диктатор играл роль фараона, а политбюро и главные палачи, вроде Зиновьева, Каменева, Троцкого, Ягоды, Ежова исполняли роль верховных жрецов, опираясь на всю остальную дрянь, которую октябрьский переворот выплеснул из глубин народной массы. Если мы очутились в рабском государстве, то теперь на новом витке спирали мы должны опять пройти феодализм, а потом вернуться в капитализм 1913 года. Получилось прямо как в греческом мифе про Сизифа — после того как мы слетели с вершины горы, надо снова тащить камень в гору.

Пока еще лаборатория стояла. Появился мальчишка-узбек по имени Радик, два года назад закончивший институт стали и сплавов. Соображал он хорошо и руки у него росли, откуда надо. С ним Маркин начал работу по контролю состояния электролитов в аккумуляторах — в соседнем отделе просили сделать все возможное, чтобы удлинить срок их службы. Оптический метод контроля требовал изготовления очень тонких кварцевых кювет, чтобы просвечивать раствор электролита. Купить готовые кюветы было невозможно, а заказывать в Ленинградском оптико-механическом объединении — бессмысленно. Организация дышала на ладан. Они стойко держались сорок лет, начиная с 1946 года, когда СССР в качестве репарации вывез всё оптическое оборудование знаменитой фирмы «Цейс». Так что решили сделать кюветы самостоятельно. Добыли плавиковую кислоту, парафин и стали вытравливать окошечко в кварцевой пластинке толщиной всего в одну десятую миллиметра.

Тем временем, соседний громадный отдел, возглавляемый молодым и очень пробивным парнем, Борисом Авдеевым решил выпускать совместно с Ленинградским филиалом отечественные магнитометры. Приборы, сложные и капризные, должны были быть укомплектованы инфракрасными поляризационными фильтрами, а их не было. Зато Маркин отлично помнил технологию их изготовления, так как три года у своего первого шефа он прилежно их выпускал, выполняя все операции собственными руками. Радик охотно подключился и быстро перенял тонкости технологии. Авдеев мгновенно заказал необходимые «железки» на опытном заводе, и дело пошло, завертелось.

Всё складывалось просто великолепно. Один комсомольский активист из отдела, сынок директора института медтехники, организовал творческо-хозяйственный комсомольский коллектив в составе предприятия с ограниченной ответственностью и пригласил желающих заработать дополнительные денежки к зарплате. Для этого нужно было только самим найти заказчика на разработку. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Вот какой замечательной штукой оказалась поначалу наша Перестройка! Страна тогда еще не знала своих истинных героев, которые так ловко работали на свой карман, что за пять лет совершенно её разорили, составив многомиллионные состояния в твердой валюте, которые, естественно, держали в банках за границей.

Шел 1991 год. Работа в лаборатории кипела. В три часа собирались на чай, за которым шли жаркие дебаты. Параллельно кормили рыбок в аквариуме пойманными тараканами. Тараканы были везде, они ели всё подряд, даже химикаты и неуклонно размножались. Рыбы подплывали к опущенному в воду пинцету с тараканом и мгновенно его поглощали. Маркин высказал опасение, что таракан, нажравшийся всякой дряни, может быть ядовит для рыбок. На это Марат сказал, что люди, потребляющие вареную колбасу, которая на второй день зеленеет даже в холодильнике,

рискуют не меньше, а таракан для рыб — это почти стопроцентный белок.

Маркин первым прекращал чаепитие, но давал ребятам возможность полчаса расслабиться. В последнее время его очень занимала мысль о том, насколько эффективным в России оказалось диссидентское движение. Дело было не в совершеннейшей мерзости партийной власти и КГБ, которые по пустячному поводу несогласия с генеральной линией сажали нормальных людей в психушки или в тюрьмы и лагеря. Он вспомнил лето 1968, ветреный, холодный и дождливый день, когда он с коллегой, не снимая рабочего халата бежал через дорогу в столовую пионерского комплекса на Ленинских горах. По радио, где обычно орали бодрые и патриотические песни, диктор читал о братском вторжении в Чехословакию. Они с коллегой тогда матерно ругались на идиотов из Политбюро, на душе было гадко, словно выпачкались в дерьме. Центральные газеты вышли с аршинными заголовками о том, что страны Варшавского договора идут на помощь чехам и словакам. Румынии среди них не было, остались только ГДР, Болгария, Польша и Венгрия — крошечная кучка сателлитов могучего СССР. Этот жалкий список растягивали на всю ширину газетного листа, чтобы создать иллюзию, как нас еще много... Восемь мальчишек и девчонок вышли на Красную площадь с плакатиком «За нашу и вашу свободу». Их схватили, избили и бросили в воронки. Всем дали лагерные сроки. Слава, слава, слава героям!!! Никто ведь не мог предвидеть, что через двадцать лет бетонный монолит окажется песочной кучей, покрашенной под цвет бетона. И диссиденты, и ЦК КПСС, и все люди, жившие на территории СССР, думали, что советская власть навсегда...

В далеком 1968 быстро нашлись люди, которые оправдывали агрессию. Мол, как только в стене социалистического лагеря появится брешь, туда сразу войдут капиталисты и щит единства расколется на куски. Очень многие так

думали. Они же пожимали плечами, слушая по радио «Голос Америки» концепцию академика Сахарова о развитии процесса конвергенции социализма и капитализма. Кто он такой, этот Сахаров? Специалист в экономике и политике? Он же не профессионал!!

...Слава, слава, слава героям-диссидентам!! А что, собственно, делали диссиденты? Они дублировали западное радио, которое просто рассказывало о бесконечных безобразиях, ежедневно происходящих на территории огромной страны. Коммуняки орали, что всё это клевета, но это была будничная правда. Диссиденты, сами того не зная, помогали Западу, поставляя им дополнительную информацию о нарушениях прав личности, о бесконечном тупом насилии над людьми и природой, об отсутствии конституционных свобод. О чем могла идти речь! Никогда никакая из многих конституций СССР не соблюдалась, никаких свобод не допускалось. Все выступления диссидентов были комариными укусами. Монстр, которого они атаковали, развалился сам по глубинным экономическим причинам. Он был просто нежизнеспособен, этот злобный Франкенштейн, он держался только на насилии. Сейчас, в 1991 году это стало многим совершенно ясно... Тот, выдуманный Франкенштейн, возлюбил всех людей с первого мига своего творения, но люди его отвергли. А этот злобный лишил людей элементарной инициативы в течение 70 лет и победил — выросло поколение, которое переложило на государство всю ответственность за свою жизнь. Поэтому все ждали команды начальства и стало совершенно невозможно что-либо пробить самим ни в материальной, ни духовной сфере. Поэтому жили в мире архаических технологий, устаревших изобретений и пустых, лживых обещаний лучшей жизни.

Маркин призвал ребят кончать болтовню, и вместе с Радиком начал растягивать полимерные пленки, чтобы готовить из них поляризаторы. Проходя мимо аквариума, он за-

метил, что у самой крупной рыбки сильно выпучился один глаз.

— Явно болеет из-за того, что их подкармливают ядовитыми тараканами,— подумал он.— Как наших работяг вонючей колбасой.

Между тем, теще становилось всё хуже. Опухоль практически закрыла пищевод. Мучения становились невыносимыми. Тещу отправили в ближайшую больницу. Обе её дочери по очереди дежурили у её постели, подносили ей чайную ложку с водой, которую она пыталась проглотить. Маркин ходил на работу и старался не думать о домашних проблемах. Приходя в лабораторию, он теперь первым делом смотрел на раздувшийся глаз рыбки, который придавал ей чудовищные очертания. В среду около часа дня позвонила жена и сказала, что маме сделали операцию, так что теперь она сможет глотать. Олег ответил, что надо надеяться на лучшее и чтобы жена поберегла себя.

Марат начал получать первые результаты. Он брал пробы крови, добавлял микроколичества раствора сердечного гликозида— строфантина и через фиксированное время измерял в них концентрацию калия. Гликозид явно и наглядно заставлял ионы калия покидать красные кровяные тельца и переходить в плазму крови. Это объясняло заодно и действие известной еще бабушкам настойки валерьянки с ландышем, успокаивающей сердцебиение. Самое же интересное заключалось в том, что серии проб крови, взятых от разных пациентов, давали заметно различающийся по величине эффект. Это означало, что каждый пациент есть отдельная лаборатория со своей биохимией. Это означало также, что для одного пациента 20 капель настойки валерианы с ландышем может оказаться слишком много, а для другого— явно недостаточно. Маркин распорядился продолжать измерения и набирать статистику, пока в его голове созревала новая весомая совместная публикация с замести-

телем директора аптечного института, который обеспечивал их строфантинom. Интересно, что южноамериканские индейцы задолго до прихода европейцев вымачивали накопники стрел и копий в настое листьев строфанта, и если ранили животных, те быстро умирали от остановки сердца.

Сидя за чаем следующего дня, они обсуждали практические выводы работы Марата, а Вишневский предложил подать заявку на изобретение — он подрабатывал в институте патентной экспертизы. В разгаре обсуждения вдруг на виду у всех большая рыбка выскочила из аквариума и, описав дугу, шлепнулась на пол и больше не шевелилась. Было ясно, что она мертва.

— Что таракану польза, то рылке — смерть, — заключил Маркин и по привычке взглянул на часы. Была половина четвертого.

Вернувшись домой, он застал жену с её сестрой. Они сидели на постели тещи и тихо переговаривались.

— Что там слышно? — спросил он усталым голосом.

— Сегодня в половине четвертого мама скончалась, — ответила сестра.

— Бывают же такие совпадения! — он вспомнил, когда рыбка выбросилась из аквариума, но рассказывать не стал.

— Ночью маме стало плохо, начался бред, потом агония, — продолжала сестра. — Больные в палате возмущались, что она им мешает спать, требовали вывезти её в коридор..

Олег смотрел на осунувшиеся лица сестер и думал, как дорого в нашей стране обходятся детям их родители, если они задерживаются на этом свете. Правда, сестра с мужем регулярно в выходные ездила на дачу, а вечером в воскресенье изводила его жену бесконечными вязкими допросами, как и что было сделано для милой мамочки. В этот час перед сном Олег злился на сестру, потому что очень жалел жену, которая была настолько измотана, что у неё не было сил возражать, и она покорно и подробно отвечала на все вопросы тихим и бесцветным голосом. Потом во сне она

металась и вскрикивала, и тогда Олег прижимал её к себе, и ждал, пока она постепенно затихнет и успокоится.

В лаборатории появился новый человек, пожилой туркмен по имени Арслан. Маркин взял его по просьбе Авдеева. В отделе Авдеева кипела лихорадочная работа по созданию советского магнитометра, там трудились ребята, закончившие не так давно знаменитый Физтех (так же, как и Вишневский), и поскольку, несмотря на диплом кандидата технических наук, у Арслана никаких положительных физических знаний не было, его держали в снабженцах. Там он себя тоже никак не проявил, хотя его можно было бы и оправдать — у нас и до перестройки достать что-либо из электроники было громадной проблемой, а в 1991 году всё вдруг закончилось. Надолго, если не навсегда. Однако у Арслана был тесный контакт с Ашхабадским филиалом предприятия. В своё время Маркин был там в командировке и понял, что лаборатория может передать им свой прибор, измеряющий засоленность природных вод. С пресной водой в Туркменистане были очень большие проблемы. Арслан связался с одним молодым выдвиженцем из комсомольского состава, Мамедовым. Тот возглавлял работу по внедрению ионообменных опреснителей соленых вод. Мамедов приехал в Москву, увидел прибор и влюбился в него намертво.

— Отдай или продай, — молил он Маркина.

Олег к тому времени успел сделать на опытном заводе еще пять таких же приборов, но внешние данные у них были не ахти, а тот, который просил Мамедов, был лично украден Олегом с директорской закрытой выставки и извлекался из сейфа лишь для рекламных целей.

Что там говорить? — Объявленная перестройка развязала инициативу многих энергичных людей и если бы не кошмарное воровство начальства и неумение приглашенных к власти демократов управлять страной, стал бы СССР сверхдержавой не хуже США. Маркин сидел в перерыве за чаем

и всё думал, что демократы и сочувствующие им, столько лет бунтовавшие против власти КПСС и КГБ, не смогли за долгие годы составить и продумать программу хозяйственного возрождения страны. Всё делалось как-то наспех, все толкались у корыта, а валютные резервы таяли, как снег весной, магазины опустели, по радио ввали на население, что все у нас есть, но пока непонятно, по какой цене продавать. От этого вранья на душе было тошно. Единственной отрадой было открытое для всех радио и телевидение, запрещенная ранее литература шла нарасхват, все наслаждались позором партии и КГБ и смеялись на передачах «Куклы».

Но как всегда бывало в революциях, эйфория от свободы сопровождалась обесцениванием денег, провинции начинали голодать. За проданные с помощью комсомольской крыши поляризаторы Маркин и все, кто ему помогал, получили приличные суммы, но выйдя на ближайший рынок с карманом полным денег, он обнаружил пустоту торгового зала. Работал лишь киоск с хозтоварами, где Маркин прихватил две коробочки с шурупами для домашних целей. Хотелось хоть как-то потратить заработанное. Он позвонил жене на работу и пригласил в ресторан в центре. Там они скучно посидели с часок и попытались осилить бакинский плов с бараньими котлетками в стиле «а ля кебаб». Котлетки были холодными, словно из морга, и жесткими, как ластик, рис был твердым и безвкусным, чай пресным и без признаков чайного аромата. Покутить не удалось.

Тем временем, несмотря на научные продвижения, сотрудники заматывались в поисках лучшей доли. Первым не выдержал Марат. Пряча глаза, он сказал Маркину, что у него двое детей и собака, их надо кормить, вот, он получил предложение от одной фирмы, продающей корм для животных, там зарплата в четыре раза выше, чем у нас в лаборатории. Олег ответил, что всё понимает, прибавить денег он не сможет, а как насчет подработки на четверть ставки? Хотя, конечно, это такие копейки, что речь может идти ско-

рее о волонтерской работе... Марат ушел через две недели, прихватив аквариум с двумя оставшимися рыбками.

В середине следующего года Вишневский с тем же выражением лица объявил, что он переходит в другой отдел, к Каричеву, который разрабатывал искусственное легкое и вообще занимался водородно-кислородными генераторами для армии. По первой тематике он имел серьезный грант от французской фирмы, что позволяло ему, отстегивая «откат» дирекции, подкармливать наиболее ценных сотрудников. Маркин всё понимал и не осуждал молодых сотрудников. Сейчас он сам был занят по горло контролем электролита для литиевых батарей. На Западе и в Японии уже во-всю шел их выпуск, а мы всё никак не могли наладить производство, несмотря на то, что в Углегорске был выстроен цех и установлено новейшее японское оборудование. Стоило это несколько миллионов долларов. Маркин чувствовал, что пришла пора новых технологий, что нужно послать ряд сотрудников в Японию на длительную стажировку, что «кадры действительно решают всё», но дирекция во главе с новым генеральным, Скоковым, имела другие планы. Скоков, сын высокого чина из КГБ, рвался к власти над всей Россией. А наш отечественный электролит ни к черту не годился, но анализ делать было необходимо, вот Маркин и закрывал «амбразуру». Растворитель электролита был близким родственником фосгену — боевому отравляющему веществу, которое немцы применяли в первой мировой войне, так что особенного удовольствия от работы с ним Олег не испытывал. Правда, ему выделили два «сухих» шкафа, которые он лично тщательнейшим образом уплотнил и засыпал пятиокисью фосфора. Электролит не выносил даже следов влаги.

Текущий год не сулил ничего хорошего ни в семейном плане, ни в производственном. Радик чудом пробился в посольство Австралии и, не скрывая радости, поделился своими планами с Олегом. Он горячо благодарил шефа за

науку и всё пытался протянуть ему руку на прощание, но Олег поклонился ему весьма холодно и снова отправился налаживать контроль литиевого электролита. Почти вся страна в шестидесятых годах была оснащена инфракрасными спектрофотометрами (ИКС), изготавливаемыми на фирме «Цейс» в ГДР, и вот теперь наш бастион социализма получал огромную пробоину в крепостной стене. ГДР начала объединяться со своими братьями в единую Германию. «Процесс пошел,» — как любил приговаривать последний Генсек КПСС. Устраивать второе нашествие советских войск в Европу уже не было сил и средств.

В свете международных событий такая мелочь, как производство ИКС, никого не волновала, а Маркин как раз разработал методику определения примесей в электролите на стареньком ИКС. В конце концов, он решился использовать для своих целей тонкослойные инфракрасные кюветы, которые в большом количестве добросовестные немцы поставляли, как комплектующие к прибору. Оставалась решить задачу, как заполнить кювету шприцом через крошечное отверстие, изолировать её от влажного воздуха лаборатории и затем, после записи сигнала, снова вернуть в «сухой» шкаф, тщательно промыть органическим растворителем и высушить для следующего измерения. Электролит содержал огромное количество соли, которую было невозможно извлечь, если она уже осела на стенках шприца или, не дай бог, в тонком кюветном пространстве. Дорогие кюветы портились настолько, что им требовался капитальный ремонт. Самым лучшим инструментом для работы с ними оказался копеечный полиэтиленовый (одноразовый) шприц, но почему-то такой мелочи в СССР было не найти. Маркин упросил жену своего племянника, когда они поехали в первый раз в жизни в США с частным визитом — повидаться с родней, упросил её привезти пару десятков этих шприцов, и как же он был счастлив, когда получил их через три недели...

Надя, единственная женщина в лаборатории, которая обладала уникальной способностью сидеть молча, не приглашать подруг и не бегать на лестницу курить, тоже подставила ножку Олегу, заявив, что она собирается в декретный отпуск. В лаборатории практически оставался один Арслан, с которым Маркин поневоле сблизился. Арслан уговаривал его побыстрее связаться с Ашхабадским филиалом и наладить бизнес. На вопрос, какого нам еще бизнеса не хватает, Арслан отвечал: «Мы им достанем красители для шерсти, у меня там знакомый, очень богатый человек, потом приборы продадим, а я договорюсь о поставках в Москву ранней капусты, вяленой дыни, а вы проведете научную работу с филиалом по опреснителям...» — «Ладно, — сказал Маркин, — готовьте материалы по командировке, надо еще где-то деньги на поездку раздобыть...»

Он позвонил коллеге, знакомому еще по аспирантуре. Тот стал важной шишкой, все время заседал в комиссиях по воде и даже читал курс экологии студентам областного пединститута. Маркин спросил его в лоб, интересуется ли он вопросами переработки и утилизации отходов сельхозхимии в Туркменистане. Местные совхозы и колхозы спят и видят, как бы избавиться от гор ядохимикатов, навязанных свыше, а там чего только нет — даже дефицитный мышьяк, который так нужен полупроводниковой промышленности... Коллега почесал репу и сказал, что деньги он на командировку им выделит, но он сам хочет изучить ситуацию на месте. Маркин поклялся, что после завязывания контактов он даст своего сотрудника в качестве гида. На том и порешили. Наде он поручил следить за лабораторией, а сам с Арсланом улетел в Ашхабад.

Строго говоря, ничего существенного в научном плане он там для себя не получил, три прибора они продали за наличные, не мучась совестью, поскольку они были изготовлены за казенный спирт, но деньги катились вниз, как снежный ком с горы. Единственной реальной бытовой удачей было

приобретение ящика свиной тушенки китайского производства. Москву уже во-всю лихорадило от недостатка продуктов. Как назло, накануне глава правительства Туркмении издал указ — не выпускать продукты за пределы республики. После возвращения они почти полгода получали свою тушенку через знакомых Арслана, приезжавших в Москву.

Пока он был в командировке, Вишневский совершил подлое дело — уговорил своего нового начальника пробить через нового гендиректора присоединение площади Маркина к отделу, чтобы разместить там цех по производству искусственного легкого. Тем более, что народ уже из лаборатории разбежался. Директор сразу же согласился, потому что эта тема имела французский грант, а кто такой Маркин, — очередной «яйцеголовый» от которого никакого навару?! Новый директор уже выяснил, что большинство отделов не имело в запасе ни одной законченной современной технологии, которую можно было сразу начать внедрять в производство. Все начальнички приносили ему чуть ли не в карманах опытные образцы, которые надо было еще доводить и доводить до ума. А директору нужно было пригласить Горбачева в свои владения и показать, что его тоже не зря перевели в Москву!

Так Маркин ни за что, ни про что испытал унижение. Его с остатками оборудования и приборов переселили на первый этаж старого корпуса, где маялись двое пожилых сотрудников — остатки бывшей когда-то в чести лаборатории порошковых технологий. В той части помещения, где теперь обитал Олег, стояли два его основных прибора — ИКС из ГДР и японский автоматический спектрофотометр образца 1961 года, недостижимый для советской техники образец высоких технологий, дар незабвенного учителя Бориса Николаевича Гречушникова, великомученика и гениального физика. К Маркину по-прежнему ходили люди из разных отделов для консультаций, пришел один странный мужик, начальник отдела испытаний, с которым он

познакомился пару лет назад, играя в настольный теннис в обеденный перерыв. Тот мужик связался с каким-то аферистом-знахарем, который заряжал воду своим биополем, и вот, мол, не попробует ли Маркин посмотреть на своем приборе, не найдется ли какого ощутимого признака, доказывающего существование этого заряда... Не бесплатно! — Маркин кивнул: «Приносите образцы.» Надо всё же хоть что-то делать. Автоматическая линия по производству литиевых батарей, по-видимому, накрылась «большим медным тазом», как говорили на целине в студенческом отряде. Раз ему не звонят, значит, или всё в порядке, или совсем наоборот. Что вернее.

...Олег уселся поудобнее напротив десятилетиями немывтого окна, расчистил место на столе и приступил к чаю с бутербродом. Через десять секунд он заметил как над противоположной стороной стола появились усики-антенны, которые жадно принохивались к еде. Еще через полминуты появился и хозяин усиков. Маркин прихлопнул таракана газетой и погрузился по привычке в размышления. Кажется, в отличие от людей тараканы не пострадали в результате перестройки с ускорением, а даже выиграли от всеобщего хаоса. Отечественные демократы уже показали свою полную неспособность к решительным действиям. Ради такого итога вовсе не стоило сидеть в психушках и лагерях, хотя конечно — слава, слава, слава смелым! Доживет ли Союз до своего 80-летия? — Я, лично, очень в этом сомневаюсь. В условиях голода и сплошного дефицита растут центробежные силы.

Тут он глотнул доброго индийского чая из старых запасов, и мысли его вернулись в Ашхабад. Арслан уехал туда с небольшой партией черно-белых телевизоров для автомашин, надеется заработать на дефиците. Его дело. Лично Олегу это скучно. Как они там представляют себе процесс опреснения засоленных природных вод, хотелось бы знать... Он вспомнил два оцинкованных ведра, в которых отмокали ионообменные мембраны; процесс небыстрый,

поработал ионообменник пару часов, насытился солью — давай, тащи воду и ведро, пусть отмокает. А куда девать пересоленную воду? Этак за несколько лет любой поселок обрстет сугробами соли, её же надо собирать, увозить на химкомбинат, все-таки источник хлора и соды... Другое дело, если надо снабжать поисковые отряды или отдаленные поселки пресной водой, там народу поменьше, а для городов это не выход... Когда-нибудь человечество перестанет уничтожать тараканов, а будет использовать их уникальные возможности, вставляя микрочипы в их мозг и заставляя работать в тонких технологиях, ведь таракан по сравнению с компьютером — это гигант мысли, необычайно подвижен и обладает целым арсеналом средств выживания в экстремальных условиях.

Телефонный звонок прервал его мысли. Замдиректора пригласил его познакомиться с новым начальником отдела Степановым и рассказать о новых задачах. Маркин зашел на второй этаж, где когда-то стояли допотопные наши компьютеры и увидел молодого брюнета с энергичным лицом. В ту же секунду он вспомнил его отца, академика Степанова, по книге которого сдавал кандидатский экзамен по теории молекулярной спектроскопии. Как это капризная судьба занесла сына академика в их умирающий п/я 1813, Маркин не мог и представить. Они подробно, но бесплодно пообщались: в физических проблемах Маркин не рубил, а Степанову возня с электролитами казалась неперспективной. Повторялась ситуация почти двадцатилетней давности. Пока он искал свою нишу в отделе, ему поручили осуществлять надзор за созданием «Крейта», и он, ни черта не смысля в электронике, вынужден был по приказу очередного непосредственного начальника ходить и морочить голову конструкторам на предмет, как бы ускорить выпуск отечественных крейтов (в переводе на русский — корзины). Эти корзины были скучнейшими металлическими ящиками на салазках, в которых были предусмотрены электриче-

ские разводки, ибо они потом вставлялись в металлическую стойку-этажерку, будучи предварительно набитыми примитивными отечественными измерительными приборами. Потом эта вся затея быстро-быстро рухнула, потому что мы повторяли зады, уже отброшенные передовыми странами, и стойки-этажерки с купленными за валюту приборами (а не нашими примитивными) были переданы в медицинские учреждения ради развития науки. Зато начальство получило возможность лечиться у лучших медиков страны.

Нет, теперь он уже слишком стар и опытен, чтобы быть на побегушках у нового начальника... Капитан покидает судно последним? Вот и пришел его час. Кстати, вчера взломали дверь лаборатории и унесли все, что плохо лежало, не постеснялись прихватить свежий белый халат, который он надевал для официальных встреч с приходящими и контролирующими. Прощай, корабль номер 316, прощай.

— Так все-таки, присуща ли материи изначально некая логика развития? — думал Олег, стоя на площадке трамвая, — если присуща, то это, наверное, и есть идея божественного начала. Вот, скажем, горит звезда и выгорает, а потом взрывается, и в момент взрыва образуются тяжелые элементы, из которых потом появляются планеты. На некоторых из них может, возникнуть живая материя... Но персонифицировать божественное начало, придавать ему форму, наделять абсолютной силой?.. Не нужно никого наделять силой, которая уже сидит в материи *ab initio*. Материя и есть энергия, это уже стало трюизмом. Логика развития событий предполагает затраты времени в миллионы лет, а всё остальное есть только шум, случайные микроскопические отклонения от кривой. Вроде нынешнего разворота событий в мире... Что за черт меня несет снова в дебри философии? Пора, пора искать новую работу...

СТРАННАЯ КВАРТИРА

Юрий Львович Шаров болел тяжело и долго. Казалось, что бы им с женой Розой не радоваться жизни. Двенадцатый верхний этаж дома на Сиреневом бульваре, воздух чистый, шум от транспорта почти не слышен. Троллейбусы и редкие автобусы. Спальный район Измайлова. Кооперативную квартиру младшая дочка Ирма с мужем купила.

Вначале Шаров ни за что не хотел оставлять старую квартиру Ирме. Боялся, что дети не захотят выплачивать пай, а пенсии у них с Розой были хоть и хорошие, но маленькие. На двоих приходилось сто пятьдесят рубликов. На еду хватало, но хотелось поехать к родне летом, и в театр сходить раз в два месяца, и гостей принять. А гости — не переводились.

В молодости Шаров работал геодезистом, всю страну по широте и долготе исходил с теодолитом на плече. Их работа считалась секретной и такой важной для отечества, что у обоих в войну была бронь. Жили в теплушках, в шалашах, в деревенских клубах. Вся личная жизнь была наружу. Женщины ругались, мужчины их урезонивали, малые дети орали, дети постарше ходили в местные школы, возвращались после уроков и затевали шумные игры. Прошло двадцать послевоенных лет, трудности и теснота забылись, а совместная работа с редкими и оттого более ценными радостями осталась в памяти, и многие подружились на всю оставшуюся жизнь. Почти все друзья жили далеко от Москвы, но в отпускное время часто навещали Шаровых, потому как где же еще делать покупки, как не в столице!

Когда старшая дочь Лия вышла замуж за Давида, они всей семьей жили в двухэтажном доме барачного типа на первом этаже, за водой ходили к колонке, готовили на керосинке. Давид после утреннего туалета шел в одних трусах с ведрами, нажимал на ручку колонки коленом, и соседки с удовольствием смотрели в образовавшуюся прореху на выглядывающий из неё толстенный чижик. Некоторые из них причмокивали — как, мол, Лийке повезло с мужиком!

К счастью всей семьи, предприятию, где трудился Шаров, министерство дало деньги на постройку ведомственной пятиэтажки как раз на территории барака, который был изрядно заселен сотрудниками предприятия после войны. Вот так в 1955 году семья переехала в новый дом, где на шесть членов семьи, включая школьницу Ирму и новорожденного Борю, дали трехкомнатную квартиру с отдельным санузлом, горячей и холодной водой, газовой плитой на четыре конфорки, восьмиметровой кухней и жилой площадью 34,35 метра квадратных.

Ирма спала в гостиной на узенькой лежанке. Родители взяли себе двенадцатиметровую спальню, а молодая семья с ребенком разместилась в шестиметровой, но отдельной клетушке. Потом, когда Ирма вышла замуж за Аркашу, Роза с умилением ему рассказывала, как Лия с Давидом разместились в этом «гнёздышке» на раскладном диване, а Боря лежал в кровати вплотную к дивану.

— У них еще поместился платяной шкаф! — добавляла Роза с восхищением.

По-видимому, Давида такое распределение площади отнюдь не восхищало, почему он и начал тихую войну с родителями Лии. В обеденный перерыв на заводе он жевал бутерброды с чаем и сочинял длинные послания к ним, где взывал к чувству справедливости. Потом он брал конверт и ночью подсовывал письмо под дверь родительской спальни. Письмо, разумеется, прочитывалось, но родители никак не реагировали на возмущение зятя. Молчали, как партиза-

ны. Это бесило Давида, и он вымещал своё негодование на молодой жене, когда Борька орал посреди ночи:

— Лийка-дрянь, заткни рот засранцу! Мне в шесть утра на работу вставать!

Лия, отирая слезы обиды, брала Борьку на руки и шла на кухню. Потом она сообразила, как улучшить жизнь. Молодые купили раскладушку, и Лия просто ложилась на кухне с сынишкой, который быстро засыпал, согретый материнским теплом.

Давид работал начальником цеха на опытном заводике текстильного оборудования и считал, что сложившиеся бытовые условия унижают его человеческое достоинство. Он не стал ждать, чем кончится молчаливая борьба за место в квартире, пошел в профком завода и попросил помочь ему в получении комнаты в доме, принадлежавшем заводу. Уже в те далекие годы ничего не делалось без смазки. Давид пообещал устроить сабантуй, если дирекция пойдет навстречу. Дома же он подсунул очередное письмо под дверь, где написал, что ему согласны выделить площадь от завода, но надо подмазать председателя профкома и поэтому он просит Юрия Львовича с женой одолжить ему тысячу рублей. Нельзя сказать, что это были такие уж большие деньги, но всё относительно, как говорил Эйнштейн. Сравним: зарплата родителей была двести шестьдесят рубликов в месяц на двоих, а шеф будущего зятя Аркаши в это же время получал четыреста, как заведующий лабораторией и кандидат наук. Короче — родители пошушукались ночью и решили снять с книжки тысячу и отдать Давиду.

Давид авансом пригласил И.О. главного инженера, председателя профкома и секретаря парткома в ресторан, где они нажрались коньяка до полного безумия, так что пришлось еще потратиться на такси, чтобы развезти начальство по домам, но дело быстро пошло в нужном направлении, и уже через пару месяцев Давид получил огромную комнату в двадцать два метра в малонаселенной квартире

с двумя соседями. Молодые выехали и вскоре поняли, что жить с двумя соседями (один был женат, но бездетный) куда приятней, чем под крылом родителей.

Лия очень гордилась мужем. У неё теперь был свой «дом», и она с ужасом вспоминала бесконечные визиты родни и друзей, многие из которых оставались на ночь и спали на матрасах, расстеленных на полу в гостиной.

Родители тоже облегченно вздохнули. Наступил замечательный период в их жизни. Ирма перетащила лежанку в шестиметровую комнатку, родители купили ей письменный стол и лампу. Какое наслаждение закрыть за собой дверь, сесть за личный письменный стол, зажечь лампу, открыть задачник и в тишине решать задачки по тригонометрии! Нет, вы подумайте и оцените — на дворе 1959 год и в семье уже решены жилищные проблемы. В трехкомнатной квартире — три человека: отец, мать и дочь-школьница!

Давид вовсе не собирался отдавать долг родителям. Роза с мужем ждали год, потом два, потом три и перестали ждать, после чего она стала приговаривать, что все родители дураки, а дети — свиньи.

Понятно, что трехкомнатная квартира на троих — это роскошь конца пятидесятых. Ирма владела отдельной комнатой, и юноши из её класса были завсегдатаями её «салона». Родители были уверены в счастливом будущем своей младшей дочери. Был даже претендент из хорошей русской семьи. Когда Ирма закончила десятилетку, Шаров честно ей сказал, что шансов поступить на дневное отделение пединститута с пятой графой в паспорте немного.

— Поступай, дочка, на вечерний. Присмотри работу, чтобы не мешала учиться, неважно, сколько там тебе будут платить, мы тебя прокормим.

Этот совет может показаться странным, поскольку старшая сестра Лия поступила на математический факультет пединститута в 1948, была принята, благополучно окончила его в разгар антисемитской кампании, задуманной бан-

дитом с рябым лицом, и в день его кончины уже вела свой первый выпуск к успешному финалу. Она их хорошо помнила, этот первый выпуск. Мальчишки даже через пять лет после окончания института приходили с цветами поздравить с днем рождения.

Однако мы отвлеклись. Основной претендент на руку Ирмы решил не искать счастья в Москве и поехал в Рязань. Учился на радиоинженера, домой заезжал нечасто. Конечно, всегда заглядывал к Ирме, но расстояние охлаждает чувства. Как-то постепенно, мало-помалу произошло охлаждение чувств. И тут на горизонте появился Аркаша, который не стеснялся уже на втором посещении стать к раковине и помыть посуду, быстро стал своим и вскоре все уже знали, что у Ирмы появился жених. Родители жениха, хоть и жили в отвратительной «двушке» с окнами на трамвай, которую с великим трудом выбили из Райисполкома при помощи главного врача, начальницы матери, считались цветом советской интеллигенции. Мама жениха не скрывала, что их сын из хорошей семьи, что ставило сватов в сложноподчиненное положение. Несмотря на большую разницу в зарплате (почти вдвое) будущая свекровь распорядилась, что расходы на свадьбу будут нести на равных.

И вот, Аркаша поселился в той же шестиметровой комнатке, куда родители Ирмы затащили новый раскладной диван. Три года молодые жили в этой клетушке, купили лимонного цвета шторы, тумбочку под приемник и водрузили на неё радиолу «Sakta», принимали друзей и потчевали их классической музыкой. Потом случайно Ирма понесла и в начале следующего года родила сына Игорька. Опять повторилась ситуация с семьей на шести квадратных метрах. Как сладко Роза ни пела про уютную жизнь семьи в каморке, Аркаша сказал, что так жить невозможно, и он будет вынужден уйти к маме. В отличие от Давида, Аркаша был совсем бестолковый, деньги зарабатывать не умел, и Роза немного презирала его за никчемность. Однако во избежа-

ние позора она согласилась освободить для молодых свою двенадцатиметровую спальню и переехать в каморку на относительно новый раскладной диван.

Даже бестолковые иногда продвигаются по жизни благодаря Фортуне. Приятель Аркаши, большой умник и оригинал в эти же годы заканчивал аспирантуру под руководством академика М. и на вопрос шефа, нет ли на примете толкового парня в аспиранты к его коллеге, назвал Аркашу. После трех лет упорной работы Аркаша слепил вполне приемлемую диссертацию и уже через год принес домой первую приличную зарплату. Дальше-больше. Через два года его патрон пробил через ученый совет ставку старшего научного сотрудника, и Аркаша стал получать целых двести пятьдесят рубликов!

С такими деньгами можно и жилищную проблему решить. Обсудили ситуацию с Лией. Лия к этому времени сильно продвинулась в карьере, стала районным методистом, курировала даже математическую школу. Лия сказала, что на Сиреневом бульваре собираются строить кооперативную двенадцатизэтажную башню для врачей и преподавателей района. Со стороны людей не берут, но она похлопочет, чтобы родителей вставили в список. Сказано-сделано. Ирма одолжила две тысячи с отдачей в рассрочку у родной тетки, одинокой женщины, которая посвятила себя своим многочисленным племянницам. И вот, родители переехали в эту чудесную квартиру, поближе к Раю Господнему.

Нельзя сказать, что всё-всё шло, как по маслу. Шаров никак не желал поверить в честность намерений молодой пары. Уж очень ему насолил в прежние времена Давид со своими ультимативными посланиями. Поэтому на уговоры Ирмы он просто показал фигу, чем вызвал слезы обиды. Однако, когда подключилась Лия, которая расписала всю прелесть жизни в отдельной квартире, он размяк и согласился на разъезд, но строго предупредил, чтобы паевую часть квартплаты дети отдавали ему без опозданий ежемесячно,

потому что пенсии у них с Розой небольшие. Правда, к этому времени они накопили шесть тысяч рублей на двух сберкнижках, но решили истратить эти трудовые накопления на путешествия и удовольствия, что и делали в летние сезоны. Напомним читателю, что в эти годы можно было приобрести автомобиль «Жигули» за пять с половиной тысяч, но Шаровым эта роскошь была ни к чему. Метро находилось в десяти минутах, остановки троллейбуса и автобуса в трех минутах от дома. Продовольственные магазины — напротив через улицу. Рай земной! Рай!

И вот — эта неожиданная болезнь. Началось с внезапно начинающегося неудобства то с левой, то с правой части живота, словно судороги короткие. Жаловался Розе, потом Ирме. Дочка сказала:

— Запишись, папа, к врачу. Пройдешь рентген, анализы сделаешь...

Пока Шаров собрался на прием, месяц прошел. А куда торопиться в семьдесят пять лет? Районный врач, пожилая тетка, хорошо знала семью Шаровых. Посмотрела анализы, описание рентгеновского снимка и предложила Шарову лечь на пару недель в стационар для более тщательного обследования. Юрий Львович любил лечиться, охотно согласился. Врачи поглядели, пощупали живот и сказали Розе, что это, скорее всего, рак желудка и что нужно немедленно назначить операцию. Роза позвала детей, попросила совета. А что дети? Раз врачи настаивают — надо соглашаться. Далее Шаров с юмором рассказывал, как его привели в операционную, он лег на стол, закрыл глаза, потом открыл — и оказалось, что операция закончена. Вот только шов через весь живот.

— Так у нас в палате все с такими животами, — со смехом добавлял Юрий Львович.

Однако Розе было не до смеха. Хирурги вскрыли живот пациента и обнаружили опухоль, которая обвила весь желудок подобно обезьяне на стволе дерева. Её метастазы уже

шли вверх и вниз от желудка. Случай был неоперабельный. Шаров лежал в палате на шесть человек. Ему было весело. Привык жить в коллективе. Розе медсестра дала табурет, чтобы не сидеть на постели больного, и верная подруга ежедневно просиживала не менее шести часов с мужем.

У одной из знакомых Лии муж работал во Внешторге, и он достал для Шарова пару баночек черной икры. Узнав об этом, Аркаша подумал, что раньше о такой роскоши и не мечтали, а теперь, когда никаких надежд на выздоровление не осталось, стали баловать больного деликатесами. Прошло две недели. Поскольку с Шаровым всё было ясно, его отправили домой.

Какое счастье, что у них был балкон. Теперь почти весь световой день Шаров дышал свежим воздухом. Роза могла при этом спокойно заниматься кухней. Дети приходили, старались пустой болтовней развлечь отца. Приближался его день рождения.

Гостей не звали. Давид разлил по рюмкам вино и предложил выпить за здоровье именинника. Шаров хотел ответить шуткой, но вдруг заплакал и сказал, что это последний в его жизни праздник. Тут все зашумели и стали уговаривать его успокоиться, мол, он еще поправится, главное — не терять оптимизма. Как хочется верить вопреки разуму в лучшее! Шаров успокоился, затих и потом тихо, словно извиняясь, сказал, что приляжет ненадолго, а дети пусть еще посидят.

Семья, где супруги достигли весьма преклонного возраста, даже в условиях постоянного дефицита всего, что необходимо для жизни, способна обзавестись предметами, украшающими быт. Эти предметы выставляются в сервантах и редко используются, что способствует их долгожительству. То же касается подписных изданий. Шаров с подачи мужа родной сестры Юдифи, систематически выкупал тома великих классиков и с течением времени собрал солидную библиотеку, для хранения которой был приобретен фундаментальный дубовый шкаф с большими стеклянными дверцами.

В семьях дочерей любили книги, а Аркаша был просто книжным фанатом. Наверное, поэтому он однажды не удержался и спросил у тестя, нельзя ли выкупить несколько подписок.

— Зачем выкупать, — просто и решительно ответил Шаров, — бери и читай, а после моей смерти и так всё перейдет вам.

И вот, теперь вплотную приблизился срок ухода тестя, и две молодых семьи стали присматриваться, что бы такое взять на память о любимом папе (тесте). Роза видела, как дочки с мужьями рефлекторно присматриваются к разным вещичкам и книжкам, но не реагировала, потому что уже чувствовала наваливающуюся тоску от предстоящей вскоре разлуки. Муж быстро слабел. В один из дней он вышел на балкон и вдруг потерял сознание. Хорошо, что Роза была рядом, а то он мог бы стукнуться головой о бетонный порожек перед балконной дверью. Короткий обморок не испугал его, а удивил. На следующий день он со смехом сказал Аркаше:

— Представляешь? Вышел я на балкон и отключился в секунду. Вроде — был я и вдруг меня не стало!

После этого происшествия, разум быстро стал покидать Шарова. Среди недели он представил себе, что пошел в туалет, присел и справил нужду посреди коридора. Еще через пару дней он стал заговариваться. Увидел своего отца и стал звать его тоненьким детским голоском:

— Тата, Тата!

Аркаша подошел к его постели, склонился над ним, и Шаров узнал его, бережно взял его руку и молча прижался к ней губами.

— Ну, что вы, Юрий Львович, — смутился Аркаша. — Это я должен у вас руку поцеловать!

Через три дня Роза позвонила обеим дочерям, благо у обеих уже были телефоны, и сказала просто:

— Дочка, папы больше нет.

Дочери приехали. Потом появился внук Боря. Аркашин сын в это время проходил практику в Баку. Зятя вызвали

труповозку. Двое мужиков поднялись на двенадцатый этаж, положили Шарова на простыню, взялись дружно за концы и поехали с ним вниз. На дворе стояло жаркое лето и Аркадий, спускаясь в лифте через четверть часа, явственно ощущал трупный запах. Тесть очень быстро стал разлагаться на составляющие молекулы. В руке Аркадий держал зонтик-тросточку, который присмотрел заранее. Боря уже успел до прихода Аркадия забрать дедушкин фотоаппарат ФЭД-2, а Давид завладел транзисторным приемником. Роза спокойно смотрела на аннексию имущества. Тоска сдавливала сердце так, что приходилось постоянно принимать сосудорасширяющее.

Ясно, что Роза не должна была остаться одна. Лия к этому времени получила через РОНО (районный отдел народного образования) прекрасную трехкомнатную квартиру на восьмом этаже, которую с уважением называла «чешский проект». Съезжаться с Розой в их планы не входило, хотя Давид намекал, что в моральном плане они могут претендовать на квартиру Розы, дабы прописать Борю на её площади.

Жилищные условия семьи Ирмы за это же время, напротив, резко ухудшились. Рядом с их пятиэтажкой был выстроен огромный девятиэтажный дом, и вскоре выяснилось, что проектировщики ошиблись в плане обеспечения его горячей водой. В результате обязали ЖЭК в кратчайшие сроки поставить в бойлерную спаренные насосы подкачки. И эти проклятые насосы оказались прямо под квартирой Ирмы. Напомним, что Шаровы первоначально жили на первом этаже. Аркаша проснулся однажды утром от шума, пронизывающего всё пространство, и со злостью подумал, что какой-то шоферюга остановился напротив и не выключает свой грузовик. Однако выглянув в окно, он никого не увидел, а обернувшись — узрел наполненные слезами глаза Ирмы, которая сказала, что пришел конец их счастливой жизни и что теперь до самой смерти они будут слышать этот несмолкающий рёв насосов.

Описывать всю эпопею борьбы с бюрократической системой — это значит потерять дорогого читателя, ибо это смертельно скучно и пишущему, и читающему. Посему скажем только, что борьба с ЖЭКом длилась три года и кончилась тем, что многострадальную квартиру забраковали и выдали семье Ирмы другую на окраине Москвы в новостройке посреди неопикуемой грязи, напоминающей пейзаж после битвы на Курской дуге в 1943 году.

Дорога к дому от автобусной остановки представляла собой полосу препятствий. Через рытвины, заполненные черным киселём, были перекинуты хлипкие доски, шаг вправо или шаг влево угрожал опасностью набрать полные полуботинки грязи. Строители успели воткнуть перед выстроенными домами фонари, свет которых скрадывал неровности рельефа и увеличивал возможность травмы при падении. Тут и там угрожающе из земли торчало разнообразное искорёженное железо. Возможно, что возведенная улица, высокопарно названная Майским бульваром, представляла вариант чешского проекта. Первый высокий этаж зданий закрывался огромными витринными стеклами, через которые можно было видеть мозаичный пол, цветной кафель стен, лестницу и лифт. У второго здания одно такое же стекло было разбито и половина его покрывала безобразная фанерная заплатка. В телефонных кабинках трубки были вырваны с мясом, так что позвонить в случае экстренной необходимости не было никакой возможности. Складывалось впечатление, что предоставленное людям жильё возбуждало в них ненависть и агрессию.

Планировка квартиры была идеальной. Три изолированных комнаты на втором этаже и два балкона. Однако свет, горячая вода и электроплита не были подключены. Аркаша не без труда нашел домоправительницу, роскошную даму в меховой куртке с капюшоном, представился ей и тут же вручил дефицитный шоколадный набор. Его маневр удался. Дама оторвала свою аппетитную филейную часть от кресла

и величественно поплыла к двери. Не переставая шутить и сыпать комплименты, Аркаша завел даму в подаренную государством квартиру и сказал, что ему просто позарез надо привести её в порядок в связи со сложными семейными обстоятельствами. Дама одарила Аркашу улыбкой и пообещала помочь. Аркаша тут же попросил назначить время следующего свидания и телефончик.

— А сейчас я должен уезжать, меня ждут мои сотрудники, я очень рад нашему знакомству, до скорой встречи, — выпалил он и побежал к автобусной остановке.

Спустя месяц, благодаря постоянному чуткому уходу за будущим жильца за прекрасной дамой, квартира была доведена до кондиции обычного человеческого жилья. Заказали машины для перевозки барахла и бесконечных коробок с книгами. Перевезли, кое-как распахали по комнатам, взяли самое необходимое и поехали к Розе на постой, ибо сама мысль о постоянном проживании в этой дыре была невыносимой. Казалось, вот-вот из-за угла появится «Экстерминатор» с двумя ручными пулеметами за спиной и начнет крошить людишек, бегающих между домами в непролазной грязи.

План был прост. Не устраиваться в полученной квартире, а сразу приступить к обмену двух — новой и кооперативной на большую, четырех- или пятикомнатную.

Ирма с жаром взялась за дело. Сразу после ужина она садилась за телефон и начинала нескончаемые переговоры с жильцами коммунальных квартир, каждый из которых ненавидел своих соседей и мечтал разъехаться, но при условии, что соседи получают в результате квартиру похуже. Люди, берущееся за обмен, у нас именовались агентами. После трех месяцев бесконечных переговоров, раздражения и ссор внутри семьи, Ирма сдалась, и Аркаша нанял агента. Он тогда уже зарабатывал четыре с половиной сотни ежемесячно (отметим в скобках, что ведущий инженер получал половину этой суммы). На агента его вывел знакомый,

с которым он опубликовал пять статей в журналах Академии Наук. Этот знакомый имел другого знакомого, которому агент приходился дальним родственником. Агент, сразу запросил пять сотен авансом.

Как потом выяснилось, это была жалкая и ничтожная личность, пожилой еврей, которому другой еврей дал возможность заработать за счет Аркаши. Он подсовывал варианты, которые находил среди газетных объявлений, и каждый раз изображал искренне разочарование, когда Ирма после осмотра говорила, что это ей совершенно не подходит.

— Что же-таки нужно вашей жене, наконец? — спрашивал агент у Аркаши, стараясь сделать его своим союзником.

После очередного семейного скандала Ирма позвонила агенту и сказала, чтобы он вернул аванс, так как с работой он не справился. И тут выяснилось, что денежки уплыли. Всплыла информация, что пресловутый агент имеет справку о том, что он не вполне нормальный. Поэтому подать в суд за мошенничество и вернуть деньги невозможно.

— Нет, я его заставлю, — сказала Ирма, — у меня созрел план!

— Да брось ты! — воскликнул Аркаша, — только попортишь нервы. Мы еще молодые, заработаем.

— Нет, — отрезала Ирма. — Тут ведь жульнический синдикат. Я знаю одну женщину, которую он так же кинул. А у неё тоже могут быть знакомые, пострадавшие из-за этого прикурка. Я соберу информацию и свяжусь с его женой. Я на неё подам в суд!

— Делай, как знаешь, — тихо согласился Аркаша.

— Послушай, меня приглашают в Ярославль на пару месяцев принять участие в реставрации росписей в одном соборе. Деньги небольшие, но интересно. Ты не против? Летом все равно деятельность по обмену спадает, люди в отпуск собираются...

— Конечно же, поезжай.

Теперь в наше повествование войдет еще одна семья. Её возглавляла женщина с простым приветливым и красивым лицом. Звали её Ксения Ивановна. Работала она в той самой котельной, которая находилась под первым этажом того дома, где жили Шаровы. Когда Ирма с маленьким сыном выходила по двор погулять, она часто встречала Ксению Ивановну, которая поднималась из котельной глотнуть свежего воздуха. Слово за слово — познакомились, с удовольствием говорили на бытовые темы, о детях. У той росла дочь-школьница Танька, поздний и обожаемый ребенок. Муж её работал слесарем на заводе, тоже обожал дочку, гордился красотой жены и потому почти не пил. Ксения Ивановна крепко держала руль семейного ковчега. Расписание работы в котельной — сутки дежурство, двое суток свободные очень устраивало семью. Ксения Ивановна в нерабочие дни шарилась по универсамам, стояла в очередях за дефицитом, а потом перепродавала тем, кто был вынужден всю неделю ходить на службу. Ирма с Аркашей в её услугах не нуждались, не говоря уж о Шаровых. Это придавало женской дружбе натуральную сердечность. Домой к Ирме даже после отселения родителей Ксения Ивановна заходила крайне редко. Ирма иногда заносила в котельную сладости и гоняла там с подружкой чаи, потом умиротворенная и наговорившаяся вдоволь, делилась с Аркашей новостями двора и окрестностей.

Однажды Ксению Ивановну заприметили контролирующие органы, устроили слежку и довели дело до суда. Получила она всего два года за спекуляцию. Ни в одной капиталистической стране такой статьи нет и не может быть, ибо спекуляция есть бизнес. Главное — плати налоги с прибыли. В нашем нищем отечестве борьба со спекуляцией носила принципиальный характер: либо мы победим спекуляцию, либо погибнут все революционные завоевания. Ленин велел расстреливать спекулянтов без жалости. Почему-то в его гениальную голову никак не могла пробиться элементарная

мысль — дайте народу возможность работать на себя, и он сам себя прокормит, оденет и обустроит, и даже вам даст денег на ваши амбиционные планы. Когда эта простая мысль проникла в голову гения, он объявил НЭП, и в считанные годы страна перестала голодать, появились даже рестораны, магазины и реальные деньги у населения...

Ксения Ивановна вернулась из мест заключения поху-девшая и помолодевшая. В колонии имелась знающая докторша, которая излечила заключенную от ранней гипертонии. Танька в её отсутствие вела хозяйство и доучивалась в школе. Отец на неё не мог нарадоваться.

Деньги у них были хорошо припрятаны, а связи с деловыми людьми остались, так что после возвращения из колонии мать пристроила Таньку в коммерческое училище, и через два года дочку распределили в огромный гастроном старшим продавцом. Тогда же у дочки случилась крепкая любовь с парнем из хорошей, обеспеченной семьи. Ирма с Аркашей были на пышной свадьбе, которую играли в местном кафе. Родители молодой пары скинулись и сунули денег одному нужному человеку, и тот помог молодой семье переехать через год после свадьбы в отдельную однокомнатную квартиру в чудесном тихом переулке в двух остановках от метро.

Жизнь — штука непредсказуемая. После рождения внука Танька быстро развелась с любимым мужем, и Ксения Ивановна практически переселилась к ней, чтобы пацан рос в благополучной атмосфере. График работы был всё тот же — сутки дежурства, двое суток свободных.

Вот тут произошел разворот жизни семей Ирмы и Ксении Ивановны навстречу друг другу. Аркаша нашел толковую девушку-агента по обмену, а она быстро обнаружила хорошую коммуналку с двумя соседями, причем один сосед пенсионного возраста жил бобылем. Соседняя семья очень страдала от его неряшливости, но ничего поделать с ним

не могла — не убивать же! И тут созрел гениальный вариант: Таня с сыном едет в квартиру Розы, неприятный сосед поселяется в квартире Тани. Соседи пенсионера оставляют три комнаты Аркаше и получают великолепную трехкомнатную квартиру на Майском бульваре. Когда пенсионер взглянул на Танину квартиру, он сказал, что мечтал о ней всю жизнь. Соседней семье тоже понравилась Аркашина квартира. Короче — всё закрутилось быстро-быстро, и бюрократическая машина выплюнула новоселам ордера по новому месту жительства. К возвращению Ирмы Аркаша с друзьями уже свёз вещи в бывшую коммуналку. Можно было приступить к ремонту.

Квартира казалась огромной — почти сто квадратных метров. В широкий коридор выходили три комнаты из четырех. Конечно, пришлось раскошелиться на ремонт, прежде всего, полов. Но ничего, ничего. Нашелся на работе умелец, ободрал полы, покрыл лаком — ну, просто дворец съездов. Аркаша прикрепил в коридоре стенное зеркало, расстелил ковровую дорожку, поставил под зеркало складной диван — приезжайте друзья и родственники, всем места хватит!

Шкаф с подписными изданиями стоял у Розы. Семейное достояние. Лия с мужем вскоре начала искать пути, мол, пора бы уже поделить книги пополам, но Ирма сказала:

— Ты можешь договориться с мамой и забрать всю библиотеку себе, но общаться с тобой и Давидом я после этого не буду.

И Лия отступилась. И вообще было похоже, что младшая пара обходит старшую по всем статьям в этом беге на длинную дистанцию. Вот, уже и Аркаша стал заведующим отделом в своем институте, стал получать больше, чем Давид раза в полтора. И дачу на садовом участке недалеко от Москвы построили...

Всё было так хорошо. Жить бы теперь, да жить. Однако стала Роза жаловаться на слабость и на боли в желудке. Ну,

что ж, есть знакомые врачи в родне, положили на обследование. Диагноз всё тот же — рак желудка, неоперабельный. Как положено у нас — от больного скрывают. На юбилей друзья и родня пришли. Один известный хирург, тесть внука Розы, тоже пришел поздравить и, прекрасно зная ситуацию, лицемерно произнес тост за здоровье. Вскоре после юбилея началось резкое ухудшение состояния. Сидели однажды за столом, Аркаша предложил выпить по рюмке рябиновой настойки. Сам делал. На хорошем спирте, разбавленном вдвое. Вкус и аромат исключительный. Роза по настоянию зятя выпила, потом зашла в туалет и там потеряла сознание. Хорошо, что не успела задвинуть защелку. Аркаша еле вытащил её обмякшее тело.

Что самое страшное в этой болезни, это невыносимые мучения, которые могут настичь еще живое и мыслящее существо. Можно считать, что её мужу Шарову повезло, так как он потерял разум на пути к неизбежному концу. У Розы опухоль стала перекрывать пищевод и, в конце концов, перекрыла. Во избежание адских мук врачи решили сделать обвод. То ли делали тят-ляп, то ли срок жизни уже кончился, но после операции Роза прожила лишь до следующего утра. Она громко бредила ночью и лежавшие рядом больные громко выражали своё недовольство и бегали на пост, требуя убрать докучливую пациентку. Сестра лишь разводила руками — без указания врача не имею права.

Сын служил в армии, слава Богу, офицером. В крошечном городке под Липецком. Афганская война еще полыхала. В Россию регулярно поступал «груз 200».

— Благодарю тебя Господи, — шептал по ночам Аркаша, — Если бы его отчислили за неуспеваемость и отправили бы умирать под красным знаменем за чужие грехи, мы бы проклинали себя каждый день и час, что не смогли его спасти.

Остались они вдвоем в гулкой пустой квартире. Часто приходили друзья, и родня не забывала. Первым делом спрашивали, как там сын.

— Служит наш сын,— с некоторым оттенком гордости и горечи отвечала Ирма.— Ждем. Верим, что всё окончится хорошо.

— Представляешь, встретила Таньку на выходе из нашего метро, сказала Ирма за ужином.— Она так изменилась! Постарела. Я, пожалуй, её и не узнала бы, если бы она меня не окликнула. Ничего хорошего. Отец три года назад умер, а перед этим ослеп совершенно. Ксения Ивановна за ним ходила. Потом полгода назад то ли понервничала, то ли расстроилась, пришла в себе домой и чувствует, что всё хуже ей. Позвонила Таньке на работу, та прибежала — а мать паралич разбил. Неотложка, как всегда, опоздала чуть ли не на час. Повезли её в больницу, а там второй инсульт случился. Так и ушла, не приходя в сознание. Теперь у Таньки дело — объединить квартиры. Сын Леша из армии вернулся. Как умно поступила мать, что прописала внука к себе!

Что меня насторожило — жалуется Танька на боли в желудке, слабость, потерю интереса к жизни. А ведь ей и пятидесяти нет. Я ей говорю, что, мол, не тяни, сходи к врачу, рентген сделай, а она рукой машет — некогда, работы много.

Прошел год. Аркаша в это время уже вынашивал планы переезда в более цивилизованную страну, советовался с друзьями. Работал он в это время на территории знаменитого Курчатовского центра. Сын вернулся из армии. Пристроили его к знакомой тетке в аналитическую лабораторию при институте стали и сплавов, пусть поучится нужной специальности, в армии, чай, всё позабыл. Армия она такая — все мозги отшибает. Да и в виду строящихся планов неплохо бы освоить нужную профессию. Аналитики в любом производстве нужны.

Вдруг звонок — звонит Танькин сын Алеша.

— Приезжайте на похороны, мама умерла. От чего умерла? У неё был рак желудка.

Аркаша вертелся ночью и всё спрашивал Ирму, что это за напасть гнездится в той милой кооперативной квартире, которая столько радости принесла её родителям.

— Вот что я сделаю, — сказал он утром перед работой. — У меня в Курчатовском полно знакомых. Одолжу у них радиометр и проверю квартиру. Есть у меня подозрение, что строители купили бетонные блоки на комбинате, а те набрали для изготовления блоков материал из карьеров, куда сбрасывали радиоактивные отходы. Такие случаи уже бывали.

Алеша, сын Тани не очень приветливо ответил на Аркашин звонок. Пришлось его убеждать, что это необходимо для его, Алешиной пользы. Аркаша взял с собой бутылку «Зубровки» и мелкого частичка в томате для создания соответствующего настроения и в восемь вечера уже нажимал звонок знакомой квартиры. Алеша был один. Увидев настырного гостя, он нахмурился, но вид бутылки оживил его. Они быстренько хлопнули по пятьдесят грамм, закусили частичком, и Алеша уже полез разливать по новой, но гость решительно сказал, что сперва дело.

Нет, не зря он еще в студентах проходил практику в химвойсках. В спальне часть стены, возле которой стояло когда-то супружеское ложе Шаровых, создавала радиоактивный фон, почти в восемь раз превышающий допустимый уровень — около четырехсот микрорентген в час. В кухне часть другой стены за газовой плитой тоже была опасна для жизни, хотя в меньшей степени — около двухсот пятидесяти. Роза в свое время стояла у плиты не более двух часов в день, хотя обеденный столик на кухне тоже облучался.

Для Аркаши всё сразу стало ясно. Квартира оказалась троянским конем. Он решил ничего не говорить Ирме. Зачем впустую портить ей настроение на много дней вперед? Ничего уж не поправишь! Но как быть с Алешей? Если начать работу по его спасению, это может закончиться для Аркаши крупнейшим скандалом с оргвыводами о соответ-

ствии служебному положению. Ведь его инициатива с радиометром была нелегальной, то есть противозаконной.

Так браться за это дело или отказаться? Он ясно представлял себе реакцию Ирмы. Сейчас, когда он окончательно решил сваливать из страны, это дело может преподнести ему неприятнейший сюрприз. Нет, не будет он дергать тигра за усы. Собственное спокойствие дороже. А страна у нас большая, населения хватает. Русские бабы нарожают алёшек столько, сколько надо отечеству. Вон, сколько в Афгане мальчишек погибло и покалечено — десятки тысяч. И никто не спросит начальников — зачем?!

...Они на равных допили «Зубровку» и расстались лучшими друзьями.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК Я СТАЛ НЕ-ЧЛЕНОМ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА

(уголок горького юмора)

Частное мнение:

Добрый вечер, Александр!

Все открылось, замечательно, супер. Немного слишком быстро, я не во всё всмотрелся. Потом еще раз просмотрю. Вы потрясающе талантливый и разносторонне талантливый человек. Прямо, Леонардо да Винчи. Что мне еще очень важно, как Вашему коллеге (по изящной словесности), Ваши произведения вызывают ответные длящиеся чувства и думы.

Спасибо. Рад нашему знакомству.

Владимир Соловьев, писатель

Вся штука в том, что я стал задумываться, что будет с моими картинами, которые я сделал за последние десять лет. Я человек не публичный. Единственное, что удалось — показать работы на Ютубе.* Есть обоснованное подозрение, что после моего ухода мой сын Илья с матом на устах выкинет мои работы в мусорный контейнер из чувства ненависти ко мне и полной его безграмотности во всём, что касается духовной жизни. С моими книгами ситуация куда лучше.

* вот ссылка: <https://youtu.be/6g6zjh6cqVc>

Всё они находятся в библиотеке Конгресса (Благослови Америку, Господи!). Вот, я и стал обращаться к разным людям с мечтой пристроить своих детишек, спасти их от варварского уничтожения.

Hi Bob

You know that I'm 82 now, so I'm worry about my pictures. It seems to me that my son will throw them out in the nearest garbage container after my death. Let's look at one variant: what if I offer all my pictures, as a gift, to any Marblehead museum? They could look at them in YouTube beforehand. May be, you have some rich friends who could save them and organize a exhibition?

In any case I need a practical advice.

Alik

Алик, добрый день!

Я получила ответ от второй своей знакомой.

Это президент Пушкинского общества Америки Виктория Курченко. Я член этого общества, поэтому и обратилась к ней, зная, что она очень трепетно относится к нашему общему культурному наследию.

Вашу ссылку в Ютубе я ей тоже отослала.

Чтобы не было эффекта испорченного телефона, я, как и в первом случае, просто высылаю ее ответ на мой вопрос.

Вот он:

«Работы возьмём в любом случае. Но формально, если он хочет не просто сохранение, а выставки и продвижение, посоветуй ему стать нашим членом и тогда на этом основании он приобретает официальное сохранение работ как член Общества. За членство надо

заплатить 75 в год. Но мы не имеем другого финансирования, это надо каждый раз объяснять».

Здравствуйте, Таня (Т. Ш.)

Прежде всего — моя сердечная благодарность. Деньги за членство в «Пушкинском Обществе» (Нью Йорк) я могу отправить в любой момент, ибо 75 долларов — это не деньги.

Основные вопросы — куда и как отправлять картины, как обеспечить их сохранность, кому перечислить 75 и прочее.

Я подал запрос на дружбу в ФБ, но Виктория (председатель Общества) может и не откликнуться. Нельзя ли с её разрешения воспользоваться почтой, она оперативнее, чем Мессенджер.

Я ведь живу в маленьком городке Линн под Бостоном, машину не вожу, значит, её надо заказывать заранее.

Не хочу вас нагружать проблемами. Е-мэйл помог бы решить их быстро и эффективно в прямом контакте с Викторией.

Искренне Ваш

Алик

В Пушкинское общество Америки (NY)

Я, Kotov A. V. (псевдоним Алик Толчинский) хочу стать членом Пушкинского общества Америки. Мой телефон 781-...-..., мой E-mail: aleksandrkotov@.....

Мой почтовый адрес:

1. Прошу Вас сообщить мне адрес, по которому я могу выслать чек и размер суммы.

2. Согласно моим переговорам с Викторией Курченко, я могу привезти для постоянного хранения и орга-

низации выставки мои работы. Поэтому мне необходимо знать:

— адрес доставки картин и соответствующих рекламных материалов,

— конкретное лицо, с которым я могу вести переговоры о сроках выставки и документ о передаче моих работ в собственность Пушкинского Общества.

Поскольку я известен в США, как автор ряда книжных публикаций, я также передам Пушкинскому Обществу свои книги на русском и английском языке для общественного пользования.

3. Прошу Вас ответить мне побыстрее, учитывая мой преклонный возраст.

С уважением

Алик Толчинский

00/00/0000

Уважаемые Виктория и Наташа (секретарь ПО)

Я отправил чек несколько дней назад. Надеюсь, что вы его получите. Я посылаю вам свой адрес и биографию:

BIOGRAPHY

ALIK TOLCHINSKY was born in Moscow, Russia. After graduating from the institute (MITChT), he engaged in chemical research. He is an author of more than one hundred scientific publications and inventions, Doctor of Chemical Sciences, Professor.

I began writing in the late ,70s. The first book, ***Reflected in the Mirrors***, was published in Moscow in 1998. After immigrating to the USA in 2000 I continued my literary work and published (in Russian) collections of short stories and essays: ***Mosaic of Life*** (2008), ***Nonconformist*** (2011), a novel ***Final Variant*** (2008) and

many others. Two books: *I'm One of Them* (2013) and *Failed Experiment* (the KGB and a poet) (2015) were published in English.

I live in Lynn (MA) from 2000. I took a part in many annual shows in city-Lynn. My personal exhibition «I'm One of Them» is placed on YouTube. There are more than 20 interesting and magic works.

Our Readers can find and read 14 books on my site:

Alik Tolchinsky

Russian art and book writer

Уважаемый Александр!

Поздравляем Вас со вступлением в Пушкинское общество и надеемся на плодотворное сотрудничество!

С уважением

команда Пушкинского общества

Дорогая Таня (Т. Ш.)

КОМАНДА Пушкинского общества поздравила меня с принятием в свой пушкинский круг. Я думаю, что узнав об этом, Пушкин перевернулся в гробу.

Я вам сердечно благодарен за наводку. Я задал КОМАНДЕ ряд практических вопросов. Теперь буду смиренно ждать ответы (или ответов).

Искренне Ваш

Алик Толчинский

Команде Пушкинского общества

Принимаю ваши поздравления. Теперь хотелось бы обсудить с руководством различные аспекты сотрудничества, учитывая мои ограниченные возможности передвижения. Я хотел бы познакомиться с командой

ПО, поскольку пока был лишь один разговор с Викторией Курченко.

Итак:

1. Кто состоит в команде, и с кем можно поддерживать постоянный контакт (почтовый адрес, E-mail, рабочий телефон)? Меня интересует реальная численность ПО, поскольку я хочу предложить перспективный проект, который я хочу обсудить с Викторией в личном разговоре.

2. Что может предложить мне команда ПО для совместной работы на предстоящий год?

3. Я предполагаю выставить свои работы с помощью команды ПО не раньше Мая 2022 года и хочу выяснить, какие действия следует предпринять мне и команде ПО в этом направлении, включая мои расходы.

4. Я — автор двух мелодий на стихи А. С. Пушкина, которые могут быть представлены аудитории. Ноты я могу переслать по адресу ПО. Специалисты хорошо отзываются об этой работе.

5. Я — автор фантастической повести «Неудавшийся Эксперимент», главным героем которой является клонированный двойник А. С. Пушкина. Эта же книга опубликована на английском с подзаголовком «КГБ и Поэт».

Уважаемая Виктория

Положено ли мне, как участнику вашего общества, какое-нибудь удостоверение? Ведь одно дело, когда я говорю, что состою в этом обществе, а другое дело, когда я могу показать что-то вроде членского билета.

Прошу мне ответить, потому что ситуация неловкая. Ведь я вам посылал свою фотографию.

Алик Толчинский

Уважаемый Александр!

Какое имя должно быть на членском билете — *Alexander Kotov* или *Alik Tolchinsky*. Напишите, пожалуйста, правильный спеллинг по-английски.

С уважением

команда Пушкинского общества

Команде Пушкинского общества

Thank you a lot for your message. My name, as an artist and writer, is ALIK TOLCHINSKY

Алик Толчинский

Уважаемый Алик!

Вот ваш членский билет. Распечатайте его и, если желаете, лучше всего ламинируйте.

С уважением

команда Пушкинского общества

Команде Пушкинского общества

Добрый день (или вечер)

Я получил членский билет и был совершенно разочарован. Такую «ксиву» я мог бы слепить за пять минут и сам.

Я понимаю, что у вас нет типографии и «корочку» для членского билета вы сделать не в состоянии. Но как же без подписи (факсимиле) председателя общества? Как же не разориться на пару долларов, чтобы послать членский билет на плотной бумаге (картоне) по моему адресу? Печати Общества у вас тоже нет?

Какой пример неуважения к личности!

Прямо как в любимом отечестве.

Алик Толчинский

Уважаемый Александр!

Мы сожалеем, что Ваше разочарование членским билетом было настолько совершенным, что в Вашем лексиконе даже не нашлось альтернативных замен, присущих великому и богатому языку Пушкина, чье имя мы носим.

Но это кстати. Можете этот билет ликвидировать, поскольку он уже не понадобится.

Ваш чек не был обналичен, поэтому деньги остались при Вас.

Желаем Вам всяческих успехов в жизни и творчестве.

С уважением

команда Пушкинского общества

Алик, добрый день!

Я в курсе вашей истории с Пушкинским обществом. Мне не хотелось бы принимать какое-либо участие в ее обсуждении. То, что я могла сделать, я уже попробовала сделать. Что делать дальше — это ваш выбор. Всего доброго,

Таня. (Т. Ш.)

Здравствуйте, Таня (Т. Ш.)

Вы правы. Я не хотел уронить себя в Ваших глазах. Я не хочу знать, что обо мне наговорили. Я всё же считаю, что мои генеральские эполеты заслуживают уважения.

Алик

ПОСТСКРИПТУМ

Дело, конечно же не в деньгах. Это «общество» такая же лажа, как «русское» научное общество в Бостоне. Я мечтал обратиться ко всем членам ПО с призывом скинуться по тысяче долларов и купить помещение для всех, чтобы не устраивать выставки в кафешках или дешевых рестораничках, чтобы разместить там библиотеку и даже научный зал. Я в разговоре с Викторией выяснил, что они хранят присылаемые им работы чуть ли не под кроватью в своих квартирах.

Многое можно было бы сделать. Людское равнодушие способно погубить любое хорошее начинание.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я назвал свой текст «История моего современника». Название столь широко, что любой пишущий о своей жизни, жизни друзей и даже больших коллективов, в конечном итоге сочиняет одно и то же. Мы все вместе живем в истории, история проявляется, хотя и неявно, через нас. Из-за этой неясности мы никак не можем усвоить её уроки. Поэтому хотя каждый пишущий излагает свою жизнь (иногда имитируя её, как жизнь отвлеченного персонажа), сходство ситуаций, ссор, объяснений в любви и описаний любовного угара, возникновения ненависти на почве ревности или зависти — всё-всё удивительно похоже. Не потому ли мы с таким жадным интересом читаем сцены романов или повестей? Это же про нас, про современников. То, что мы все, как один, будем болеть, страдать от зубной боли, вырезать злокачественные опухоли, ушивать грыжи и, наконец, умирать — отодвигается в бесконечность. Важно жить сегодня, сейчас — и получать максимум удовольствия от жизни, то есть от еды, ходьбы, купания в реке или в море, от близости с женщиной и, конечно, от хорошей книги.

В большинстве случаев создание фантастических произведений меняет лишь наши «одежды». Герои космоса, жители подземных царств, мыслящий океан, как наше отражение в зеркале — всё зациклено на особенностях нашей, человеческой психологии, иначе нам просто неинтересно читать художественную литературу. Чтение способно давать ощущение блаженства. Даже если в основе сюжета заложен жестокий и полуфантастический вымысел.

Уверяю своих читателей совершенно искренне, что события, происходящие в живой клетке, в миллион раз интереснее и значительнее всего, что сочинила человеческая фантазия, но к сожалению, ни я, ни мои читатели за редчайшим исключением не могут оценить всю мощь и мудрость создавшего нас мира. Чтобы прикоснуться к тайнам происхождения жизни и понять её эволюцию через эволюцию материи, надо много лет прилежно учиться, развивать свой мозг и совершенствовать свои исследовательские возможности. Это дано далеко не каждому.

А каждый — это мы с вами, со своими ограниченными способностями, ленью, нелогичностью, но неограниченной жаждой положительных эмоций, вся сумма которых ощущается, как счастье.

Литература дает нам иллюзию яркого существования. Мой друг Мишка, говорил, что мы напоминаем воронку, в которую вливается вся масса событий окружающей жизни, но из которой выливается слабый ручеек наших возможностей проявить себя в мире. Когда мы читаем «Графа Монте Кристо» — это мы бежим из неприступной тюрьмы, это мы находим сокровища и мстим нашим врагам.

При том, при всем, что мои русскоязычные читатели прожили свою жизнь в чудовищном тоталитарном государстве, наши жизни были окрашены в те же цвета радуги, как и у жителей свободных европейских стран. И различие нашего быта внутри СССР было подчас чудовищным, хотя мы ходили в одни и те же школы, учились в тех же университетах. Скажу о себе. В сорок два года я уже занимал четырехкомнатную квартиру рядом с метро, у меня была роскошная библиотека, я купил избушку в Смоленской области, где проводил отпуск на берегу сказочной Угры... Я осознавал, что рядом, в соседних домах живут в коммуналках на жалкие гроши многие тысячи людей, но я к ним не испытывал чувства жалости. Я мог помочь моим друзьям или родственникам в силу своих возможностей, но посторонние составляли фон, и мне не было дела до них.

Я жил размеренной сытой жизнью, хотя не имел машину и никогда не был за границей. Даже перестройка не смогла поломать мой быт. Я был настолько приспособлен к жизни в государстве с плановой экономикой, что не верил ни единому печатному партийному слову. Я был подобен тому знаменитому муравью из басни Крылова и ухитрился убежать из дорогого отечества до того, как придет КГБ-шный садовник и вывернет лопатой меня с семьей на ледяной зимний ветер.

Несмотря на приобретенный комфорт собственного существования, я многое видел, многое приходилось терпеть, ко многому приспособливаться. Этот житейский опыт я попытался передать следующему поколению в своих книгах. Жизнь не только бесконечна, но и бесконечно разнообразна в своих проявлениях. Самое удивительное в нас, людях то, что мы живем свою коротенькую жизнь так, как если бы она была бесконечной.

*Алик Толчинский,
июнь 2022*

Алик Толчинский — москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук. Живет в Бостоне.

Печататься начал в Москве в конце 90-х годов. Автор семнадцати сборников эссе, рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Окончательный вариант», «Река времени», «Тени на стене», «Нонкомформист», «Продолжение разговора», «Перед заходом солнца», «Бунтующий мозг» и других, изданных в 2004–2021 годах в США.

«...Хорошая книга подобна добротному фокусу: читатель должен закрывать её в состоянии изумления. Литература — искусство, а искусство всегда содержит элемент чуда. В противном случае это не искусство.

Книга Алика Толчинского напоминает зеркальный лабиринт: через какое-то время ты уже не уверен, куда ведёт тебя повествование, что ты видишь — автопортрет рассказчика, портрет героя, своё отражение или ещё чьё-то. Или это просто отражение другого зеркала? Или отражение отражения?

В книге присутствует узнаваемый набор ингредиентов книжки мемуаров: коммунальный коридор, неизбежный общественный клозет, соседский друг Петя — сын водопроводчика, дух кислых щей, поход в баню, драка до кровавых соплей во дворе... Но весь этот, набивший оскомину советский гербарий, автор использует лишь как фон. Его не так интересуют сами события, сколько анатомия поступков. Он не просто описывает персонаж — автор препарирует его, вскрывает череп, лезет в душу, копается в потрохах. Подход автора — смесь психоанализа с аутопсией. Толчинский блестяще совмещает почти немецкий прагматизм стороннего наблюдателя с неожиданной страстью любовника, мужа, отца и друга.

Именно тут ему удаётся вывести книгу на новый уровень. Автор из мемуариста превращается в исследователя бытия. Фрагментарность книги обретает высший смысл: так в фильме Курасава несколько человек рассказывают о том, что видели, но в силу разных обстоятельств рассказы получаются, как если бы они видели разные события. Такое в жизни повседневно случается и не потому, что кто-то что-то пытается скрыть правду, просто мы по-разному понимаем мотивацию событий...»

*Валерий Бочков, писатель, художник-график,
член американского ПЕН-Клуба*

ISBN 978-1-950319-78-7

9 781950 319787